

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет

---

А. А. Воронов

---

# МОНАСТЫРИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

---



Москва  
Издательство ПСТГУ  
2017

УДК 27-523  
ББК 85.113(2)  
В75

**Рецензент**

доктор церковной истории *свящ. Александр Мазырин*

**Научный редактор**

доктор искусствоведения *прот. Стефан Ванеян*

*В оформлении переплета использованы изображения:*

*«Панорама Кремля и Замоскворечья от Тайницкой башни», раскрашенная литография по рисунку Д. С. Индейцева, 1850 г.;*  
*картина «Внутренний вид Алексеевской церкви Чудова монастыря в Московском Кремле», С. М. Шухвостов, 1866 г.;*  
*картина «Чудов монастырь и «Николаевский дворец в Кремле», П. А. Герасимов, 1850 г.*

**Воронов А. А.**

В75 Монастыри Московского Кремля / А. А. Воронов. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. – 176 с. + цв. вкл. [8].

ISBN 978-5-7429-1056-5

Монография посвящена историко-архитектурному описанию монастырских комплексов Московского Кремля. Монастыри в Кремле всегда выполняли множество различных функций – духовных, представительских и других, очень важных для столичного города огромного государства. Кроме того, монастырские комплексы были самостоятельными замкнутыми архитектурно-пространственными объектами и имели специфические особенности художественного взаимодействия с ансамблем Кремля в целом.

В книге рассмотрены как хорошо известные монастыри Кремля – Спасский на Бору, Чудов, Вознесенский, так и два малоизвестных – Богоявленский и Афанасьевский.

УДК 27-523  
ББК 85.113(2)

ISBN 978-5-7429-1056-5

© Воронов А. А., наследники, 2016  
© Издательство Православного  
Свято-Тихоновского гуманитарного  
университета, 2017

## Содержание

Предисловие .....	6
Спасо-Преображенский монастырь на Бору.....	9
Чудов монастырь.....	29
Вознесенский монастырь.....	62
«Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря» .....	101
Богоявленский Троице-Сергиев монастырь .....	136
Библиография.....	165
Список черно-белых иллюстраций.....	170
Список цветных иллюстраций.....	174

---

## ПРЕДИСЛОВИЕ

---

**М**онография посвящена историко-архитектурному исследованию и описанию монастырских комплексов, находившихся на территории Московского Кремля. Эта книга является результатом многолетних исследований автора.

Среди многочисленных книг и статей об архитектурной истории Московского Кремля еще нет работ, посвященных специально этой теме. Главная трудность состоит в полном отсутствии этих монастырей на поверхности территории Кремля в настоящее время. Некоторые были упразднены постепенно, а другие снесены в первые годы советской власти. Между тем эта тема является весьма актуальной, так как кремлевские монастыри имели важное культурно-историческое значение в истории собственно Кремля, столичного города Москвы и Российского государства в целом.

Монастыри на Руси возникли одновременно с принятием христианства в Киевском государстве в конце X в. и первоначально были ориентированы исключительно на духовные просветительские функции. Их основателями или ктиторами были представители светских и духовных властей – великие и удельные князья, митрополиты и другие высшие церковные иерархи, и строились монастыри в первую очередь в княжеских городах и церковных резиденциях. Одновременно с этим на Руси шел стихийный процесс подвижнического основания монастырей, называвшихся пустынями и скитами, в глухих, уединенных местах.

Монастыри первой группы изначально были элитарными и довольно скоро приобрели новые функции – в первую очередь представительские и просветительские. В тысячелетней исторической ретроспективе развития монастырского строительства в России видно, что эти два направления

являются равно необходимыми дополняющими друг друга процессами.

Все пять кремлевских монастырей основаны в пределах XIV в., в эпоху становления Великого княжества Московского, начатую первым московским князем Даниилом Александровичем, сыном прославленного князя Александра Невского в главной крепости его столичного города (илл. 1, *цв. вкладка*).

Четыре из них, Спасо-Преображенский, Вознесенский, Троице-Богоявленский и, по-видимому, Афанасьевский, были основаны великими князьями или их ближайшими родственниками, а один — Чудов Михаило-Архангельский — всероссийским митрополитом святителем Алексием. В связи с этим все они неизбежно, кроме выполнения первоначальной духовной функции в культурном развитии России, решали новые задачи и становились сложными специфическими многофункциональными объектами.

Спасо-Преображенский монастырь всегда был личным великокняжеским. Чудов и Вознесенский монастыри были обителями с представительскими функциями. Вознесенский монастырь служил усыпальницей великих княгинь, цариц, княжон и царевен до перевода столицы в Санкт-Петербург. Троицкий Богоявленский, бывший подворьем Троице-Сергиевой лавры, в то же время использовался для временного пребывания кандидатов на митрополичий и патриарший престолы и даже для приема делегаций москвичей и других россиян при избрании на царство Михаила Романова. Афанасьевский монастырь, ставший подворьем Кирилло-Белозерского монастыря, в частности, служил для пребывания иностранных церковных иерархов в ранге патриархов во время их приезда в Москву.

Абсолютно индивидуальными были объемно-пространственные решения кремлевских монастырей. В трех из них, Спасском, Чудовом и Вознесенском, соборный храм располагался традиционно — в центре монастырского двора. Но монашеские кельи Спасского монастыря занимали частично первый этаж великокняжеского дворца, а формы планов

дворов и окружающих келейных и хозяйственных корпусов подчинялись исторически сложившейся застройке соседних территорий. В монастырях Богоявленском и Афанасьевском, ставших подворьями, центральные площади были свободны от застройки, а храмы вынесены на уровень их оград или даже за них.

Наиболее сложно оценивать художественные достоинства монастырских комплексов и составлявших их храмов и других сооружений по далеким от полноты чертежам, рисункам и гравюрам современников. Тем не менее можно утверждать, что здания монастырей Московского Кремля были построены на высоком профессиональном уровне, украшены высокохудожественными росписями, иконостасами и иконами, частично сохранившимися в музеях Москвы. Они являлись еще и выдающимися памятниками истории и культуры, исследование которых значительно расширяет и уточняет наши знания о далеких эпохах жизни Московского Кремля, Москвы, России, их правителях и простых людях. Как показывает опыт, эти исследования никогда не будут полностью завершены, а знания – исчерпывающими.

Афанасьевский и Богоявленский монастыри на протяжении своей истории претерпевали различные изменения: сначала они стали подворьями других монастырей (Афанасьевский – подворьем Кирилло-Белозерского монастыря, Богоявленский – Троице-Сергиева), затем постепенно вытеснялись кремлевским строительством и окончательно были упразднены к XVIII в. Чудов и Вознесенский монастыри вместе с примыкавшим к ним Малым Николаевским дворцом были уничтожены в 1928 г., а Спасо-Преображенский собор монастыря Спаса на Бору – 1 мая 1933 г.

---

# СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА БОРУ



Спасо-Преображенский монастырь был первым монастырем в Московском Кремле. Точных сведений о его основании и первоначальной истории не сохранилось. Тем не менее многолетние исследования историками Москвы различных косвенных свидетельств и исторических преданий позволяют говорить о некоторой общей исторической канве событий, которая не вызывает принципиальных возражений. Однако кажется правильным сказать несколько слов о начале Москвы, которое непосредственно связано с темой Спасского монастыря в Кремле.

Как известно, город Москва впервые упомянут в летописях под 1147 г., когда сын великого князя Киевского Владимира Мономаха — Юрий-Георгий Долгорукий, будучи удельным князем Ростовским и Суздальским, в которое входили в том числе и земли по реке Москве, пригласил к себе в гости своего брата, Смоленского князя Святослава: «В лето 6655 (1147 г.)... посла к нему (Святославу) Юрьи, река: “буди, брате, ко мне на Московь”» (49, т. VI, VIII<sup>1</sup>). Историки обратили внимание на то, что в этом приглашении нет определения местности «Московь», и поэтому остается неясным, что оно обозначает — какой-то населенный пункт или просто место на реке Москве. Из этого летописного текста непонятно, где этот пункт располагался — на Боровицком ли холме, на соседней «Швивой горке», за Яузой, в Котельниках, где археологами обнаружены не менее древние

---

<sup>1</sup> Здесь и далее ссылка на библиографию в конце книги

предметы, чем на Боровицком холме, или еще где-либо на берегу реки Москвы.

В Тверской летописи, в которой повторено и предыдущее свидетельство, под 1156 г. сообщается: «Того же лета (6664) князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москову на устниже Неглинны, выше реки Аузы» (49, т. VI, с. 294). Здесь уже однозначно говорится об официальном основании города Москвы ставшим к тому времени великим князем Киевским и всея Руси Юрием Долгоруким, причем именно между устьями рек Неглинной и Яузы, то есть на Боровицком холме. Такое сообщение обычно означало закладку поселения, огражденного защитными оборонительными стенами – града. Кстати, по этой же причине великий князь Киевский Юрий Долгорукий считается и первым Московским удельным князем, хотя Москва тогда еще вовсе не была столицей какого-либо удельного княжества. Некоторые несоответствия этого летописного текста со сведениями других источников, связанные с тем, что Юрий Долгорукий в это время был занят на юге, разрешает академик М.Н. Тихомиров в труде «Древняя Москва XII–XV вв.» (70, с. 14).

Эти два древних свидетельства важны здесь потому, что они объясняют следующий знаковый эпизод в истории Спасо-Преображенского монастыря в Московском Кремле.

Основатель Московского самостоятельного княжества, св. князь Даниил Александрович (на княжении 1272–1303 гг.), младший сын св. князя Александра Невского, получил в удел по наследству Переяславль-Залесский и земли боярина Кучки по Москве-реке. Вскоре после вступления на княжеский престол он обосновался в Москве и на южной окраине кремлевского Боровицкого холма, в густом бору, где, по преданию, стояла хижина пустытника Вукола или Букала, поставил деревянную церковь Спаса Преображения, получившую название «церковь Спаса на Бору». По преданию, это событие произошло в 1272 г.

В 1282 г., в Замоскворечье, на правом берегу реки Москвы, на южной Серпуховской дороге князь Даниил устроил монастырь, получивший его имя – Даниловский, официально называвшийся позднее Свято-Данилов Спасский.

В 1293 г. монастырь был разорен татарским царевичем Дюденей, братом хана Тохты, напавшим на Русь по просьбе князя Андрея Городецкого, боровшегося со своими родственниками за Владимирский престол.

В 1330 г. сын Даниила, князь Иван I Данилович Калита, при св. митрополите Киевском и всея Руси Феогносте (1328–1353) перевел часть иноков этого монастыря вместе с архимандритом в Кремль на свой княжеский двор, к перестроенной в камне церкви Спаса Преображения, где и образовался первый в Кремле великокняжеский монастырь, получивший при поддержке митрополита Феогноста архимандрию. Старый Даниловский монастырь, его погост и принадлежавшие ему села были поручены управлению архимандрита кремлевского монастыря, который, будучи занят обустройством нового монастыря, не мог уделять старому достаточного внимания. Поэтому он постепенно оскудел и был возрожден только при Иване Грозном.

Точные причины фактического перевода монастыря в Кремль неизвестны. Одной из них могло быть желание князя иметь поблизости от своего дворца собственный духовный центр и место упокоения членов княжеской династии. Это говорило о серьезности стремлений Ивана Калиты (на княжении — 1328–1340 гг.), второго князя, носившего титул великого князя Московского и фактически перенесшего столицу из Владимира в Москву.

Монастырь Спаса на Бору был киновией по греческому образцу с общим пребыванием иноков и инокинь, а также приютом для убогих и нищих, уход за которыми входил в княжеское послушание. Архимандриты этой обители были всегда духовниками великих князей. Здесь постригали в монашество перед кончиной первых московских князей и княгинь. Иногда в монастыре хоронили и членов княжеской семьи. В монастыре приняли пострижение и схиму сам Иван Калита и его сын Симеон Гордый, принявший в схиме имя Созонта. Их останки впоследствии были перенесены в великокняжеские усыпальницы Архангельского и Вознесенского соборов. В самом монастыре первой была похоронена в 1332 г. княги-

ня Елена — супруга Ивана Калиты. Здесь были похоронены жена Ивана II Ивановича Красного — Александра (сконч. в 1364 г.), в инокинях Мария (мать Дмитрия Донского), жены Симеона Гордого — Анастасия Литовская (сконч. в 1345 г.) и Мария (сконч. в 1399 г.), в схиме Фотиния, останки которой 74 года спустя, в 1478 г., были обретены нетленными и по приказу Ивана III облачены в новые ризы. Здесь в 1452 г. совершилось таинство бракосочетания 12-летнего княжича Ивана Васильевича и тверской княжны Марии Борисовны, его первой жены, внука которых, Дмитрия Ивановича, в 1498 г. венчали великим князем, а четыре года спустя заточили до конца жизни в тюрьму.

Трагическое событие, связанное с междоусобной княжеской борьбой и косвенно касающееся истории Спасо-Преображенского монастыря, произошло в правление на Москве старшего брата Ивана Калиты, князя Юрия III Даниловича. Претендуя на великокняжеский престол, полагавшийся по старшинству его дяде, Тверскому князю Михаилу II Ярославичу, получившему на великое княжение ханский ярлык, князь Юрий Данилович обвинил Михаила Тверского в гибели своей жены Кончаки, в крещении Агафьи, сестры хана Узбека. Вызванный в Орду Михаил Тверской был зверски замучен в 1319 г. в присутствии князя Юрия. Михаилу предлагали бежать, но он отказался, не желая ханской мести своим соплеменникам. Поступок Юрия вызвал неодобрение даже его ордынских друзей, а его бояре отвезли тело Михаила Тверского в Москву, не разрешив по дороге даже отпеть его в церкви. В Москве же тело бывшего врага с исполнением поминальных обрядов было положено в великокняжеском Спасском монастыре, в знак единения русских в борьбе с Ордой. По просьбе вдовы Михаила через год его останки были «отпущены» в Тверь. Юрий Данилович получил ханский ярлык на великое княжение, добился присоединения к Москве Коломны и Можайска, но в 1326 г. был убит в Орде сыном Михаила Тверского, князем Димитрием по прозвищу Грозные Очи, в свою очередь казненным ханом за самоуправство.

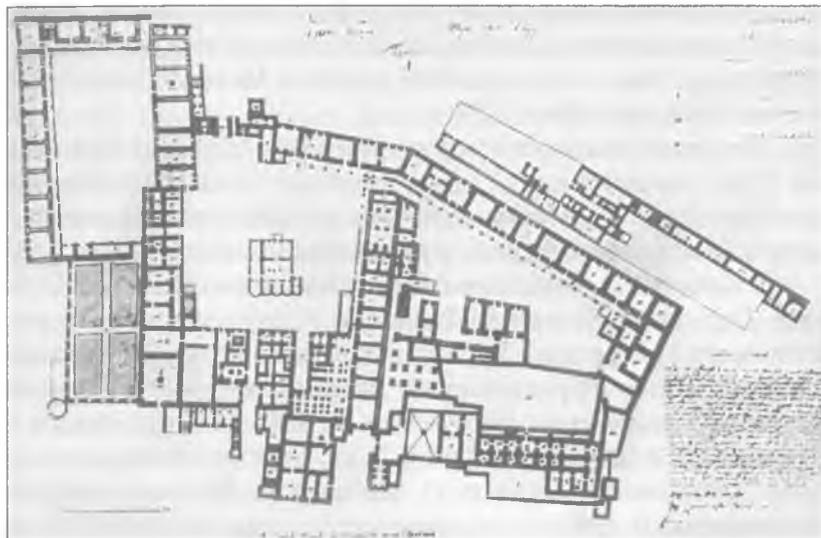
Эти легенды косвенно подтвердились во время ремонта притвора храма в 1836 г., когда были обнаружены два захоронения в каменных гробах характерной для XIV в. формы — широких в головной части и сужающихся к ногам. В одном из них было хорошо сохранившееся погребение женщины в шелковом платье, а в другом — мужчины в иноческом одеянии. Погребения были идентифицированы как принадлежавшие матери Дмитрия Донского, великой княгине Александре, и ее внуку, Ивану Дмитриевичу (в схиме Иоасафу), скончавшемуся в монашестве в 1393 г.

Незадолго до смерти митрополита Алексия (сконч. 12 февраля 1378 г.) великий князь, желая иметь митрополитом небезызвестного Михаила-Митяя, принудил его постричься в монашество и занять архимандрию в придворном Спасском монастыре.

В Спасском монастыре был похоронен святитель Стефан Пермский, уроженец Великого Устюга, выходец из ротовского Григориево-Богословского монастыря, посвятивший свою жизнь просвещению зырянских народов Великой Перми (современная Республика Коми). Он отправился в Пермь, где создал для зырян азбуку, перевел на зырянский язык церковные книги и 13 лет служил Великопермским епископом. В 1396 г. по делам своей епархии свт. Стефан приехал в Москву к митрополиту Киприану, где занемог и в том же году скончался. Он был похоронен в самом соборе, у северной стены, в углу храма (56, с. 19). Мощи его были положены под спудом и не были «отпущены» в Пермь, несмотря на неоднократные просьбы жителей Перми.

Собор, построенный Иваном Калитой, был полностью благоустроен, богато украшен иконами, оснащен церковной утварью, хотя вряд ли был расписан (илл. 1). Князь любил в нем уединяться для молитвы, но храм был очень небольшим, вероятно, трехапсидным, четырехстолпным, однокупольным и вряд ли мог вместить даже немногочисленную братию для общей молитвы, которая в обычное время размещалась в каких-то помещениях дворца, здания которого на некотором расстоянии окружали храм, создавая таким образом традиционный монастырский двор.

Облик храма Ивана Калиты неизвестен, но при разборке в 1932 г. уже второго собора, построенного на его месте, были найдены несколько фрагментов блоков с белокаменным резным орнаментом, относящихся к XIV в. (45, с. 28, рис. 46; с. 264, рис. 36, 3в) (илл. 2, 3, 4).



**Илл. 1.** План дворцового комплекса Кремля. В центре двора план Спасского собора. Обмерные чертежи команды Д.В. Ухтомского (копия середины XVIII в.)



**Илл. 2, 3, 4.** Фрагменты белокаменных деталей фриза собора Спаса на Бору в Кремле. 1330 г. Археологические находки 1930-х гг.

Уже при Симеоне Гордом производится расширение и дальнейшее украшение храма. В 1345 г. иждивением первой его супруги Анастасии мастером Гайтаном, с греческими и русскими учениками, из которых известны Семен и Иван, производится роспись собора. В 1350 г. с западной стороны собора пристраивается каменный притвор или трапеза, по площади равная храму без алтарной части, в котором совершались княжеские захоронения (64, с. 7).

Монастырь был великокняжеским, и собор стоял посреди обширного двора, обстроенного по периметру зданиями княжеских покоев и служебных помещений, часть которых была отведена под монашеские кельи и игуменские покои. Таким образом, планировочная структура монастыря являла собой тип монастыря с центральным размещением собора — один из ведущих планировочных типов в русском монастырском строительстве, несмотря на уникальное функциональное сочетание дворца правителя и монашеской обители. Эта структура сохранилась и в дальнейшем — и когда собственно монастырь был переведен в другое место, и когда перестраивался дворец, занимая все большую площадь. Уменьшалась лишь площадь двора, в центре которого по-прежнему стоял собор.

В 1382 г., во время нашествия на Москву Тохтамыша, обитель была разграблена, ее архимандрит Симеон убит, но вскоре усилиями великого князя Дмитрия Донского (1363—1389) и его сына, великого князя Василия I Дмитриевича (1389—1425), монастырь был восстановлен.

В 1488 г. здания монастыря сильно пострадали от пожара, и великий князь Иван III, желая расширить дворцовые помещения, решил перевести его из Кремля на новое место за Язу, на Васильевский стан, где он стал называться «Спас Новый» или Новоспасский. Кремлевский дворцовый монастырь был обращен в собор и назывался Верховою или Спасскою церковью на Царском Дворе; иногда назывался «Спасскою церковью за Двором Великого Князя» или «Придворным собором». По поводу конкретной даты перевода монастыря существуют разные мнения. В Синодальном справочнике ука-

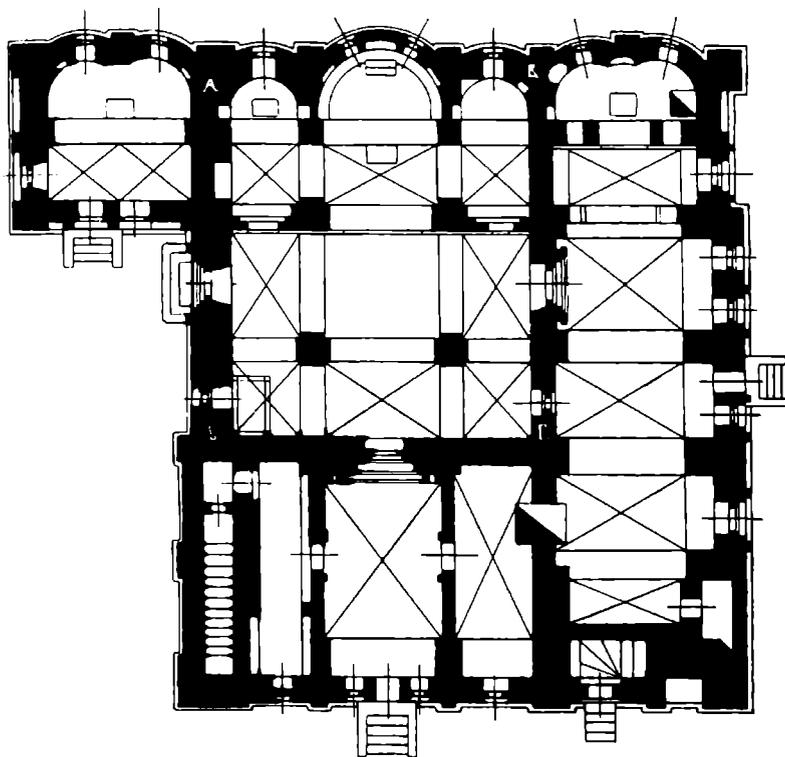
зывается, что это произошло около 1466 г. Такой же даты придерживается М.И. Александровский (1, № 65), Машков (50, с. 162–164), а также М. Ильин и Т. Моисеева (27, с. 469–470), которые называют еще более раннюю дату – 1462 г. Однако Л.И. Денисов (17, № 450), И.К. Кондратьев (32, с. 64) и ряд других авторов считают, что это произошло в 1490 г., основываясь на сведениях И. Снегирева, который еще в 1853 г., обращаясь к оппонентам своего времени, приводил следующие аргументы в пользу датировки 1490 г.: «Хотя перемещение Спасопреображенского монастыря без оснований полагают в 1462 г., когда Иоанн III только вступил на престол; но свидетельством же тому, что еще в 1482 и в 1488 годах эта обитель пребывала на прежнем месте, служит: “данная Архимандриту Елисею в дом Всемилостивого Спаса, что на Москве в городе, за двором Великого Князя” (Грамота на тряпичн. бумаге, схороненная в Моск. Государ. Архиве старых дел, № 238) и жалованная Великокняжеская грамота 1488 года (там же, по указанию Г. Строева)» (64, с. 11).

В 1490-х гг. архиепископ Новгородский Геннадий, бывший Чудовский архимандрит, писал по поводу переноса церкви от пожаров митрополиту Зосиме, что церкви из города, то есть из Кремля, были вынесены. Что касается переставления извечных монастырей, то это указание должно относиться к монастырю Спаса на Бору, который был переведен на новое место «вниз по Москве-реке на горы возле Крутиц, отчего и стал прозываться Новоспасским» (23, с. 142).

Собственно история первого кремлевского монастыря как самостоятельного церковного института на этом заканчивается, но история первого московского собора продолжалась еще достаточно долго и представляет несомненный интерес прежде всего в историко-архитектурном отношении.

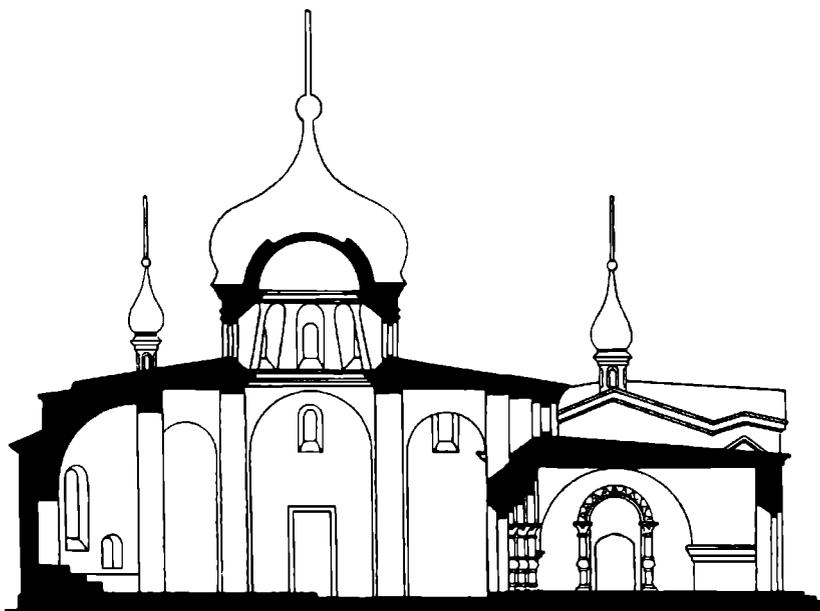
В 1527 г. собор Ивана Калиты был полностью перестроен. Размеры собора по внешнему обмеру составляли примерно 15 м в длину вместе с алтарной частью и 13 м в ширину (все размеры приблизительные, так как взяты по масштабу с чертежей середины XIX в. архитектора А.А. Мартынова). Четыре квадратных в плане каменных столба со

стороной немногим более метра разделяли внутреннее пространство собора на три нефа: центральный пролетом 3,6 м и два боковых шириной по 2 м. Столбы образовывали подкупольный квадрат размером 3,6 × 3,6 м с расстоянием в осях столбов примерно 4,7 м в обоих направлениях. На плане XIX в. (илл. 5) столбы показаны крестчатыми, но что они были такими изначально, можно только предполагать. Нефы на востоке заканчивались тремя алтарными апсидами полуциркульной формы с двумя узкими окнами в центральной апсиде и с одним окном в боковых. Стены, разделяющие апсиды, заканчивались столбами толщиной 0,8 м, отстоявшими на 1,7 м от восточной пары централь-



Илл. 5. Собор Спаса Преображения на Бору. План.  
По чертежу А.А. Мартынова. Середина XIX в.

ных столбов. Главный западный и боковые северный и южный входы с перспективными порталами располагались по центрам соответствующих нефов. В западном притворе были два небольших окошка с северной и южной сторон. Судить о первоначальной толщине наружных стен, вероятно усиленных лопатками, сложно — возможно, они, как и столбы, были толщиной немногим более метра. Иконостас располагался по западной грани восточной пары центральных столбов, занимая всю ширину церкви. Барабан купола стоял, возможно, на приподнятых подпружных арках (илл. 6), известных в произведениях московской архитектуры второй половины XIV в., если только они не появились при позднейших перестройках. Если авторы перестроек и реконструкций точно воспроизводили оригинал, как утверждают источники, то высота собора внутри, от пола до



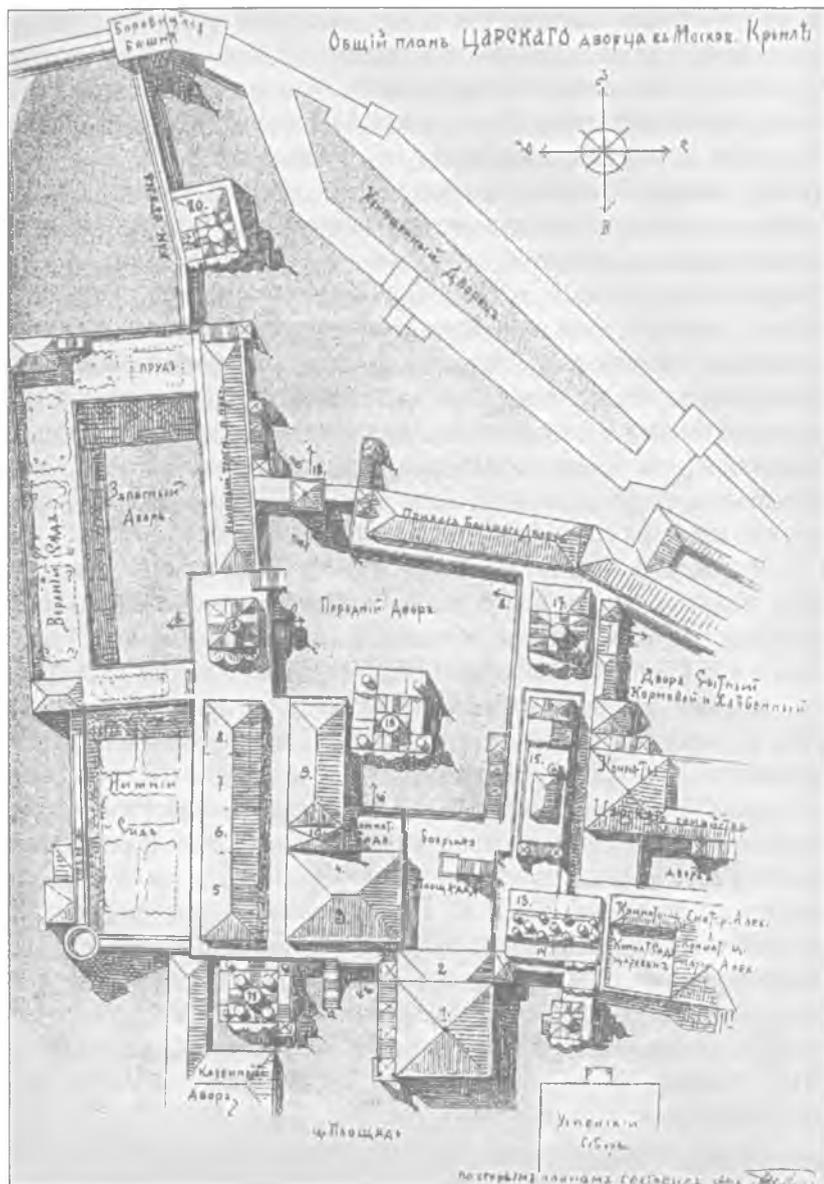
Илл. 6. Собор Спаса Преображения на Бору. Продольный разрез.  
По чертежу А.А.Мартынова. Середина XIX в.

шелыги сводов составляла 6,3 м, высота барабана – 2,8 м, а его диаметр по наружному обмеру – 5,6 м.

После Большого Кремлевского пожара 1554 г. и вскоре после присоединения Новгорода к Москве в 1570 г. при Иване Грозном, вероятно, произошло окончательное формирование плана собора. В его восточной части в одну линию с алтарем собора, видимо, были пристроены симметрично две придельные церкви: с северной стороны – во имя Трех Святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, а с южной – во имя Трех Исповедников: Гурия, Самона и Авива, так как такой придел имелся в Софийском соборе покоренного Новгорода. Приделы были небольшими: 6,5 м в длину и около 6 м в ширину, каждый с двойной апсидой, с окнами в них, самостоятельными порталными входами, смещенными от центральных осей, и узкими окнами в боковых стенах и рядом со входом для освещения церквей.

Возможно, тогда же была пристроена крытая галерея или притвор вдоль всего южного фасада как продолжение юго-восточного придела и одной с ним ширины. А.Л. Баталов допускает наличие этих пристроек уже у храма 1526/27 г. (6, с. 144). На всех планах Кремля, появившихся к концу XVI в., собор показан в его позднейших очертаниях: почти квадратным в плане, размерами 23 × 19 м в плане (без северного придела), с пристройками и с характерным выступом в северо-восточном углу на месте придела Трех Святителей. План собора в этом виде довольно подробно показан на обмерных чертежах середины XVIII в., включенных в план дворцового комплекса, выполненный архитекторами А.П. Евлашовым, К.И. Бланком, Д.В. Ухтомским и др. (45, с. 281, рис. 25, 26), и на «Общем плане царского дворца в Кремле в XVII в.» на чертеже А. Потапова (илл. 7) и серии его чертежей Кремля конца XIX – начала XX в., составленных «по старым планам и книгам с натуры» (47, таб. XIV–I, рис. 35).

После перевода монастыря на новое место и завершения строительства парадных кремлевских соборов – Успенского, Архангельского, Благовещенского – и возникновения малых «верховых» церквей в царском дворце, собор Спаса на Бору,



Илл.7. Общий план Царского дворца в Московском Кремле.  
Начало XX в.

заключенный внутри дворцовых стен, фактически превратился в XVII в. в приходскую церковь для духовных нужд дворцовых служащих – многочисленной группы служилых и рабочих людей: поваров, истопников, стряпчих, портных и т.п. со специфическим режимом работы, для которых специально служили особо раннюю службу. Тогда же окружавший собор двор получил название Сытного двора, так как находился вблизи Сытного дворца, располагавшегося под Теремами и Набережными и Приемными палатами древней княжеской резиденции (44, т. 1, с. 85). Собор был сильно обстроен малыми церквями: в 1635 г. в нем насчитывалось 11 приделов.

После перенесения столицы в Петербург эта функция в значительной степени утратилась, храм постепенно захирел, стал разрушаться, вокруг него вырос значительный культурный слой, и он оказался в ложбине. Но собор оставался в памяти людей святым местом, в какой-то мере началом Москвы, и его иногда поновляли и ремонтировали. При императрице Анне Иоанновне была восстановлена в 1737 г. сгоревшая крыша. Во всех вариантах проекта Большого Кремлевского дворца, разрабатывавшихся с 1767 г. В.И. Баженовым по заказу Екатерины II, Спасский собор сохраняется и органически вписывается в структуру юго-западного двора в качестве внутреннего композиционного центра, весьма близкого к геометрическому центру и расположенному на одной с ним широтной оси.

«К концу XVIII века храм обветшал, был разобран и вновь сложен из кирпича под наблюдением М.Ф. Казакова в формах XVI века и с учетом изменений, внесенных в него в течение XVII столетия. Документы, графически фиксирующие эту работу, не найдены» (45, с. 263, подпись под рис. 2). К сожалению, отсутствие графических документов работы команды М.Ф. Казакова не дает возможности установить, каким же был внешний вид собора до этой перестройки (илл. 8). Можно только отметить большие отличия в стилистическом и объемно-пространственном решении между изображением на достаточно условном рисунке фасада храма на плане «Кремленаград» 1600 г. (45, с. 270–271, рис. 10 и цветная обложка) и его последними



**Илл. 8.** Церковь Спаса на Бору в Московском Кремле.  
Гравюра М. Казакова. XVIII в. Вид с юго-запада



**Илл. 9.** Собор Спаса Преображения на Бору. Вид с севера.  
Снимок из альбома Н.А. Найденова. М., 1983.

фотографиями, например из известного альбома Н.А. Найденова «Москва. Соборы. Монастыри. Церкви» (М., 1881–1888) (56, с. 18) (илл. 9). Перед нами явная стилизация, особенно ярко выраженная в треугольных фронтонах над закомарами. Правда, все известные фотографии собора сделаны практически с одной точки, из северо-восточного угла двора Большого Кремлевского дворца, где расстояние до собора было наибольшим и допускало съемку с малым углом разрешения. С этой точки прекрасно виден северный фасад собора и в сильном сокращении западный, остальные не видны. Но имеется гравюра неизвестного автора, датируемая XIX в. и выполненная из юго-западного угла двора, на которой виден западный фасад и в сокращении южный (илл. 10). Здание на заднем плане слева, отдаленно напоминающее Большой Кремлевский дворец, – это теремной дворец, каким он был уже в XVI в., что подтверждается хорошо видными на заднем плане правее его главами малых дворцовых церквей, Успенского собора и комплексом колокольни Ивана Великого. Это



Илл. 10. Вид царских дворцов с собором Спаса на Бору.  
Гравюра XIX в.

позволяет сравнить два относительно близких по времени строительных периода в истории собора (34, с. 12, рис. 3).

Известно еще одно обновление или скорее реставрационная перестройка собора в середине XIX в., выполненная Ф.Ф. Рихтером при строительстве Кремлевского дворца. Ф.Ф. Рихтер был практикующим архитектором, но и профессионально занимался реставрацией памятников архитектуры. В частности, он реставрировал Благовещенский собор, Боровицкую башню в Кремле, церковь в Дубровицах, Ипатьевский монастырь в Костроме и был автором проектов Владимирского и Александровского залов Большого Кремлевского дворца. Ф.Ф. Рихтер занимался реставрацией Спасо-Преображенского собора в 1850-е гг. В то же время известна дата последнего обновления собора, правда без указания на участие Рихтера в этой работе. По свидетельству С.П. Бартенева, в 1857–1863 гг. собор Спаса на Бору был «в последний раз возобновлен и расписан внутри иконописцем Рогожкиным по образцу Ярославской соборной церкви Иоанна Предтечи» в Толчкове (5, с. 136–140). После этого собор был заново освящен митрополитом Филаретом (32, с. 63–66). Большой Кремлевский дворец, при возведении которого Рихтер замещал К.А. Тона, возглавлявшего проектирование из Петербурга, строился в 1838–1850-е гг. (45, с. 339).

При обновлении 1863 г. верхние приделы получили наименования: северный – мч. Прокопия, южный – свт. Стефана Пермского. Придел Трех Святителей оставался невосстановленным и был служебным помещением. В главном иконостасе находились храмовые иконы Сретенского собора, разобранного в 1801 г., и церкви Похвалы Богородицы, находившейся в Потешном дворце и упраздненной в 1809 г. (1, № 1).

Церковь Трех Исповедников Гурия, Самона и Авива с приделом св. Сильвестра, бывшая в Кремле самостоятельной, обозначена на годуновском чертеже. Можно предполагать, что этот престол впоследствии, с упразднением церкви, был перенесен к церкви Спаса на Бору (23, с. 238).

Так что, вероятно, реставрация собора Рихтером и его обновление в 1857–1863 гг. – это одно и то же событие, может

быть несколько растянутое во времени. Тогда становится понятной разница в изображении собора на поздних фотографиях, выполненных после реставрации, и на гравюре, датированной расплывчато XIX в., выполненной до реставрации и, возможно, до строительства Большого Кремлевского дворца. Иначе говоря, эта гравюра отражает общий характер перестройки собора, выполненной под руководством М.Ф. Казакова, подвергшейся со временем неизбежным, но небольшим изменениям. Можно еще отметить, что вскрытые при частичном ремонте притвора в 1836 г. древние каменные гробницы не были замечены при перестройке собора М.Ф. Казаковым. Следовательно, эта переделка здания в кирпиче начиналась с сохранявшихся белокаменных фундаментов и тем самым оставила без изменения общее плановое решение.

В соборе Спаса на Бору «Рихтер... вначале произвел натурные исследования, выявив три строительных периода в истории храма. Затем он разобрал поздние пристройки, восстановил первоначальное завершение, вернул окнам древнюю форму» (9, с. 233).

Отличия в архитектуре собора на поздних фотографиях и на упомянутой гравюре заключаются прежде всего в расчистке заложенных проемов, прежние формы которых явно читались в виде заглушенных, но намеренно оставленных заметными арок, внутри которых находились маленькие окна. Особенно хорошо это заметно на вторых этажах обеих двухэтажных башенок, фланкирующих западный фасад, где размещались звонницы и малые придельные церкви. При этом проемы в звонницах оставлены открытыми, а в пределах устроены окна. Это же относится и к средней части западного фасада, где на месте маленького прямоугольного дверного проема, обрамленного случайно расположенными окнами, восстановлен главный вход в собор с перспективным порталом. Убрана наружная лестница, которая вела в помещение звонницы и в северо-западные приделы. Там, где это можно увидеть, сохранена треугольная форма кровель. Трудно судить только по фасадам об изменениях во внутренней планировке, но можно заметить, что маленькие главки, отмечающие ме-

ста придельных церквей, оставлены на месте и практически без изменений их формы. Оценивая реконструкцию собора Ф.Ф. Рихтера в целом, можно сказать, что, несмотря на несколько нарочитую стилизацию, она выполнена вполне профессионально, с явным стремлением сохранить не только отдельные детали и формы, но и передать целостный величественный облик этого небольшого сооружения.

На плане Москвы Комитета городского хозяйства, выполненном Н. Белоусовым в 1849–1850 гг. (не публиковался), собор показан в центре сильно уменьшившегося в размерах и полностью замкнутого двора размерами примерно 46 × 59 м. Уменьшение размеров двора было связано со строительством нового Большого Кремлевского дворца. Стены храма отстояли от стен дворца не более чем на 25 м. К этому же времени относятся чертежи собора, выполненные известным московским архитектором А.А. Мартыновым, автором трудов по истории русского зодчества, участвовавшим в 1840-х гг. в строительстве дворца. План и разрез собора, выполненные по чертежам А. Мартынова, приведены в книге И.Л. Бусевой-Давыдовой (9, с. 231–232). Также там приведена интересная акварель неизвестного художника конца XVIII в. с видом на собор Спаса на Бору и Теремной дворец (илл. 2, *цв. вкладка*).

В 1812 г. в церкви Спаса на Бору были укрыты священные предметы из других церквей, и, хотя собор был разграблен, основные ценности избежали гибели и расхищения. После войны северо-восточный придел использовался как служебное помещение, а церковь Трех Святителей была перенесена в другое место, возможно в придел Архангела Михаила. В 1817 г. собор был обращен в ружную церковь и приписан к дворцовому храму Спаса Нерукотворенного, но жители Москвы продолжали называть его собором. В это время в церкви было четыре придела: «1. Во имя св. мучеников Гурья, Самона и Авива; 2. Чудотворца Спиридона; 3. Архангела Михаила и трех святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого» (37, с. 40).

Тогда же появилась возможность устройства придела погребенного в соборе свт. Стефана Пермского, канонизиро-

ванного Макарьевским собором 1549 г. Этот придел находится на втором этаже юго-западного угла собора, на месте прежнего придела св. Архангела Михаила (44, т. 1, с. 86).

На втором этаже симметричной ему северо-западной пристройки был устроен придельный храм св. Прокопия, на месте придела св. Мины. Святых с именем Прокопий известно несколько, но очевидно, что этот святой был выбран неслучайно. С.П. Бартенев называет его великомучеником (5, с. 136–149), и тогда это Прокопий Иерусалимский – принявший христианство римский воин, погибший во время Диоклетиановых гонений на христиан в Александрии в 303 г. Но были еще три свв. Прокопия: Великоустюжский, Вятский и Вологодский, все трое – Христа ради юродивые. Известно, что Прокопий Великоустюжский предсказал будущей матери свт. Стефана Пермского, увидев ее трехлетней девочкой, что она будет матерью этого просветителя. Кстати, канонизирован св. Прокопий юродивый был тем же Макарьевским собором, что и свт. Стефан Пермский, а день празднования памяти Прокопия юродивого назначен в день памяти вмч. Прокопия – 8 июля (ст. ст.), при этом дата смерти обоих святых отличается ровно на тысячу лет: 303 и 1303 гг. Возможно, это объясняет логику создания парных приделов свв. Стефана и Прокопия в соборе Спаса на Бору.

В 1917 г. в соборе находилось несколько замечательных местночтимых икон: чудотворная икона Всемиловитого Спаса в древнем окладе, покрытая слюдою, принадлежавшая, по преданию, супруге Ивана III Зое Палеолог, привезенная ею из Рима (хранилась на аналое в стеклянном кивории); храмовая икона Преображения Господня работы XVI в.; Боголюбская икона Богоматери, принесенная из Боголюбова; Собор архангелов Михаила и Гавриила; Похвалы Богородицы (1, № 1).

Собор Спаса на Бору был разрушен в 1933 г., как говорят, по личному распоряжению Сталина при объединении двух залов Большого Кремлевского дворца – Александровского и Андреевского – в один зал заседаний Верховного Совета СССР и РСФСР по проекту архитектора И.А. Иванова-Шица, а на месте храма сделана пристройка к дворцу со служебными помещениями.

При разборке храма были обнаружены фрагменты резных белокаменных деталей орнаментального пояса, характерного для раннемосковской школы XIV в. (45, с. 264). Правда, остается неясным, где именно на фасаде храма мог быть этот орнаментальный пояс. В фондах музеев Кремля сохранились две иконы собора. Неизвестна судьба захоронения свт. Стефана Пермского.

## НАСТОЯТЕЛИ МОНАСТЫРЯ

### Архимандриты

*Иоанн I*, 1346 г., хиротонисан в епископа Ростовского.

*Иоанн II*, прозванием Непейца, в 1374 г. отошел на безмолвие.

*Михаил*, прозванием Митяй (1375–1377), печатник, духовник Дмитрия Донского, был избран Митрополитом Всероссийским, но на пути в Константинополь для посвящения скончался и погребен в Галате.

*Симеон*, в 1382 г. убит в Кремле татарами Тохтамыша.

*Сергий I Азаков*, упом. в 1389 г., Никоновская летопись IV, 158.

*Игнатий*, спутник митрополита Никона в Царьград, вместе с Сергием Азаковым вел путевые записки Митрополита, Никоновская летопись IV, 166.

*Феодосий*, значится Архимандритом Спасским в 1404 г., Никоновская летопись II, 312.

*Иларион* (1408), впоследствии епископ Коломенский, Софийский временник I, 439, но по Никоновской летописи архимандрит Симоновский.

*Сава*, игумен, упом. в 1410 г., Древняя Российская Вифлиофика, I, 147.

*Трифон*, упом. в 1462 г., потом архиепископ Ростовский.

*Вассиан I*, прозванием Рыло, в 1466 г. произведен из игуменов Троице-Сергиевой лавры.

*Елисей*, упом. в 1483 г., Никоновская летопись, IV.

---

## ЧУДОВ МОНАСТЫРЬ



Чудов кафедральный 1-го класса необщежительный мужской монастырь находился в Кремле, на Царской, или Ивановской площади, недалеко от Спасских ворот, на современном пустыре между бывшим зданием Сената и снесенным Малым Николаевским дворцом (илл. 3, *цв. вкладка*). В XIV в. на этом месте находился Ордынский Посольский двор Золотой Орды или Улуса Джучи, монгольского государства, в вассальной зависимости от которого находились русские княжества.

В середине XIV в. жену хана Джанибека, Тайдулу, поразила болезнь, в результате которой она потеряла зрение. Джанибек писал великому князю: «Мы слышали, что небо ни в чем не отказывает молитве главного попа вашего; да испросит же он здравия моей супруге» (62, с. 15). При этом послании было грозное дополнение: «Если царица получит исцеление по молитвам того человека, ты будешь иметь со мной мир. Если же ты не пошлешь его ко мне, то я разорю огнем и мечом твою землю» (21, с. 243).

Здесь явно идет речь о святителе Алексии, митрополите Киевском и всея Руси, снискавшем славу чудотворца. Он родился в Москве в конце XIII в. (между 1293–1298 гг.) в семье черниговского боярина Федора Бяконта, перешедшего на службу к князю Даниилу Александровичу. Крестным отцом его был княжич Иван Данилович, давший ему при крещении имя Елевферия (по другому житию — Симеона). Еще юношей он ушел в московский Богоявленский монастырь, где в 1320 г. был пострижен в иночество с именем Алексия игуменом Стефаном, братом преп.

Сергия Радонежского и духовником великих князей. Свт. Алексей достиг высоких степеней духовного и нравственного совершенства, был назначен митрополичьим наместником и с согласия св. митрополита Феогоста рекомендован был великим князем к поставлению в митрополиты. В 1355 (1363?) г. константинопольский патриарх Филофей объявил его митрополитом Киевским и всея Руси. Свт. Алексей известен строительством монастырей, написанием поучительных посланий и переводом Нового Завета с греческого языка на славянский, опекой над сыном рано умершего князя Ивана Ивановича Красного, малолетним Дмитрием, будущим Дмитрием Донским. Тогда митрополит фактически был главой государства.

Получив послание хана, великий князь Иван Иванович поручил эту трудную миссию святителю Алексию. (По другим источникам, это событие произошло уже при сыне Ивана Красного великом князе Дмитрие Ивановиче Донском.) Считая подобные деяния превышающими его силы, свт. Алексей тем не менее не смог отказать князю, понимая возможные тяжелые последствия для Руси. Вместе с духовенством он долго молился в соборном Успенском храме у гроба св. чудотворца митрополита Петра, где произошло чудесное знамение, замеченное всеми присутствовавшими, — зажглась сама собой большая свеча, стоявшая у гроба. Святитель Алексей из воска этой свечи сделал малую свечку, с которой и отправился в Орду, где ему удалось осуществить чудесное исцеление. В благодарность за это страдавшая слепотой более трех лет Тайдула подарила митрополиту золотоордынское подворье в Кремле. Все эти события вряд ли могли произойти позднее 1357 г. из-за начавшейся в Орде в этом году смуты, во время которой сын хана Джанибека Бердибек убил отца и двенадцать своих братьев, сам был убит в 1359 г., а в следующем году погибла и знаменитая Тайдула. При отъезде из Орды митрополит Алексей получил ярлык уже от Бердибека (23, с. 286). На месте подаренного ханшей подворья свт. Алексей построил в 1358 г. деревянную церковь, а в 1365 г. заложил каменную церковь и основал при ней общежительный монастырь в память Чуда Архистратига Михаила в Хонех (9, с. 104) с целью основать

здесь митрополичий монастырь и завещал похоронить себя возле алтарей церкви (1, № 15).

В Москве в 1365 г. произошел крупнейший пожар, получивший название «Всехсвятского» по имени села Всехсвятского и одноименной церкви в районе будущего храма Христа Спасителя. Пожар сопровождался сильнейшей бурей. «В лето 6873... загореся город Москва от Всех Святых с верху от Черторьи и погоре Посад весь и Кремль и Заречье засуха велика, еще же и буря велика к тому вста, и меташа за 10 дворов головни и берня с огнем, и не бе язи гасити, но все огонь поясть, в едины бо два часа весь град погоре без остатка. Се же словет великий пожар от Всех Святых, преже бо не бывал таков пожар» (49, т. VIII, с. 249–250).

Удаление ордынского двора из Кремля, центра столицы государства, было, может быть, небольшим, но очень важным символическим шагом на пути избавления России от ханской зависимости.

После кончины святителя Алексия в 1378 г. Дмитрий Донской, священнослужители и бояре сочли недостойным хоронить его за пределами храма, как он просил при жизни, и положили его останки в приделе Благовещения Богородицы в созданном им храме (илл. 4–6, *цв. вкладка*). Через 53 года после кончины митрополита, в 1431 г., своды и стены собора рухнули. При этом гробница свт. Алексия была повреждена, но его мощи были найдены неповрежденными и нетленными. Совершенно целыми оказались даже ризы почившего святителя, как будто их надели накануне (21, с. 246). Церковь восстановили предположительно в 1431–1438 гг.

По сведениям одного из житий митрополита Алексия, новая постройка была «менее первая, но обаче высока и зело пространна, и прекрасна, и трикровна выспръ восходы имеа... новую ж церковь святага архаггела Михаила всяческими лепотами исполнивше и всем освящению... той церкви свершаемому бывшу, в ню же внесоша чудесные мощи святаго Алексия в раце, с подобающимъ славословием и многою честию и поставиша ту же в пределе преславнаго Благовещения» (19, с. 212–214). Эти сведения очень важны для архитектурной

характеристики как первого храма 1365 г., так и храма 1431 г. В совокупности с другими косвенными свидетельствами они же объясняют и некоторые особенности третьего храма, построенного в 1501 г.

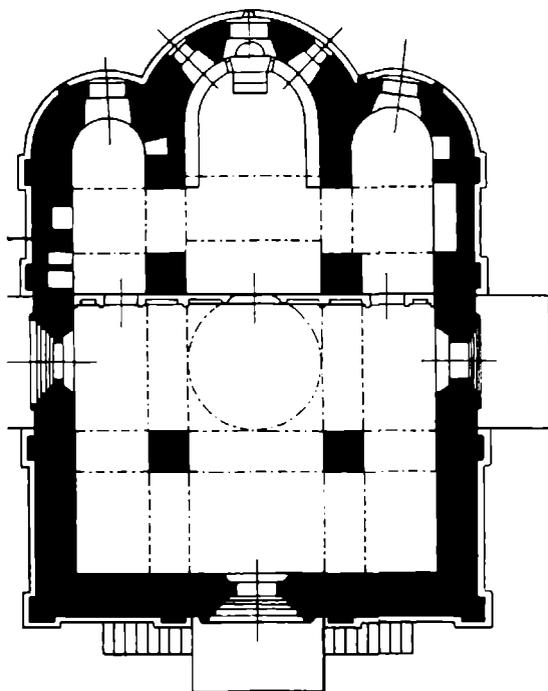
Итак, первый каменный храм, построенный свт. Алексием, был сооружением с одной главой, без подклета, с полом, совсем немного возвышающимся над поверхностью земли, и с приделом Благовещения, устроенным, по мнению В.П. Выголова, в южную апсиду – дьяконник основного алтаря (13, с. 72–74). Пол второго храма (1431 г.) значительно возвышался над поверхностью земли. Слово «трикровна» понимали первоначально как «триглавна», то есть собор с тремя главами, пока Н.Н. Воронин, а за ним В.П. Выголов, основываясь на данных раскопок подклета, не показали, что речь здесь идет скорее о том, что собор был трехэтажным, учитывая подклет и подвал. Он простоял до очередного крупного кремлевского пожара 1493 г., когда «у Чуда в монастыре казна выгорела». В 1483–1485 гг. по заказу архимандрита Чудова монастыря Геннадия на новом месте построили особую Алексеевскую церковь с трапезной, «с горними верхними и дольными нижними полатами», каменной кельей и каменными погребями (23, с. 289–290).

В 1501 г. старый, обветшавший Михаило-Архангельский собор, пострадавший к тому же в пожаре, по приказу великого князя Ивана III был разобран и на его месте, по-видимому итальянскими мастерами круга Алоизио да Карезано, строившими в это время княжеский дворец, сооружен новый, также с приделом Благовещения Богородицы (илл. 11). Он был освящен в 1503 г. митрополитом Симоном и архиепископом Геннадием и просуществовал вплоть до разрушения монастыря (6, с. 179).

Новый Михайловский собор был пятиглавым, в отличие от прежних одноглавого и трехглавого (илл. 12). План собора вполне традиционен для московской архитектуры начала XVI в., насколько можно судить по поздним чертежам архитекторов и реставраторов Ф.Ф. Рихтера середины XI в. и А.А. Потапова начала XX в. По наружному обмеру собор не



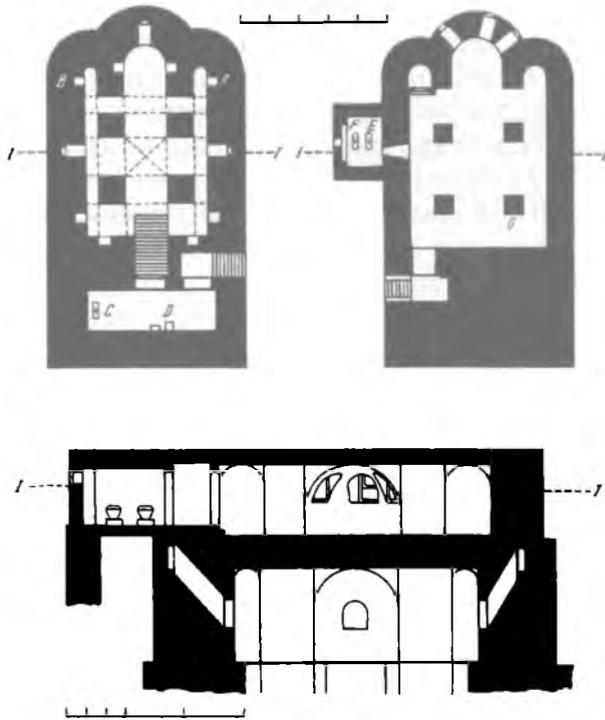
**Илл. 11.** *Собор Чуда Михаила Архангела в Московском Кремле, 1501–1503 гг. Вид с запада. Снимок 1910-х гг.*



Илл.12. План собора Чуда Михаила Архангела  
Чудова монастыря по чертежу конца XIX в.

превышал 13 м в ширину и 18 м в длину. Четыре квадратных столба со стороной примерно 1,2 м делили внутреннее пространство собора на три нефа: центральный – шириной около 4 м – и вдвое более узкие боковые. Поперечный средний пролет равнялся ширине центрального нефа, образуя в средокрестии подкупольный квадрат  $4 \times 4$  м. Нефы заканчивались в восточной части тремя апсидами алтаря, средняя из которых с тремя окнами выступала на два метра далее боковых, имеющих по одному окну. Алтарная преграда проходила по западной грани восточной пары столбов. Главный западный вход, как и боковые, южный и северный, расположены по осям нефов, но только два из них – западный и северный – были обрамлены традиционными для раннемосковской архитектуры перспек-

тивными порталами. Южный портал целиком был выполнен в форме ренессансной плоской арки с профилированными тягами из терракотовых плиток (15, с. 200–202; с. 209, рис.1; с. 210, рис. 3). Ко входам примыкали небольшие паперты с лестницами. Под церковью были сооружены монументальные белокаменные сводчатые подклеты высотой 3,5 м и подвал высотой 4,5 м с отдельными входами (илл. 13–14). Подклет освещался небольшими окнами, а подвал был совершенно темный (13, с. 67, 71, 73). Его открыли случайно, во время ремонтных работ в начале XX в. (илл. 15–16). Попасть в него можно было только через особое замурованное отверстие по приставной лестнице.



Илл. 13–14. Планы и разрез нижнего и верхнего ярусов подклета собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря по чертежам конца XIX в.



Илл. 15–16. Нижний и верхний ярусы подклета собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря. Фото 1920-х гг.

В Смутное время в этом подвале был заключен отказавшийся от сотрудничества с поляками и призывавший к борьбе с ними святой патриарх Гермоген, куда ему время от времени ставили ведро воды и куль овса и где он скончался 17 января 1612 г. мучеником за православную веру. Архиепископ Арсений Елассонский, будучи свидетелем этих событий и сам находившийся в заточении, пишет в своих записках, что «патриарх кир Гермоген» был заключен «в метохе (подворье) святого Кирилла» (см. главу «Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря»), в Чудовском монастыре был заключен «бывший патриарх кир Игнатий», назначенный Лжедмитрием, а также свергнутый царь Василий Шуйский, насильственно постриженный в монахи под именем Варлаама (28, с. 173, 175). На самом деле св. Гермоген находился на Кирилловском подворье только в начале заключения, но позднее был переведен в Чудов монастырь, где и погиб. При вскрытии подвала в нем были найдены железные вериги и несколько человеческих черепов и костей (32, с. 92–101). Святитель Гермоген был канонизирован 12 мая 1913 г., а в подклете Михаило-Архангельского собора тогда же была освящена новоустроенная церковь сщмч. патриарха Гермогена.

Западный, южный и северный фасады собора решены одинаково. Плоские неширокие лопатки делят каждый из

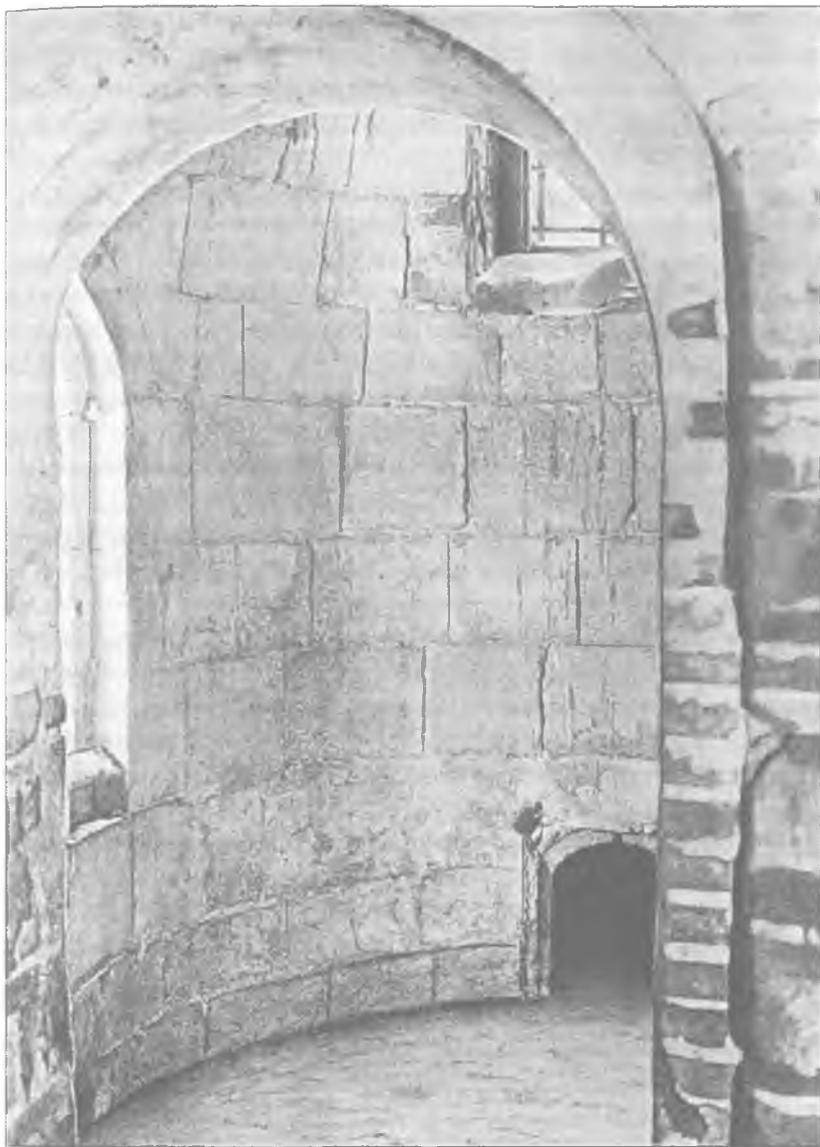
них на три вертикальных прясла с полукруглыми закомарами, по которым осуществлялось покрытие кровли. При этом центральная закомара несколько выше боковых из-за большей ширины среднего нефа. Под закомарами по периметру собора проходит аркатурно-колончатый пояс несколько вытянутых пропорций, опирающийся на мелко расчлененный фриз, частично перерезывающий пилястры и проходящий несколько выше середины высоты здания без подклета. В боковых фасадах в уровне аркатурно-колончатого пояса прорезаны прямоугольные окна по одному в западном и среднем пряслах, начинающиеся от низа капителей колонок пояса и доходящие до фриза. В полукруглых закомарах размещались росписи с сюжетами на евангельские темы. Барабан с куполом неоднократно переделывались — собор в последнем строительном периоде был одноглавым, но в целом позднее завершение собора вполне гармонично его объему, а аркатурно-колончатый пояс на барабане поддержан применением аналогичного приема на стенах. На западном фасаде на фотографиях конца XIX в. в среднем прясле видны два заглушенных проема. Лестница с паперти западного входа была трехсторонней, а по бокам ее, вплотную к стене собора, были устроены закрытые входы в подклет.

Интерьеры собора были расписаны в 1518–1519 гг. Во время пожара 1547 г. эта роспись погибла и в 1550-е гг. была заменена новой, которая впоследствии неоднократно обновлялась, но в целом сохранила характер, стиль и размещение сюжетов середины XVI в. Сохранились чертежи обмеров Ф.Ф. Рихтера середины XIX в. с прорисьями живописных сюжетов. Перед сносом храма в 1929 г. часть фресок удалось снять со стен, но большинство погибли при взрывных работах по сносу (7, с. 13).

На рубеже XVI–XVII вв. монастырь занимал довольно обширную территорию, несколько вытянутую с востока на запад и имевшую в плане форму пятиугольника с одним острым углом, направленным на Успенский собор Кремля, что хорошо видно на известном плане «Кремленаград» 1600 г. (45, с. 171–172, рис. 10; с. 273, рис. 13). Территория монастыря

в это время граничила на востоке с Вознесенским монастырем, с южной стороны к ней примыкала усадьба Ф.И. Шереметева, позднее ставшая частью монастырских владений по Спасской улице, а с севера граница проходила по излому Чудовской улицы. Территория монастыря делилась на две примерно равные по площади части. В центре восточной части стоял пятиглавый собор Чуда Архангела Михаила в Хонех постройки 1501–1505 гг., окруженный по периметру двора одноэтажными кельями и хозяйственными постройками, согласно распространенному на Руси в это время планировочному типу монастыря с соборным храмом в центре пространственной композиции (илл. 17). Восточный комплекс монастыря отделялся от западного поперечным корпусом келий, к которому в середине двора примыкал одноглавый храм – возможно, тот самый первый храм во имя свт. Алексия, построенный игуменом Геннадием. Стоит обратить внимание на две параллельные линии, идущие от невидимого с этой точки западного входа в Михайловский собор к юго-западному углу Алексеевского храма, явно обозначающие обрамление мощеной дорожки, на месте которой позднее пройдет крытый переход на столбах со сводами. Вплотную к этому одноглавому храму, но с некоторым отступом в глубину, к востоку, изображена трехшатровая постройка, близкая по формам и количеству шатров к звоннице храма Василия Блаженного, – возможно, первая монастырская колокольня в Кремле (см. илл. 3, *цв. вкладка*).

В западной части территории монастыря, обнесенной каменным забором, видна надвратная одноглавая церковь с покрытием из декоративных кокошников, выходящая на Чудовскую улицу и близкая по формам к надвратному храму Симонова монастыря 1593 г. В южной части западного двора монастыря, у ограды, там, где позднее располагалась трапезная, изображена массивная двухэтажная постройка неустановленного назначения. У западного угла монастырской территории, за ее пределами, уже на Ивановской площади, на плане «Кремленаград» показана небольшая одноглавая церковь во имя мученика Христофора. У храма изображена



**Илл. 17.**

*Северная апсида верхнего яруса собора Чуда Михаила Архангела  
Чудова монастыря. Фото 1920-х гг.*

«колокольница» древнейшей формы на одном столбе, звонили в которую при помощи веревок непосредственно из церкви. Храм по местности назывался, «что у Чудова монастыря», до 1651 г. он был деревянным, а затем перестроен в камне.

В 1556 г. по случаю рождения дочери, царевны Евдокии, Иван Грозный по своему обычаю крестил ее в Чудовом монастыре и тогда же повелел построить над задними воротами монастыря обетную церковь во имя св. Иоанна Лествичника с приделом св. Евдокии, освященную в том же году митрополитом Макарием. Этот небольшой храм в середине XVII в. был переосвящен во имя св. Елевферия по мирскому имени свт. Алексия, а в XVIII в. при митрополите Платоне — во имя свв. Платона и Романа, еще позднее — во имя Всех Святых.

Монастырь много раз опустошали пожары, но он всякий раз возобновлялся и в XVI—XVII вв., несмотря на разрушения Смутного времени, достиг высшего процветания и носил почетное название Великой Лавры.

К концу XVII в. относится храмовая надпись, исполненная по типу широко распространенных в этом столетии летописей с указанием имен живописцев, подписывавших храм, и содержащая имя зодчего — автора, условно говоря, архитектурного проекта. Эта надпись располагалась на стене Алексеевской церкви Чудова монастыря. Она гласила: «Лета 7188 (1680) месяца августа начаты быти соиздаться святыя храмы первый храм в честь святого Благовещения, второй св. Первованного Апостола Андрея, третий св. Алексия митрополита Всероссийского повелением государя царя и великого князя Феодора Алексиевича по его Государскому чертежу и указной мере, каков чертеж от него Государя прислан в Чудов монастырь» (2; Московский кафедральный Чудов монастырь. Сергиева лавра, 1896. С. 16—17). Надпись несомненно поновлялась (Чудов монастырь пострадал в 1812 г.), но текстологические особенности надписи сомнения не вызывают: они соответствуют указанной дате.

Алексеевский храм Чудова монастыря, содержащий гробницу митрополита Алексия, имел необычное устройство.

Фактически это были два пятиглавых бесстолпных храма — митрополита Алексия и Благовещения (илл. 7, *цв. вкладка*). Эти храмы имели общую стену, прорезанную аркой, под которой и размещалась гробница. Алексеевская церковь предназначалась только для мужчин, Благовещенская — для женщин (Андреевская — для монахов). Казалось бы, логично было отвести мужчинам тот храм, который выходил во внутренний двор монастыря (напоминаем, что Чудов монастырь был мужским), однако устроители поступили как раз наоборот. Очевидно, отдавая женскому полу северную, то есть левую от входа часть двойного храма, стремились соблюсти обычай греческой церкви (до никоновских времен у нас неизвестный) разделять молящихся, ставя мужчин справа, а женщин слева от центральной оси храма. Особенностью постройки являлся арочный проход, соединяющий алтари обоих храмов. В данном случае он был необходим, поскольку, когда литургия служилась в Алексеевской церкви, то Св. Дары через арку-проход выносились для женщин в алтарь Благовещенского храма. Любопытно также расположение дверных проемов. В Благовещенскую церковь можно было попасть только через трапезную Алексеевского храма, со стороны монастыря входа не было; в церковь апостола Андрея, предназначенную для монахов, наоборот, можно было пройти лишь из монастыря (илл. 18). Столь нетривиальное решение, вероятно, действительно явилось плодом упражнений благочестивого монарха. Федор Алексеевич скончался в 1682 г., и мощи святителя Алексия перенесли в новый храм его наследники — Иван и Петр.

В 1680 г. царь Федор Алексеевич разработал весьма оригинальный проект новой Алексеевской церкви на месте разобранной постройки архиепископа Геннадия. Событие это экстраординарное — не царское это дело, но выполнять его следовало буквально, несмотря на явные противоречия в функциональной организации и композиции комплекса. По царскому чертежу предполагалось построить сразу две церкви, одинаковые по плану, стоящие вплотную друг к другу, с одной общей стеной, в которой был устроен арочный про-



**Илл. 18.** Алексеевский и Благовещенский храмы Чудова монастыря.  
*Вид со двора, с северо-восточного угла. Начало XX в.*

ем, и с общей кровлей. В арочном проеме, соединявшем две церкви, по примеру некоторых новгородских храмов была поставлена серебряная рака с мощами свт. Алексия. Южная церковь, выходящая на Кремлевскую площадь, была освящена во имя свт. Алексия и предназначалась только для мужчин, а северная — в честь Благовещения Богородицы — выходила на площадь монастыря и была отведена для женщин, что создавало немалые трудности для организации отдельных независимых входов в каждый храм. При этом Благовещенская церковь считалась придельной. Поэтому ее пять глав с куполами, идентичных по архитектурному решению деталей главам Алексеевской церкви, существенно меньше последних по высоте, что выглядит несколько странно, хотя логика такого решения понятна и заметно это только из монастырского двора, при взгляде на комплекс с запада (илл. 8, *цв. вкладка*).

Первой в 1686 г. была закончена церковь свт. Алексия, на торжественном освящении которой присутствовали патриарх Иоаким и архимандрит Адриан, впоследствии, в 1690 г., избранный патриархом, другие священнослужители и члены царской фамилии. Накануне освящения храма, 19 мая, мощи свт. Алексия, хранившиеся во время строительства в старом храме Чуда Архангела Михаила, после совершения молебна патриархом, царями Иваном и Петром и архиереями, вынесены из храма через южные двери на паперть, откуда с хоругвями, крестами и иконами, с колокольным звоном на Иване Великом и монастырской колокольне перенесены в новый храм. Мощи святителя пронесли по главной южной лестнице мимо алтарей церкви на приготовленное место. На следующий день, 20 мая, день памяти Обретения мощей Святителя, произошло освящение храма, на котором присутствовал царь Иван Алексеевич. Осенью того же года после завершения внутренних отделочных работ были освящены патриархом Благовещенская церковь и небольшой храм во имя апостола Андрея Первозванного, предназначенный только для монахов и примыкавший к западным стенам Алексеевской и Благовещенской церквей (23, с. 293).

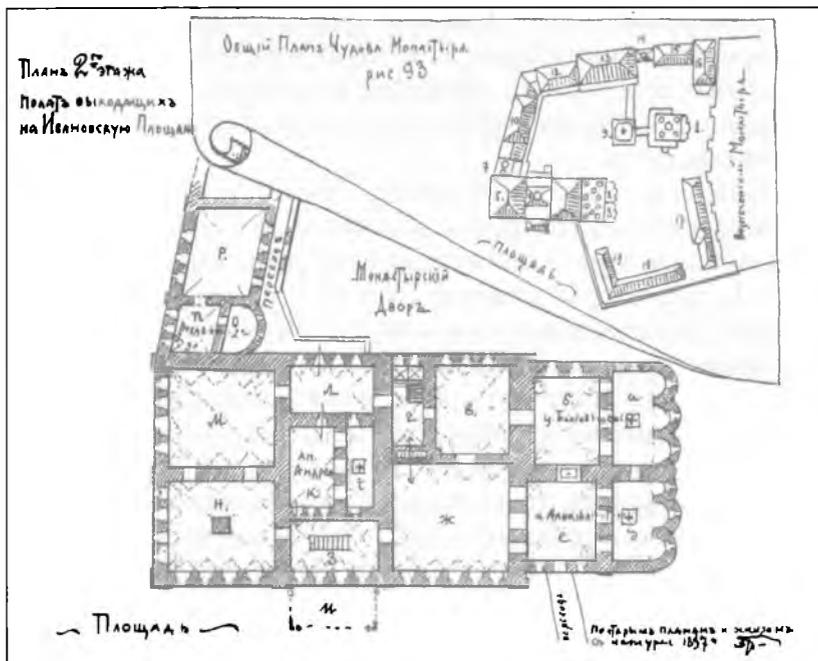
Возникновение Андреевской церкви исторически связывается со стрелецким бунтом 1682 г. и династической борьбой между родственниками престолонаследников скончавшегося царя Федора Алексеевича – Милославскими и Нарышкиными. По старшинству за Федором шел его болезненный брат Иван, сын Милославской, как и царевна Софья, но родственники второй жены царя Алексея Михайловича – Натальи Кирилловны Нарышкиной, которых поддерживали патриарх Иоаким и многие бояре, прочили на престол самого младшего сына царя Алексея, здорового и умного Петра. Царевна Софья, преследуя личные цели, поддерживала своего болезненного, но единокровного брата царевича Ивана и сумела привлечь в свою партию стрелецкого воеводу князя Хованского. Стрельцы подняли бунт, к которому присоединились старообрядцы. Принятое компромиссное решение, провозгласившее царями обоих братьев – и Ивана, и Петра, а царевну Софью – правительницей, не решило проблемы. Бунт разрастался, и усмирить его поручили патриарху Иоакиму. Патриарх призвал представителей всех стрелецких полков в Успенский собор на примирительное богослужение и вынес им драгоценную святыню – мощи левой руки св. Андрея Первозванного, почитавшегося первым проповедником христианства на Руси, и после молебна прочитал им царские грамоты с призывом о прекращении смуты и обещанием всеобщего прощения. Мятежники покорились, а для священной реликвии был устроен особый храм во имя св. ап. Андрея, полностью расположенный внутри здания, не имеющий наружных стен и проявленный в архитектуре комплекса одной позолоченной главкой, выведенной над коньком кровли.

Чудов монастырь пережил еще два крупных опустошительных пожара – в 1701 и 1737 гг., и для его восстановления требовались немалые средства, но Коллегия Экономии выделила на это только 2000 рублей. Тем не менее опись 1763 г. показывает вполне удовлетворительное состояние церквей и всех зданий монастыря как полностью сложившегося комплекса, известного по фотографиям и обмерным чертежам XIX–XX вв. (илл. 9, *цв. вкладка*) с неизбежными, но не очень

существенными изменениями в общем объемно-пространственном решении и более заметными изменениями в облике отдельных сооружений, обработке их деталей, характере обновлявшихся неоднократно росписей и колористическом решении ансамбля.

Соборная церковь Архангела Михаила оставалась еще пятиглавой с центральной позолоченной главой и малыми главами, крытыми белой жемчужной и выкрашенными в зеленый цвет. С трех сторон церковь окружала крытая железом паперть с 12 окончинами и каменными лестницами. От собора к Благовещенской церкви и к архиерейским покоям в комплексе зданий северного ограждения монастырского двора вели каменные на столбах крытые переходы с окошками. Если были надземные переходы между зданиями, позднее не сохранившиеся, то должны были быть и выходы на них. Они могли осуществляться при помощи узких лестниц внутри самих галерей, но могли вести непосредственно из зданий. Возможно, два заглушенных окна на западном фасаде Михайловской церкви, отмеченные выше, служили для этой цели – выхода в переходную галерею. Тогда внутри храма у его западной стены должна была быть лестница, ведущая на площадку перед выходом из здания. Вряд ли переходные галереи могли быть на уровне пола храма, то есть по верху подклета, – в этом случае они сильно осложняли бы передвижение по двору. Такие переходы были обычным явлением в Чудовом монастыре – они отмечены на плане А.А. Потапова начала XX в. (илл. 19) вдоль дворовых фасадов северных и западных корпусов, а также от собора к колокольне и далее, к архиерейским покоям. У переходов возле храма с западной стороны стояла пятиярусная колокольня. Нижние ярусы были прямоугольными в плане, а верхние – восьмиугольными. На четвертом ярусе размещалась библиотека, а на пятом, с 8 открытыми проемами-слухами, висели 12 колоколов; верх колокольни оканчивался фонарем также с 8 слухами, который завершался главой с железным крестом.

Две соседние церкви – Алексеевская и Благовещенская устроены одинаково: обе на высоком подклете, трехапсид-



Илл. 19. Общий план Чудова монастыря. План 2-го этажа Палат, выходящих на Ивановскую площадь. Начало XX в.

1. Соборный храм Чуда Архист. Михаила; в описи Мичурина значится, что храм пятиглавый, с папертями и сходами.
- 2, 3 и 4. Церкви Благовещения, Алексея митрополита, св. ап. Андрея Первозванного.
- 5–7. Крестовоздвиженская, с примыкающими к ней палатами.
8. Ц. Препод. мч. Евдокии на задних воротах: построена в 1556 г.; в описи Мичурина значится во имя Платона и Романа, крестовая, одноглавая.
9. Колокольня; по описи Мичурина о 4-х ярусах с подвалами; из них два нижних 4-угольных и два верхних 8-угольных с шатровыми сводами.
10. С зап. стороны здание о трех апартаментов: в нижнем – поварни, квасовар-

- ни и проч. службы; во втором 5 братских келий, в третьем 3 кельи, при них же переходы во всех этажах.
12. С сев. стороны здания о трех апартаментов; все заняты братскими кельями, против них переходы.
13. Здание о трех апартаментов: нижний под архиерейскими кельями.
14. Служебный; во втором – 4 кельи, сени, крыльцо; в третьем 6 келий; снизу, т.е. из 2-го этажа, вверх деревянная крутая лестница, архиерейские покои, крестовая зала, столовая, наугольная библиотека – кельи и проч.; против здания переходы.
15. На той же стороне здание о 2 апартаментов: нижний – караульные палаты, погреба и проч.; во 2-м – судейская, поlyingчая и архивная палаты.

16. С вост. стороны – нижний апартамент под наместничьими кельями служебные помещения; во 2-м апарт. 5 наместнических келий и крыльцо.

17. На той же стороне: нижний – службы, второй – кельи; дл. 34 саж.

18. С южной стороны: нижний – службы, второй – кельи.

19. С зап. стороны – то же.

20. Монаст. ограда с юж. стороны на 47 саж., с зап. – на 30.

В настоящее время № 17, 18, 19 в XVIII веке отошли под архиерейский дом, а потом перестроены для Императорского дворца (см.: Шохин Н.А. Исторические очерки Малого Николаевского дворца в Московском Кремле. Сборник очерков и детальных рисунков русских старинных построек. М., 1872).

ные, пятиглавые, бесстолпные, с глухой стеной, отделяющей церкви от алтарей с проемами для алтарных врат и между алтарями и арочным проемом с ракой для мощей свт. Алексия, но с отдельными входами для мужчин и женщин. Полы в обоих храмах были выстланы чугушной лещадью. Из церкви свт. Алексия три прохода вели в квадратную обширную трапезную, а оттуда в разгрузочную внутреннюю паперть, сообщающуюся с Андреевской церковью, с братской монастырской трапезной в торце комплекса, окна которой выходили в проход между Царской и Сенатской площадями против церкви Двенадцати Апостолов. Лестница с нижней папертью, выходившая в помещения первого этажа и к главному входу в комплекс с Царской, или Ивановской площади, вела на парадное «крыльцо на двух столбах одинаких и двух тройных, при оных 4 жестяные трубы со змейками для сбегу с кровли воды; крыша крыльца железная; сверх оной две дуги железные, наверху дуг яблоко медное позлащенное, сверх яблока звезда с крестом. Крыльцо имело длины 5 саж. 12 арш., ширины 4 саж. 5 четвертей. Это старое крыльцо при митр. Платоне было построено в нескладном готическом стиле, как существует и донныне» (23, с. 296). Это красочное описание И.Е. Забелиным старого крыльца и в то же время критическое по отношению к грамотной, деликатной и все же чужеродной пристройке М.Ф. Казакова 1780 г. соответствовало представлениям современников о необходимости художественного единства ансамбля, даже состоящего из разновременных построек. Пожалуй, соответствует и сейчас.

Из Благовещенского храма вел один проход в трапезную, аналогичную и параллельную соседней трапезной церкви свт. Алексия, несколько уменьшенную за счет небольшого помещения с лестницей в нижний этаж и с проходом в тамбур, выводящий на наружную галерею и в палату, смежную с братской трапезной, где происходила раздача кушаний. Так как Благовещенский храм предназначался только для женщин, то с нижнего этажа, куда вела упомянутая лестница, был выход на главную входную паперть и на крыльцо. Под трапезными Благовещенской и Алексеевской церковью проходил главный служебный арочный проезд на территорию монастыря, закрываемый снаружи железными створными воротами с караульной палаткой при них.

Под всеми этими помещениями, на нижнем этаже, находились «житенные» и «капустные» палаты, погреба, истопничная и другие хозяйственные помещения.

Весь этот сложный комплекс разнородных помещений снаружи был объединен общим скромным фасадом с равномерным размещением одинаково обрамленных белокаменными наличниками окон, протянутым по всей длине цоколем, междуэтажным фризом и карнизом, а также общей вальмовой кровлей. Немного смещенное от центральной оси к западу крыльцо главного входа уравновешено арочным проемом сквозного прохода в западной части здания, обрамленным массивными белокаменными декоративными пилястрами. Этот фасад фактически являлся главным фасадом всего большого монастырского комплекса, воспринимавшимся зрителем, выходящим через Фроловские или Спасские ворота на Царскую площадь Кремля, и представлял его, конечно, недостаточно полно, но скромно и достойно.

Фасады Алексеевской и Благовещенской церковью, выходящие во двор и невидные с площади, решены так же скромно, в стилевом единстве с главным фасадом. Углы церковью и сопряжения апсид обрамлены вертикальными неширокими пилястрами с незначительными плоскими углублениями, но, в отличие от лопаток Михайловского собора, они доходят только до оснований полукружий закомарных перспектив-

ных профилированных арок, центры которых слегка подвышены. Пяты закомарных арок подвешены и соединены тонкой горизонтальной тягой. Первоначальное покрытие могло быть позакомарным. Апсиды алтарей существенно ниже стен церквей и практически одинаковы по ширине и выносу, хотя средние выступают к востоку чуть дальше боковых. Прясла церковных стен и апсид имеют ряд окон, освещающих подклет и два ряда окон в церквях, нижние из которых совпадают по уровню, высоте и форме наличников с окнами главного фасада. Верхний ряд окон несколько нависает над нижним, и к тому же там на одно окно больше, хотя симметрия соблюдена. Вероятно, позднее в восточной и северной стенах были пробиты дополнительные окна в арках закомар. Как уже отмечалось, главы Благовещенской церкви существенно ниже глав Алексеевской и практически не были видны с площади, но декоративное их оформление идентично.

Обширный монастырский двор со всех сторон был огражден 2- и 3-этажными келейными, служебными и хозяйственными зданиями. Центром композиции северного комплекса являлась надвратная церковь свв. Платона и Романа, перестроенная из обетной церкви прп. муч. Евдокии, постройки Ивана Грозного 1556 г., небольшой, но стройный четырехгранный объем которой с восьмигранным фонарем и высоким шпилем возвышался над соседними зданиями. Она называлась также Крестовой, так как рядом с ней находились архиерейские палаты. Впрочем, в 1763 г., во время составления описи, она, вероятно, называлась еще церковью св. Елевферия и была переосвящена в 1775 г. в связи с назначением архиепископом Московским Платона. В церкви были расписанные деревянные хоры.

Трехэтажный архиерейский дом примыкал к этой церкви с запада. В нижнем этаже размещались служебные помещения, во втором — четыре архиерейские кельи, сени, крыльцо и крутая деревянная лестница на третий этаж, где находились архиерейские покои, крестовая зала, столовая и библиотека. Из здания по крытым деревянным переходам на каменных столбах с каменными парапетами можно было пройти в Ми-

хайловскую церковь через колокольню и по переходам вдоль западных корпусов в храмы главного корпуса.

В корпусах, окружающих двор с северо-запада, размещались в нижнем этаже поварни, квасоварни, столярная, кузнечная и каретная мастерские, а в верхних — братские кельи и больничные палаты с небольшой Крестовоздвиженской церковью, построенной на средства боярина Ховрина и примыкавшей к стене братской трапезной главного здания монастыря. Корпуса соединялись проходами на всех этажах. В корпусе, примыкавшем к надвратной церкви с востока, в нижнем этаже находились караульные палаты, погреба и прочие служебные и хозяйственные помещения; во втором этаже — судейская, консисторская, секретарская, подъяческая и архивная палаты (илл. 20). Примыкавший к нему под углом корпус у восточной стены монастыря был наместнический. Нижний этаж был служебным, а наверху размещались пять наместнических келий и крыльцо. В южной части двора стояли три двухэтажных корпуса братских келий, отошедшие в XVIII в. под архиерейский дом, перестроенный позднее в Императорский дворец.

До строительства М.Ф. Казаковым здания Сената Чудову монастырю принадлежали земли с северной стороны Чудовской улицы, где находился обширный конюшенный двор с каменными палатами келий и кладовыми, являвшийся, по мнению И.Е.Забелина, частью Татарского посольского двора. Забелин предполагает, что стоявшая неподалеку от Конюшенного двора, всего в пяти саженях от него, церковь Козмы и Дамиана могла быть построена великой княгиней Софьей Палеолог, супругой Ивана III, на месте оставшегося в Москве Татарского подворья (23, с. 298).

С учреждением вместо Синодального управления самостоятельной Московской епархии по указу св. Синода Чудов монастырь в 1744 г. был передан в полное распоряжение и владение епархиального архиерея со статусом кафедрального монастыря. В 1764 г. он получил статус ставропигиального и к нему в 1775 г. был приписан Николо-Перервинский монастырь.

В 1768 г. Московским архиепископом был назначен Амвросий Зертис-Каменский, приглашенный для обновления



Илл. 20. Палаты и кельи Чудова монастыря в Московском Кремле.  
Начало XX в.

кремлевских соборов, который в бытность архимандритом Воскресенского Новоиерусалимского монастыря проявил недюжинные организаторские и художественные способности. Он проявил себя и в работах в Чудовом монастыре, но в 1771 г., во время чумного бунта в Москве, был убит обезумевшей толпой в Донском монастыре, где и был похоронен.

После него в 1775 г. московским архиепископом был назначен крупный церковный деятель эпохи Екатерины II, энергичный и мудрый Платон Левшин (с 1787 г. — митрополит), занявшийся в числе многих своих дел и обновлением Чудова монастыря. За время своего правления он сумел произвести достаточно серьезную перестройку монастыря, ставшего архиепископской резиденцией.

Еще в 1677 г. Чудову монастырю был передан примыкавший к нему с юга двор Шереметева — Морозова, принадлежавший боярину Ивану Федоровичу Шереметеву в 1600 г.

(илл. 3, *цв. вкладка*) и перешедший в царствование Михаила Федоровича во владение боярина Бориса Ивановича Морозова. По заказу архиепископа Платона М.Ф. Казаков в 1775–1776 гг. построил на месте двора Морозова «в новейшем вкусе» двухэтажный архиерейский дом в классическом стиле с угловой ротондой на четырех колоннах тосканского ордера, увенчанную бельведером, и с ордерными пилястрами по всему фасаду, соединявшийся с Алексеевской церковью двухэтажным переходом. В здании была домовая церковь во имя свв. апостолов Петра и Павла. В 1817 г. этот архиерейский дом был куплен дворцовым ведомством и в нем поселился великий князь Николай Павлович с семьей, часто посещавший этот дворец, который впоследствии стал называться Малым Николаевским. В 1818 г. здесь родился сын Николая, будущий император Александр II. Дворец вышел из монастырской юрисдикции, был надстроен третьим, деревянным, обложенным кирпичом этажом, но продолжал составлять с ним единую архитектурную композицию. Поэтому его архитектурная история имеет отношение к истории монастыря. В 1833 г. была выполнена перестройка дворца, в которой принимал участие архитектор П.А. Иванов (24, с. 117), а в 1849 г. отделкой дворцовых помещений занимался архитектор Н.Я. Решетов (25, с. 210). Позднее император Николай Павлович заказал архитектору К.А. Тону проект перестройки дворца, но реализация проекта, утвержденного в 1851 г., ограничилась только возведением крыльца с шатровым верхом, после чего император Александр II запретил дальнейшие работы, заявив: «Мне гораздо приятнее иметь старый исправленный без перемены дворец, чем вновь выстроенный с фасадом Тона» (55, с. 30).

Тем не менее в 1872 г. под руководством архитектора Н.А. Шохина была произведена новая реконструкция дворца, в ходе которой были подведены новые фундаменты и конструкции деревянного третьего этажа заменены каменными без изменения планировки и интерьеров (28, с. 280). «При входе во дворец устроена подъемная машина в виде крытой платформы» (33, с. 143). Видимо, этот подъемник находился в квадратной башне с крутой четырехскатной кровлей, которая видна

на поздних фотографиях в месте примыкания двухэтажного перехода к трехэтажному объему дворца с задней его стороны.

В 1896 г. был произведен ремонт Николаевского дворца, в котором участвовал архитектор В.В. Николая (25, с. 186) (илл. 21).

При архиепископе Платоне с 1775 по 1778 г. были поновлены росписи Архангельской церкви и иконостас, а также перестроены три каменных крыльца. В 1779 г. была заново выстроена монастырская колокольня, на которой были установлены известные всей Москве колокола: Большой и Полиелейный. Судя по надписям на колоколах, Большой был отлит мастером Кириллом Сомовым в 1634 г. по повелению царя Михаила Федоровича для соборной церкви Успения Богородицы и святых чудотворцев Леонтия, Исаи и Игнатия в Ростове, в память его отца Филарета Никитича. Этот колокол был перелит со значительной добавкой меди при митрополите Платоне. Полиелейный колокол был отлит в 1727 г. при архимандрите Беляеве (32, с. 92–101).



Илл. 21. Малый Николаевский дворец. Начало XX в.

По-видимому, в это же время Михайловский собор был перестроен в одноглавый и утратил позакомарное покрытие и галерею, соединявшую его с Благовещенской церковью.

Чудов монастырь вскоре после своего основания становится одним из наиболее почитаемых духовных центров России, отличаясь от своего великокняжеского современника Спасоборского монастыря большей ориентацией на чисто церковные проблемы и привлекая поэтому духовных деятелей Православной Церкви всего православного мира, особенно из Византии и Греции. Так, уже в 1392 г. в монастыре был погребен адрианопольский митрополит Матфей Гречин, приехавший в Россию вместе с митрополитом Киприаном в 1390 г. и проживавший в Чудовом монастыре.

В 1518 г. от Цареградского патриарха прибыли в Москву «митрополит Григорий, Грек, да с ним старцы от св. горы Афонской бити челом о нишете и помощи: из Ватопеда монастыря три старца — Максим Грек, Неофит Грек, Лаврентий Болгарин; от св. Пантелеймона из Русского монастыря — проигумен Савва. А прежде тех старцев за год пришел от св. Сорока Мученик, от Скиропотам монастыря Исая Сербин. Князь великий Василий Иванович принял их с великою честью и повелел им пребывать в монастыре архистратига Михаила Чуда, питая их и доводя всякими потребами от своей царской трапезы. Также и Варлаам митрополит великую любовь и честь к ним показывал и, к себе призывая, часто с ними беседовал о божественных словесах духовных» (23, с. 299—300).

При благоволившем к Чудову монастырю и почитавшем его основателя митрополита Алексия Иване Грозном возродился древний обычай крестить княжеских и царских детей у мощей святителя. Впервые в истории монастыря отмечено крещение в 1384 г. св. Киприаном и преп. Сергием Радонежским родоначальника рода Воейковых, Воейко-Терновского, прибывшего на службу к Дмитрию Донскому. Сам Иван IV крестил здесь в 1554 г. царевича Ивана, в 1556 г. царевну Евдокию, в 1557 г. царевича Федора, в 1559 г. своего племянника кн. Василия Юрьевича. Царь Федор Иванович, следуя отцовскому обычаю, крестил в Чудове свою дочь Феодосию. Патри-

арх Филарет продолжил этот обычай и крестил своего внука царевича Алексея Михайловича. Алексей Михайлович в свою очередь крестил в Чудове своего первенца Дмитрия в 1648 г., других детей в Успенском соборе, но царевича Петра и его сестру царевну Наталью снова у мощей св. Алексия. В 1818 г. здесь был крещен Александр II, родившийся в примыкавшем к монастырю Малом Николаевском дворце – бывших митрополичьих покоях.

Посещения монастыря почитаемыми и высокоучеными гостями, проживавшими в Чудове длительное время, и внимание к нему членов царской фамилии при возникновении идеи о создании в России ученой Греко-латинской школы, были причинами тому, что такая школа была основана именно здесь по благословению патриарха Филарета и существовала до учреждения Славяно-греко-латинской академии. По свидетельству Олеария, руководителем этой школы был Грек Арсений, на смену которому был вызван Епифаний Славянецкий. Голландец Кленк писал в 1675 г. об этой школе, что «Чудов монастырь скорее можно назвать дворянским учебным заведением, чем монастырем», где дети бояр и важных вельмож проходили курс обучения до 16 лет. Духовно-просветительское значение Чудова монастыря сохранялось и после основания Академии и других духовных школ, что подтверждается Указом Петра I 1723 г., повелевавшим «в Чудове монастыре монахов иметь, которые бы достойны были к производству в духовные начальники» (23, с. 299).

Здесь же содержали исстари для исправления провинившихся духовных владык, считая монастырь не казематом, но духовной крепостью со строгим учительным житием для всей братии. Еще в 1391 г. сюда был водворен тверской епископ Евфимий Вислень, через год скончавшийся и похороненный за алтарем храма. В 1397 г. в монастыре был погребен владыка смоленский Даниил. В 1401–1404 гг. новгородский владыка Иван провел здесь более трех лет по решению великого князя Василия I и митрополита Киприана. Здесь же были заключены принявший Флорентийскую унию митрополит Исидор, бежавший в 1440 г. в Рим, и последний независимый

новгородский митрополит Феофил, скончавшийся здесь через шесть лет и здесь погребенный. В 1504 г. сюда вернулся в качестве заключенного и строитель Алексеевской церкви, поборник православия и гонитель еретиков новгородский архиепископ Геннадий, обвиненный в мздоимстве. По устойчивому преданию, впрочем не имеющему точных документальных подтверждений, в Чудовом монастыре некоторое время проживал монах Григорий Отрепьев – Лжедмитрий I, бежавший в Польшу в 1602 г. вместе со священником Варлаамом и «крылошанином» Мисаилом Повадиным. При воцарении Василия Шуйского в 1606 г. в Чудове был заключен поставленный Лжедмитрием патриарх Игнатий. Он прожил здесь в простых чернецах до 1611 г., когда мятежные бояре и поляки, заточив патриарха Гермогена, снова возвели на патриарший престол того же Игнатия. 12 декабря 1666 г. в присутствии Вселенских патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского в Благовещенской церкви Чудова монастыря состоялся Соборный суд над патриархом Никоном, на котором он был лишен патриаршего сана и отправлен в заточение.

В войну 1812 г. в соборном храме монастыря была канцелярия маршала Даву. Французы разграбили монастырь, выбросили в ров у Кремлевской стены дела архива духовной консистории и правительствующего Сената, смежного с ней. Даже мощи свт. Алексия были выброшены из раки и обнаружены в придельном храме Благовещения заваленными разным мусором. После изгнания французов монастырь был восстановлен, епархиальные учреждения, такие, как консистория, епархиальное попечительство, цензурный комитет, переведены в другие здания монастыря. В 1833 г. консистория была вообще переведена на Лубянку, в здание бывшего Рязанского подворья.

В 1839–1849 гг. под надзором митрополита Филарета академик М.Д. Быковский реставрировал основные храмы монастыря: Михайловский, Алексеевский и Благовещенский. Эти работы были высоко оценены современниками. В соборной церкви свт. Алексия в 1839 г. был устроен новый бронзовый иконостас, фоны которого были обиты листовым

серебром, а колонны позолочены, с царскими вратами из чистого литого серебра барельефной и горельефной работы. Иконостас был выполнен мастером Саликовым по рисункам графа Ф.П. Толстого, знаменитого гравера, модельера и скульптора классицизма.

В монастыре были погребены многие выдающиеся церковные и светские деятели России XIV—XVIII вв.: архиепископ Новгородский Геннадий, митрополит Адрианопольский Матфий, всероссийские митрополиты Феодосий, Симон и Афанасий; архиепископы московские Иосиф, Платон (Малиновский), Тимофей; иеромонах и писатель Карион Истомин, справщик книг Епифаний Славинецкий, иконописец и юродивый Тимофей Архипов, воспитатель и родственник царя Алексея Михайловича И.И. Морозов и его жена Анна Ильинична; последний казанский царь Едигер, в крещении Симеон; представители знатных боярских и княжеских родов Морозовых, Оболенских, Трубецких, Хованских, Куракиных, Щербатовых, Стрешневых, Милославских, Салтыковых, Волынских, Пушкиных, Одоевских и многих других; наряду с ними здесь лежали простые монахи монастыря.

Захоронения в монастыре светских лиц были прекращены уже в конце XVIII в., но 4 февраля 1905 г. бомбой террориста И. Каляева у Никольских ворот Кремля был убит генерал-губернатор Москвы великий князь Сергей Александрович. Его останки перенесли в Алексеевский собор и положили у раки с мощами свт. Алексия. По проекту В. Загорского и П. Жуковского под наблюдением академика архитектуры Р.И. Клейна в 1906 г. в подклете Алексеевской церкви был устроен храм-усыпальница великого князя, освященный во имя преп. Сергия Радонежского, со склепом, расположенным точно под ракой святителя. Иконостас в храме выполнил академик живописи К. Степанов в древней темперной технике (44, т. 1, с. 117). Этот храм был случайно открыт в 1985 г. во время земляных работ на Ивановской площади. Были обнаружены две камеры, в одной из которых стоял гроб с серебряными накладками. При вскрытии гроба в нем оказались останки тела, облаченные в полуистлевший мун-

дир. Серебро взяли в музей, а храм вновь засыпали и только останки великого князя Сергея Александровича с крестным ходом торжественно перенесли в Новоспасский монастырь и положили в усыпальнице Романовых.

В 1911 г. в монастыре была устроена еще одна небольшая церковь во имя свт. Иоасафа Белгородского по инициативе последнего архимандрита, затем епископа в ранге наместника сщмч. Арсения (Жадановского). Эта церковь находилась рядом с кельями наместника, занимая часть подколокольного помещения, и епископ Арсений обыкновенно совершал в ней ежедневную службу. Название храму было выбрано по недавно состоявшейся канонизации свт. Иоасафа (2, №1033).

В 1905 г. в монастыре числились: наместник – архимандрит, казначей – архимандрит, 10 иеромонахов, 4 иеродьякона, 34 послушника.

В 1906 г. в Чудовом монастыре была построена усыпальница великого князя Сергея Александровича по проекту архитектора В.П. Загорского (25, с. 105).

Крестный ход из монастыря в Успенский собор совершался в память свтт. Петра, Алексия, Ионы и Филиппа 5 октября.

Из икон монастыря знаменита была чтимая москвичами чудотворная икона свт. Николая, взятая из питейного дома Хухрикова в 1846 г. и хранившаяся в Благовещенской церкви. В Алексеевском соборе особо почиталась икона свт. Алексия, написанная на доске его гроба и порезанная в 1682 г. фанатиком кальвинистом Фомой Ивановым.

«В монастыре было много редких предметов; в храме свт. Алексия, возле его раки, хранилось его облачение, сделанное в восточном вкусе, – подарок Тайдулы (по поводу облачения свт. Алексия, подаренного ему ханшей Тайдулой, которое включало саккос, епитрахиль и посох, существует предание, что ханша увидела во сне его именно в таком одеянии. Саккос Алексия находится сейчас в Оружейной палате, и вышивка на нем выполнена русскими мастерицами. Впрочем, это тоже ничего не доказывает, так как русских мастериц в Золотой Орде XIV в. было предостаточно. – *А.В.*);

на стенах — знамена, бунчуки и ключи крепостей, взятые в персидскую войну 1826—1828 гг. В ризнице из ценных предметов утвари церковной обращали внимание: Евангелие, переведенное с греческ. языка на славянский свт. Алексием, при нем его завешание; Евангелия и сосуды, подаренные царями и боярами; из облачений замечательны: митра “Потемкинская”, усыпанная бриллиантами и жемчугом; панagia с изумрудом в 3000 руб., дар кн. Потемкина митрополиту Платону, и другие панагии, принадлежавшие митрополиту Платону. В библиотеке из рукописей замечательны “Слово об антихристе св. Ипполита папы римского”, относящееся к XII в.; “Толкование на псалтырь св. Феодорита епископа Киррского» (17, № 461).

В советское время монастырь, как церковный институт, был упразднен вскоре после революции, его здания были отданы во владение различных организаций, монастырские ценности переданы в Гохран, а в 1928 г. прогремели первые взрывы, уничтожившие здания монастыря. На их месте сейчас находится площадь перед бывшим зданием Президиума Верховного Совета СССР, построенного по проекту архитектора И.И. Рерберга, и западная часть самого здания.

Часть сокровищ монастыря передана в Чудовское собрание Государственного Исторического музея, и их описание опубликовано в книге Т.Н. Протасьевой (44, т. 1, с. 114). Мощи свт. Алексия перенесли в Архангельский собор Кремля, а в связи с подготовкой празднования 800-летия Москвы по прошению Святейшего Патриарха Алексия I их передали в кафедральный собор Богоявления в Елохове, где они и покоятся ныне в богатой раке под сенью на правом клиросе (22, с. 11).

Иконы иконостаса церкви св. Архангела Михаила работы 1626—1627 гг. и небольшая икона из церкви преп. Сергия, усыпальницы вел. кн. Сергея Александровича «Церковь воинствующая» находятся в Оружейной палате Кремля. Около полусотни разных икон Чудова монастыря сохранилось в фондах музеев Кремля. Две иконы из усыпальницы великого князя Сергея Александровича: «Богоматерь Боголюб-

ская с избранными святыми» (трехстворчатый складень работы мастера Истомы Славина конца XVI – начала XVII в.) и икона «Петр митрополит с житием» его же письма начала XVII в., – а также образ «Иоанн Предтеча в пустыне» находятся сейчас в Государственной Третьяковской галерее.

Там же находятся сохраненные фрагменты фресок разрушенного Чудова монастыря московской школы XVI–XVII вв.: «Исцеление расслабленного», «Явление архангела Михаила Иисусу Навину», «Неизвестный святитель», «Голова ангела», «Голова пастуха», «Апостол Фома», «Неизвестный святой», «Священномученик Елевферий с житием» из надвратной церкви св. Елевферия, упоминающейся в 1675 г. и посвященной в свое время митрополиту Алексию по его мирскому имени. Два фрагмента фресок плохой сохранности с сюжетом «Бегство в Египет» находятся в Русском музее Санкт-Петербурга (44, т. I, с. 115).

Это все, что осталось от одной из великих святынь России.

## ИЗВЕСТНЫЕ НАСТОЯТЕЛИ МОНАСТЫРЯ

*Геннадий* (1480–1484), впоследствии архиепископ Новгородский.

*Леонид* (1570–1572), впоследствии архиепископ Новгородский.

*Павел II* (1659–1884), впоследствии митрополит Крутицкий.

*Иоаким (Савелов)* (1678–1686), впоследствии Патриарх Всероссийский.

*Адриан* (1678–1686), впоследствии Патриарх Всероссийский.

*Иосиф V* (1688–1691), впоследствии митрополит Ростовский.

*Феодосий, князь Вадбольский* (1704–1711), епископ Крутицкий.

*Феофилакт (Лопатинский)* (1723), впоследствии епископ Тверской.

*Беляев*, архимандрит (1727).

**АРХИЕРЕИ МОСКОВСКОЙ И КОЛОМЕНСКОЙ  
ЕПАРХИИ (учреждена в 1742 г.)**

1742 – Иосиф (Волчанский), архиепископ Московский, епархиальный архиерей.

1748 – Платон (Малиновский), архиепископ.

1757 – Тимофей (Щербицкий), архиепископ.

1768 – Амвросий (Зертис-Каменский), архиепископ.

1775 – Платон (Левшин), архиепископ, с 1787 г. митрополит; уволен по болезни в 1787 г.

1818 – Августин (Виноградский), архиепископ.

1819 – Серафим (Глаголевский), архиепископ, с 1821 г. Новгородский.

1821 – Филарет (Дроздов), архиепископ, с 1826 г. митрополит.

1868 – Иннокентий (Вениаминов), архиепископ, с 1868 г. митрополит.

1879 – Макарий (Булгаков), митрополит Московский.

1882 – Иоанникий (Руднев), митрополит Московский, с 1891 г. Киевский.

1891 – Леонтий (Лебединский), митрополит Московский.

1893 – Сергей (Ляпидевский), с 1893 г. митрополит Московский.

1898 – Владимир (Богоявленский), митрополит, священномученик.

---

# ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ



---

Московский Вознесенский 1-го класса необщежительный монастырь находился в Кремле, на Вознесенской площади, у Спасских ворот, между Чудовым монастырем и кремлевской стеной (илл. 22). Это был третий по времени основания монастырь в Московском Кремле после великокняжеского Спасо-Преображенского и митрополичьего Чудова монастыря. Вознесенский монастырь был основан в 1393 г. вдовой Дмитрия Донского, великой княгиней Евдокией Дмитриевной, дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича, через четыре года после смерти в 1389 г. своего прославленного супруга, победителя монголо-татарских войск в битве на Куликовом поле, принявшей незадолго до своей кончины в 1407 г. иноческое имя Евфросинии. (Дата основания монастыря несколько отличается у разных исследователей в пределах 20 лет: 1387 — Сытин, 68, с. 57–58; 1393 — Зверинский, 24, № 722; 1407 — Денисов, 17, № 497.)

Кроме основания Вознесенского монастыря княгиня Евдокия построила в кремлевском княжеском дворце в 1393–1394 гг. в память о супруге каменный домовый храм в честь Рождества Богородицы, которое празднуется 8 (21) сентября — в день Куликовской битвы, первоначально расписанный, по исследованиям М. В. Алпатова, Феофаном Греком и Симеоном Черным (5, с. 109). Также она называлась церковью Рождества Богородицы «на Сенях». Еще ранее, около 1392 г., великая княгиня Евдокия основала в Переяславле-Залесском Успенский Горицкий монастырь и церковь Рождества Иоанна Предтечи в городе. Она была канонизирована на одном из Макарьевских соборов в XVI в., и ее мощи хранились

под спудом в особой раке у южной стены за правым столбом соборного храма Вознесения.

Первая церковь монастыря была, вероятно, деревянной, и только в последний год своей жизни св. Евфросиния в 1407 г. заложила каменную церковь Вознесения, которую не успела достроить. Тем не менее св. Евфросиния была погребена в этом храме, чем определилась одна из функций этого монастыря как женской княжеской усыпальницы. До этого времени великих княгинь хоронили в монастыре Спаса на Бору.

Строительство храма продолжила невестка св. Евфросинии, великая княгиня Софья Витовтовна, супруга великого князя Василия I Дмитриевича. Но и при княгине Софье удалось возвести храм только «по кольцо, где верху быти». Частые пожары в Кремле (монастырь горел в 1415, 1475, 1482, 1547, 1571, 1626, 1737 гг.), нападения Золотой Орды, междоусобная Шемякина смута и войны с Литвой препятствовали завершению строительства, и храм в недостроенном виде, постепенно разрушаясь, простоял более полувека.

В 1467 г. вдова сына Евфросинии, Василия II Васильевича Темного, великая княгиня Мария Ярославна поручила известному мастеру, строительному подрядчику Василию Дмитриевичу Ермолину, разобрать недостроенное и поврежденное сооружение и возвести новую церковь. Ермолин не стал разбирать храм полностью, а только переложил сдвинувшиеся своды и облицевал обгоревшие стены новым камнем и кирпичом. В течение года храм был закончен и впервые освящен в 1468 г. Этот метод работы вызвал всеобщее удивление и восхищение.

Храм простоял недолго, до «великого» пожара 1475 г., когда в Кремле обгорело 10 каменных церквей, а у «Вознесения и нутрь выгорела» (23, с. 250). В 1482 г. случился еще один крупный пожар, в котором в Вознесенской церкви обгорела икона Богоматери Одигитрии греческого письма, список в натуральную величину с чудотворной Цареградской иконы, приписываемой, по церковному преданию, евангелисту Луке. Доска сохранилась, и на ней крупнейший иконописец того времени Дионисий написал заново образ Богоматери,



который в большие крестные ходы выносили из монастыря навстречу царю и патриарху.

После пожара 1482 г. церковь была восстановлена, но в 1518 г. великий князь Василий III «ветхости ради» повелел ее разобрать и выстроить новую. Таким образом, первый храм Вознесенского монастыря строился до завершения и освящения в 1468 г. более полувека и примерно столько же простоял действующим, сохраняя при этом свое основное назначение женской княжеской усыпальницы.

Новый собор Вознесенского монастыря Василия III строился три года и был освящен уже в мае 1521 г. При этом произошли важные изменения в патронате и финансировании строительства. Летописи называют монастырь обителью великих княгинь, но в качестве строителя церкви упоминают одного великого князя без великой княгини Соломонии Юрьевны Сабуровой, что было в обычае в предшествующее время. Это означало прежде всего, что средства на строительство отпускались из великокняжеской государственной казны.

В середине XIX в. считалось, что именно этот храм сохранился в целом до разрушения монастыря в 1928 г. (52, с. 249), но в 1899 г. были опубликованы записки греческого архиепископа Арсения Елассонского, впервые посетившего Москву в 1586 г. и сопровождавшего в 1589 г. константинопольского патриарха Иеремию II Траноса для участия в поставлении первого русского патриарха Иова в правление царя Федора Ивановича. Архиепископ Арсений довольно долго жил в Москве и, согласно трапезундской Сумелийской рукописи, основал в городе и окрестностях 10 церквей. В 1599 г., уже при Борисе Годунове, он был назначен первым архиепископом, служившим постоянные панихиды в Архангельском соборе «при гробах», в Смуту вместе с другими иерархами был в заточении, а в 1613 г. принимал участие в короновании на царство Михаила Романова. Он постоянно жил в Кремле и оставил записки, в которых, в частности, утверждалось, что великий князь Феодор Иоанович «воздвиг и великий храм Вознесения внутри Москвы, при котором имеется большой монастырь... а внутри великого храма находятся гробы великих княгинь и

цариц» (18, с. 93; 28, с. 171). Речь шла, таким образом, о существовании третьего храма Вознесения, сооруженного примерно через 70 лет после второго на том же месте, который и был разобран в 1928 г.

Это известие вызвало недоверие историков архитектуры, тем более что архитектором храма Василия III предполагался Алевиз Новый – Альвизе Ламберти де Монтаньяна, знаменитый строитель Архангельского собора в 1505–1508 гг. (45, с. 273, рис. 12). Правда, это предположение основывалось полностью на косвенных признаках: внешнем сходстве архитектурного решения обоих соборов, общем основном их назначении как великокняжеских усыпальниц, хронологической близости строительства. Забелин предполагал, что строителем этого храма мог быть другой Алевиз – Фрязин – Алоизио да Карезано, построивший в 1514–1519 гг. в Москве 10 или 11 каменных церквей (23, с. 251). Однако известие архиепископа Арсения было подтверждено свидетельством Пискаревского летописца: «Повелением царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руссии поставлен храм камен на Москве в Кремле-городе в Девичье монастыре у Вознесения о пяти верхах, болши старово и монастыря прибавлено» (49, т. XXXIV, с. 200).

Анализ материалов архитектурных чертежей собора середины XIX в., выполненных Ф.Ф. Рихтером, рисунки собора того же времени, а также обмерные кроки 1928 г. П.Н. Максимова и Н.Н. Соболева, включающие план основания собора, на котором явно видны остатки белокаменных фундаментов апсид внутри алтаря и нескольких столбов меньшего размера более раннего храма, позволили А.Л. Баталову обосновать компромиссный вариант датировки. По его исследованиям, остатки фундаментов этих апсид и столбов принадлежали храму 1518–1521 гг., а собственно основание храма относится к собору Феодора Иоанновича конца XVI в. При этом обращается внимание на известную грамоту царя Феодора игумену Антониево-Сийского монастыря Питириму, датированную 1587/1588 гг., о постройке в Сийском монастыре каменной церкви Живоначальной Троицы: «...а церковь де мерою

заведена в Вознесенскую меру, что в Девиче монастыре у нас на Москве».

Баталов уточняет дату перестройки Вознесенского собора при царе Феодоре вплоть до года — не позднее 1587—1588 гг. (6, с. 32—36). Ктиторм строительства была царица Ирина Годунова.

Необходимость постройки нового храма или кардинальной перестройки старого объясняется жестокими пожарами: пожара 1547 г., когда «церковь Вознесения выгоре», причем погибло 10 старцев и все церковное имущество, кроме чудотворного образа Богородицы, который успел вынести протопоп (возможно, это был список работы Дионисия, восстановленный на обгоревшей в 1482 г. доске), и пожара 24 мая 1571 г., в самый день праздника Вознесения Господня, когда погибла первая из известных по времени игумений монастыря Венедикта с сестрами.

Археолог Л.А. Беляев, осторожно заявляя, что с точки зрения археологии ситуация однозначно не трактуется, тем не менее расценивает эту гипотезу как возможную, не подвергая сомнению существование храма эпохи Феодора Иоанновича (8, с. 195).

К сожалению, несмотря на многие исторические свидетельства о монастырском соборе, у нас практически нет сведений об архитектуре первого храма 1407 г. преп. Евфросинии, а о втором храме Василия III можно только сказать предположительно, что это была трехапсидная, по-видимому, четырехстолпная или шестистолпная — из обмерного чертежа раскопа фундаментов П.Н. Максимова допустимы оба варианта — постройка меньших размеров, чем третий храм царя Феодора Иоанновича. При этом вполне могут сохраняться все прежние предположения об авторстве и образце.

Гипотеза о новом строительстве собора в конце XVI в. сохраняет в силе объяснение несомненного сходства его архитектурного решения с Архангельским собором — то, что он строился как реплика последнему, будучи также царской усыпальницей, но женской. Поэтому храм строился «по образцу» Архангельского собора Алевиза Нового, но несколько меньших размеров, что, возможно, говорило о некоем его

масштабной подчиненности. Впрочем, сходство архитектурного решения этих соборов было совсем не абсолютным, а скорее на уровне «похожести» основных архитектурных форм и приемов отделки архитектурных деталей. Отличия также были довольно значительны. Как и Архангельский собор, Вознесенский был трехапсидным одноэтажным пятикупольным сооружением с низкими алтарными апсидами, четкими трехъярусными фасадами и ордерной структурой архитектурных деталей, с позакомарным покрытием.

Различия в архитектуре Архангельского и Вознесенского соборов в целом сводятся к тому, что Вознесенский собор, сохраняя общую планировочную и объемно-пространственную структуру образца, имел более простое планировочное решение. Прежде всего он был четырехстолпным и не имел на западной стороне трехэтажного притвора с хорами для женщин великокняжеской фамилии, так как сам монастырь был женским. Поэтому при сходстве западного и восточного фасадов соборов южный и северный фасады Архангельского храма имеют на два прясла больше, в отличие от кубического объема Вознесенского храма, имевшего по три прясла на всех четырех фасадах (илл. 23). В архитектурном решении фасадов обоих соборов применен ренессансный ордер с четким разделением прясел ордерами пилястрами и трехчастным членением по вертикали. Нижний ярус прясел с окнами и дверями завершался глухими полукруглыми арками с классическим антаблементом. Средний ярус с окнами отделен от нижнего и верхнего также классическими фризами и карнизами, а верхний ярус представлял собой арочное завершение закомар с ордерным профилем. Пересечения пилястр с горизонтальными тягами обрамлены плоскими капителями. В нижнем ярусе пята декоративных арок опираются на дополнительные малые пилястры, а в верхнем, в закомарах, опираются на капители основных пилястр. Самым ярким и наиболее заметным отличием в декоративном решении закомар соборов является заполнение их пространства в Архангельском соборе изящными белокаменными раковинами, известными еще в античную эпоху и символизировавшими в христианстве Бо-

гоматерь, носившую в Своем чреве Христа, как раковина — жемчуг. В Вознесенском же соборе закомарное заполнение было оставлено плоским, с заполнением росписями средних закомар. Оба собора были пятикупольными со световыми барабанами, в декоре которых использованы аркатурно-колончатые пояса. Формы, вынос и количество алтарных апсид менялись со временем, но по высоте они не превышали середины среднего пояса и не доходили до низа закомар.

В целом Вознесенский собор, задуманный как функциональное продолжение Архангельского, был его достойной художественной и профессионально выполненной архитектурной репликой и содержательным дополнением Архангельского, решенным более цельно в объеме, но менее изысканно в деталях.

В соборе существовал особый придел «у инокини Великой Старицы Марфы Ивановны», впервые упоминаемый в

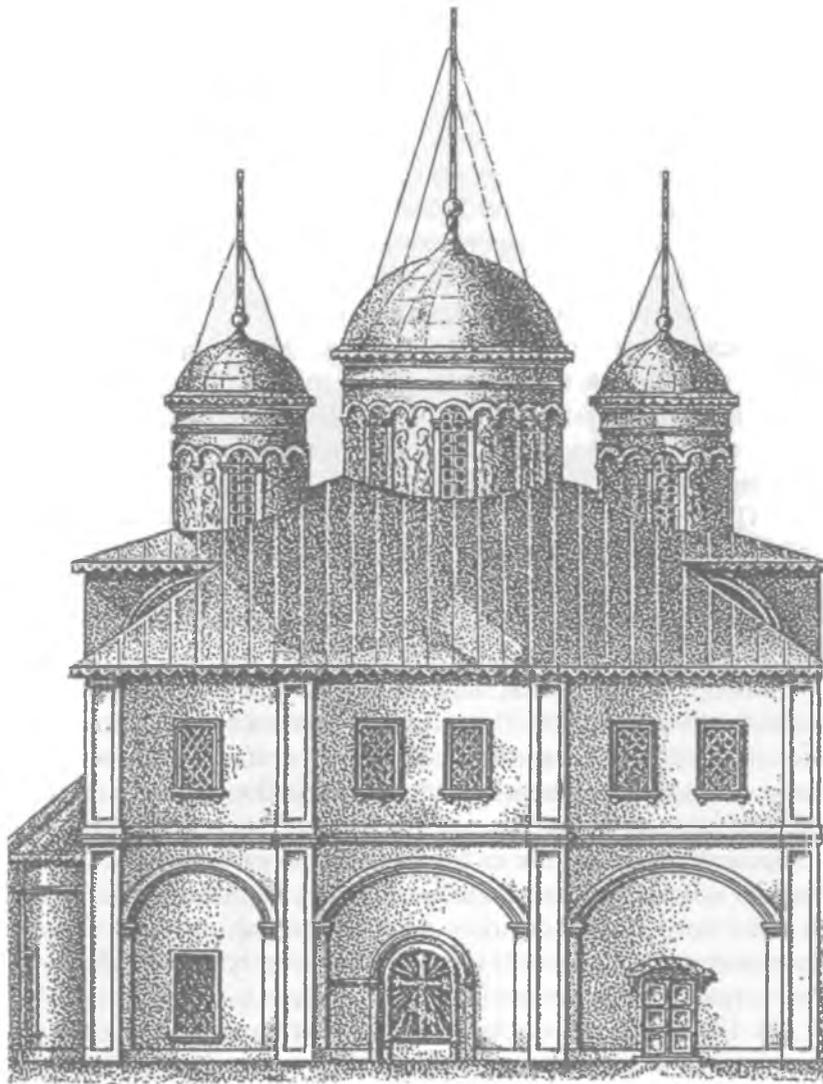


**Илл. 23.** Соборный храм Вознесенского монастыря. Вид с юго-востока.  
Конец XIX в.

1626 г. И.Е. Забелин считал, что он существовал и в 1792 г., но местоположение его внутри храма неизвестно (23, с. 252).

В 1696 г. в Вознесенском соборе были обновлены стены и пробиты окна, вероятно во втором ярусе, в связи с чем собор был освящен заново 14 ноября (23, с. 266). Возможно, тогда же в соборе были устроены хоры. Вряд ли они были капитальными, скорее всего, это был консольный балкон, так как даже относительно удобный вход на них был устроен только при игумении Сергии (1871—1884) в виде винтовой чугунной лестницы в юго-западном углу смежного Успенского придельного храма. Возможно, эта лестница была построена в связи с разборкой переходной галереи, соединявшей храм с настоятельским корпусом.

В 1731 г. к северному фасаду Вознесенского собора был пристроен придел Успения Богородицы родным братом царицы Параскевы Федоровны московским генерал-губернатором Василием Федоровичем Салтыковым над гробницей отца царицы боярина Федора Петровича Салтыкова, скончавшегося в 1697 г. (илл. 24). Первоначальный его облик неизвестен, так как придел сильно пострадал в пожаре 1737 г. После восстановления придел занимал пространство вдоль всей северной стены собора, был выполнен в тех же архитектурных формах, но несколько ниже по высоте и имел два этажа, в верхнем из которых располагалась богатая монастырская ризница. Простой столярный иконостас придела после общего обновления собора в 1871 г. был при игумении Сергии и на средства Евфимии Лаврентьевны Кудрявцевой заменен резным, покрытым узорочным серебром с позолотой. От прежнего иконостаса сохранились местные иконы Воскресения Христова, Успения Богородицы и священномученика Василия, епископа Херсонского, небесного покровителя строителя придельного храма. Остальные иконы в иконостасе и на северной и южной стенах с изображениями восьми апостолов в золоченых рамах были выполнены художником Рыбаковым. Стены этого храма были украшены лепными деталями и выкрашены масляной краской. В юго-западном углу придела для входа на хоры



*Илл. 24. Соборный храм в Вознесенском монастыре с северной стороны. Конец XIX в.*

главного Вознесенского храма была поставлена винтовая чугунная лестница.

В Успенском приделе также совершались захоронения, но уже не особ царствующего дома, а их ближайших родственников и некоторых монахинь.

В южной части собственно Вознесенского собора, внутри храма, за правой апсидой дьяконника в 1732 г. былстроен придел в честь чудотворной иконы Богоматери «Всех скорбящих Радость» над гробом царевны Прасковьи Ивановны, сестры императрицы Анны Ивановны (илл. 25).

После многократных пожаров собор и другие сооружения монастыря несколько раз возобновлялись, иногда с какими-то изменениями – в царствование Василия III Ивановича, Ивана Грозного, Федора Ивановича, Михаила Федоровича, Петра I, Анны Ивановны, Елизаветы Петровны. При Петре I капитальная перестройка велась в 1721 г. под наблюдением гвардии капитана Баскакова. По повелению Анны Ивановны после пожара 1737 г. проведены значительные восстановительные работы, законченные уже при Елизавете Петровне.

Собор, как и монастырь в целом, пострадал в 1812 г., вследствие чего в 1816 г. на иконах иконостаса были сделаны заново ризы. Но многие вещи из ризницы и утвари храма были вывезены игуменией Трифеной в Вологду и сохранились. Имеются свидетельства о том, что французы устроили в царской усыпальнице склад разного имущества, а в соборе Чудова монастыря находилась квартира маршала Даву, в связи с чем потребовалось новое освящение храмов в 1814 г. и обновление росписей в 1821 г. при косметическом ремонте из-за отсутствия в то время достаточных средств.

В 1823 г. была построена крытая галерея на сводах, соединявшая настоятельский корпус с хорами собора на уровне второго этажа, что позволяло сестрам монастыря проходить в церковь из келий непосредственно на хоры собора, над его южным входом. Эта переходная галерея изображена на одной из гравюр первой половины XIX в. (51, рис. между с. 16 и 17). При перестройке настоятельско-



*Илл. 25. Соборный храм в московском Вознесенском монастыре в первой половине XIX в. Вид с юга*

го корпуса в правление игумении Паисии, в конце XIX в. эта галерея была разобрана. Из этих сведений следует, что размещение хор в соборе не ограничивалось только западной стеной, но что они продолжались вдоль стен храма, по крайней мере, вдоль всей южной стены вплоть до иконостаса, а скорее всего, были симметрично выполнены и на северной стене.

Соборный храм в 1870-е гг. реставрировал архитектор В.А. Гамбурцев (25, с. 70).

По свидетельству А. Пшеничникова, алтарь в соборном храме в честь Вознесения Господня своим устройством был сходен с древними алтарями православных храмов. Он отделялся от «предложения» и южного предалтария; горнее место в восточной части алтаря было устроено в нише.

В соборе был шестиярусный деревянный резной иконостас, вызолоченный червонным золотом работы XVIII в.,

который занимал все пространство восточной части храма от пола до сводов. Царские врата были обложены серебром и позолочены. По сторонам царских врат и икон, расположенных над ними, проходили сквозные резные колонны; прочие колонны, разделявшие иконы, были «витые вгладь». Карнизы, капители и другие фигурные архитектурные детали были накладными. Царские врата и пять местных икон выполнены греческим письмом, а при игумении Трифене, в 1815–1816 гг., богато украшены золотом, серебром и драгоценными камнями.

Из икон местного ряда выделялась упоминавшаяся Смоленская икона Божией Матери Одигитрии, высотой 2 аршина и шириной 1 аршин 10 вершков, равная мерой Цареградской иконе Одигитрии. Обгоревшая при пожаре 1483 г., она была восстановлена Дионисием. В декоративном обрамлении этой иконы отмечены древний венец с «городами», убрус, гривна или «цата», богато украшенные жемчугом и драгоценными камнями. Интерьеры собора заново расписаны в 1870 г. вместе с реставрацией икон иконописцем Софоновым «в строго Византийском вкусе» на средства упоминавшейся московской купеческой вдовы Евфимии Кудрявцевой. Во время этого обновления были устроены новые серебряные позолоченные оклады иконы Иерусалимской Богородицы и преп. Евфросинии, находившиеся на северной и южной сторонах правого столпа, а также в нижнем ярусе иконостаса у северной двери иконы св. мученицы Евфимии и великомученика Димитрия Солунского. Ко всем местным и столповым иконам поставлены новые медные посеребренные подсвечники и три большие храмовые бронзовые паникадила, а над гробницей преп. Евфросинии устроен богатый бронзовый балдахин. Сама же гробница оправлена в бронзу с литыми рельефными изображениями и рисунками. В церкви был сделан новый пол из подольского мрамора. После наружных штукатурных ремонтных работ и окраски храма 22 октября 1871 г. состоялось малое освящение обновленного собора митрополитом Иннокентием в сослужении

с благочинным, Богоявленским архимандритом Никодимом и монастырским духовенством.

После разрушения монастыря и собора его иконостас был установлен в церкви Двенадцати апостолов в Кремле, а некоторые наиболее ценные иконы, в частности Одигитрия, восстановленная Дионисием, оказались в Третьяковской галерее.

В монастырской ризнице, размещавшейся на втором этаже Успенского придела собора, хранились предметы церковной утвари и облачения, подаренные монастырю царствующими особами и другими замечательными в том или ином отношении личностями, в основном в XVII и в начале XVIII вв. «Из них замечательны: два Евангелия (1681 и 1698 гг.) на александрийской бумаге, украшенные серебром, жемчугом и драгоценными камнями; два напрестольных восьмиконечных креста, золотые, с частицами св. мощей, богато украшенные жемчугом и драгоценными камнями, — оба креста пожертвованы царем Михаилом Федоровичем; потир и дискос, звезда, лжица золотые, пожертвованные царем Алексеем Михайловичем в 1659 г.; Смоленская икона Божией Матери, шитая по шелковой материи золотом и серебром (по краям иконы вышиты золотом два тропаря Богородице); плашаница, шитая серебром и шелками (по краям серебром вышит тропарь “Во гробе плотски”); 13 покровов на надгробия цариц, княгинь, царевен и княжон, погребенных в Вознесенском соборном храме; грамоты на владение имуществами, пожалованными царями в разное время» (17, № 497).

Соборный храм Вознесенского монастыря был предназначен его основательницей, преподобной княгиней Евфросинией, для собственного погребения. Однако после нее в соборе стали хоронить всех царственных особ женского пола Русского государства. Это продолжалось с 1407 по 1731 г., так что Вознесенский собор, подобно Архангельскому, стал усыпальницей Государынь. Всего в соборе, вместе с гробницей преп. Евфросинии, насчитывалось 35 каменных надгробий. Список погребений имеется на приводимом плане собора из книги А. Пшеничникова (илл. 26), но кажется полезным его немного расшифровать, хотя бы по линии ближайшего родственного

окружения с сохранением прижизненной титулатуры и в соответствии с нумерацией плана.

Три гробницы воздвигнуты над наиболее чтимыми захоронениями, совершенными у самого южного входа в собор, справа от него, остальные размещены у стен в западной части собора.

1. Благоверная царица и великая княгиня Евдокия Лукиановна, вторая супруга государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича. Скончалась 18 августа 1645 г.

2. Благоверная Государыня царица и великая княгиня Мария Ильинична, первая супруга государя царя и великого князя Алексея Михайловича. Скончалась 3 марта 1669 г. сорока четырех лет от роду.

3. Благоверная Государыня, царица и великая княгиня Наталья Кирилловна Нарышкина, вторая супруга царя Алексея Михайловича, мать Петра I. Родилась около 1655 г., в 1671 г. сочеталась браком с царем Алексеем Михайловичем и овдовела в 1676 г. Скончалась 25 января 1694 г.

4. Благоверная царица Мария Петровна, в инокинях Елена, супруга царя Василия Ивановича Шуйского, дочь князя Петра Ивановича Буйносова-Ростовского. Скончалась в июле 1626 г.

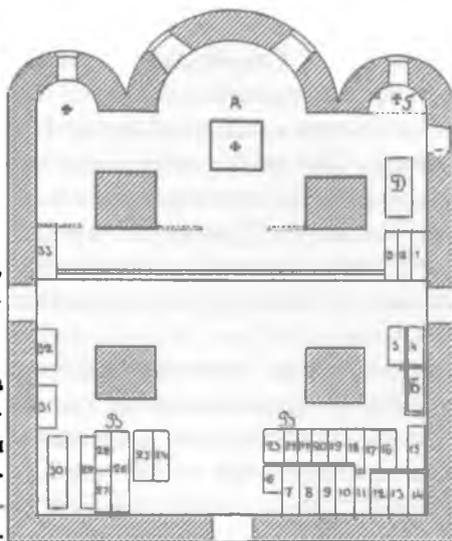
5. Благоверная Государыня, царица и великая княгиня Агафья Симеоновна, первая супруга государя, царя и великого князя Феодора Алексеевича. Скончалась 14 июля 1681 г. во время тяжелых родов, пробывши один год замужем.

4-я и 5-я гробницы размещались слева от южного входа. К западу от трех первых, у самой южной стены располагалось упоминавшееся надгробие княжны Параскевы Иоанновны, сестры императрицы Анны Иоанновны, а весь юго-западный угол собора занимали в два ряда гробницы захоронений разного времени.

6. Государыня, царевна и великая княжна Феодора Алексеевна (младенец), последняя дочь Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны. Скончалась трех лет от роду 28 ноября 1667 г. (возможно, в 1677 г., так как отмечено, что она умерла уже после смерти отца, произошедшей в 1676 г.).

# П Л А Н Ъ СОВОРНАГО ХРАМА ВОЗНЕСЕНІЯ ГОСПОДНЯ

въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.



А. Алтарь  
Вознесенска-  
го храма.

В. Рака  
честныхъ мо-  
щей Великия  
Княгини Ев-  
докіи, во ино-  
киняхъ, Пре-  
подобной Ев-  
фросиніи.

Г. При-  
дѣльный  
храмъ «Всѣхъ  
Скорбѣщихъ  
Радости».

Д. Над-  
гробница  
надъ мѣстомъ  
погребенія Г.  
Ц. и В. кня-  
зы Параска-  
вы Іоанновны

В. Надгробницы надъ мѣстомъ погребенія Государынь, Цариць, Царевнѣ  
и прочіихъ женскаго пола Особъ Царскаго Дома.

- |   |  |
|---|--|
| 1. Г. Ц. и В. Кнг. Евдокія Лукіановны.            | 17. Г. Ц. и В. Кнг. Марія Іоанновны.     |
| 2. Г. Ц. и В. Кнг. Марія Ильичичы.                | 18. Г. Ц. и В. Кнг. Феодосія Феодоровны. |
| 3. Г. Ц. и В. Кнг. Наталія Карповны.              | 19. Г. Ц. и В. Кнг. Анны Васильевны.     |
| 4. Г. Ц. и В. Кнг. Екатор. - Марія Пет-<br>ровны. | 20. Г. Ц. и В. Кнг. Пелагіи Михайловны.  |
| 5. Г. Ц. и В. Кнг. Агасія Строезовны.             | 21. Г. Ц. и В. Кнг. Марыи Михайловны.    |
| 6. Г. Ц. и В. Кнг. Феодора Алексіевны.            | 22. Г. Ц. и В. Кнг. Софіи Михайловны.    |
| 7. Г. Ц. и В. Кнг. Марія Феодоровны.              | 23. Г. Ц. и В. Кнг. Евдокія Михайловны.  |
| 8. Г. Ц. и В. Кнг. Марыи Васильевны.              | 24. Г. Ц. и В. Кнг. Марія Іоанновны.     |
| 9. Г. Ц. и В. Кнг. Марія Темрюковны.              | 25. Г. Ц. и В. Кнг. Феодосія Іоанновны.  |
| 10. Г. Ц. и В. Кнг. Анастасія Романовны.          | 26. Г. Ц. и В. Кнг. Марія Владиміровны.  |
| 11. Г. Ц. и В. Кнг. Елены Васильевны.             | 27. Г. Ц. и В. Кнг. Анны Алексѣевны.     |
| 12. В. Кнг. Софіи Фоминичны.                      | 28. Г. Ц. и В. Кнг. Евдокія Алексѣевны.  |
| 13. В. Кнг. Марія Борисовны.                      | 29. Великія старицы Іуліанія.            |
| 14. В. Кнг. Марія Ярославны.                      | 30. Г. Ц. Параскавы Михайловны.          |
| 15. В. Кнг. Софіи Вятковны.                       | 31. Г. Ц. и В. Кнг. Наталія Алексѣевны.  |
| 16. Г. Ц. и В. Кнг. Ирины Феодоровны.             | 32. Г. Ц. и В. Кнг. Таціаны Михайловны.  |
|   | 33. Г. Ц. и В. Кнг. Анны Михайловны.     |

Илл. 26. План соборнаго храма Вознесения Господня в московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Конецъ XIX в.

7. Царица и великая княгиня Мария Феодоровна (Нагих), в инокинях Марфа, последняя супруга царя и великого князя Иоанна Васильевича IV Грозного, мать св. царевича Дмитрия. Скончалась в 1608 г.

8. Царица и великая княгиня Марфа Васильевна, третья супруга Ивана Грозного. Скончалась 13 ноября 1571 г., через две недели после бракосочетания.

9. Царица и великая княгиня Мария Темрюковна, вторая супруга Ивана Грозного, дочь Темрюка Айдаровича, одного из знатнейших Черкесских князей, покоренных войсками Ивана Грозного. Приняв св. крещение 21 августа 1561 г., стала русской царицей и преставилась через 8 лет после замужества от тяжелой продолжительной болезни 1 сентября 1569 г.

10. Царица и великая княгиня Анастасия (Романова), первая супруга Ивана Грозного, дочь окольного Romana Юрьевича. Основала в Костроме Анастасиин Ризположенский монастырь, соединенный в 1773 г. с Крестовоздвиженским женским монастырем. Скончалась от тяжелой болезни 7 августа 1560 г. после 13 лет замужества, оплакиваемая не только Двором, но и всей Москвой.

11. Великая княгиня Елена Васильевна (Глинская), вторая супруга великого князя Василия III Ивановича, мать Ивана Грозного, бывшая в течение 5 лет (1533–1538) правительницей Российского государства в связи с малолетством официального наследника – Ивана IV Васильевича. Пятилетнее ее правление сопровождалось непрерывными смутами, связанными с борьбой за власть. Скончалась скоропостижно 3 апреля 1538 г., и в тот же день тело ее было перенесено в Вознесенский монастырь и предано земле.

12. Великая княгиня София Фоминишна (из рода Палеологов), супруга великого князя Иоанна Васильевича III, дочь деспота Морейского, племянница последнего византийского императора Константина Палеолога. Скончалась 17 апреля 1503 г.

13. Великая княгиня Мария Борисовна, первая супруга князя московского Иоанна Васильевича III, дочь велико-

го князя тверского Бориса Александровича. Скоропостижно скончалась после пятилетнего супружества 22 апреля 1467 г.

14. Великая княгиня Мария Ярославна, в инокинях Марфа, супруга великого князя московского Василия Васильевича Темного, дочь князя Ярослава Владимировича, внука князя Владимира Андреевича Храброго, мать Иоанна Васильевича III. Оставшись вдовой в 1462 г., после 29 лет супружества, она посвятила свою жизнь благочестию. В частности, она завершила в 1468 г. строительство и оборудование храма Вознесения Господня, заложенного его основательницей преп. Евфросинией еще в 1497 г. На 17 году своего вдовства княгиня Мария Ярославна приняла иноческий сан от игумена Кириллова монастыря с именем Марфы. Скончалась 4 июля 1484 г.

15. Великая княгиня София Витовтовна, супруга великого князя Василия I Дмитриевича, дочь великого князя литовского Витовта Кейстутовича, мать великого князя Василия Васильевича Темного, продолжившая строительство Вознесенского собора, начатое ее свекровью преп. Евфросинией и доведшая церковь «по кольцо верха». Скончалась 15 июня 1453 г., приняв иноческий чин.

16. Царица и великая княгиня Ирина Феодоровна (Годунова), супруга царя Феодора Иоанновича, сестра царя Бориса Годунова, ставшая после смерти мужа, в 1598 г., первой самодержавной русской царицей, которой присягнула Москва. Она не пожелала власти и постриглась в том же году в Новодевичий монастырь с именем Александры. Дата смерти неизвестна.

17. Царевна Мария Иоанновна, дочь Ивана Грозного и его первой супруги, Анастасии Романовны. Дата смерти неизвестна.

18. Царевна Феодосия Феодоровна (младенец), единственная дочь царя и великого князя Феодора Иоанновича и царицы Ирины Феодоровны Годуновой. Скончалась одного года от роду.

19. Царевна и великая княжна Анна Васильевна, дочь царя и великого князя Василия Шуйского.

20–23. Надгробия над могилами четырех великих княжон, дочерей царя Михаила Феодоровича и царицы Евдокии

Лукиановны: Пелагии, Марии, Софии и Евдокии, скончавшихся в младенчестве в 1628–1637 годы.

В северо-западном углу собора, у западной и северной стен, размещались девять гробниц.

24–25. Надгробия над погребениями великих княжон, дочерей царя Иоанна Алексеевича и царицы Параскевы Федоровны – Марии и Феодосии, скончавшихся в младенчестве в 1692 и 1691 гг.

26. Благоверная Государыня царица и великая княгиня Мария Владимировна (Долгорукова), первая супруга царя Михаила Феодоровича, дочь боярина князя Владимира Тимофеевича Долгорукова, скончавшаяся вскоре после бракосочетания.

27–28. Надгробия над погребениями великих княжон Анны Алексеевны и Евдокии Алексеевны, дочерей царя Алексея Михайловича и первой его супруги царицы Марии Ильиничны. Первая из них прожила 4 года (1655–1659), а вторая скончалась на 20-м году жизни, 18 февраля 1669 г.

29. Великая старица Иулиания Феодоровна, супруга окольничего великого князя Иоанна III Романа Юрьевича Захарьина и мать царицы Анастасии Романовны. Сын Иулиании Феодоровны великий боярин Никита Романович Юрьев оставил пять сыновей, старший из которых, Феодор Никитич Романов и внук Иулиании, стал родоначальником Всероссийского Императорского Дома Романовых. По преданию, преп. Геннадий Костромской, часто бывавший в московском и костромском домах Захарьиных, получал от них помощь в устройении иноческой обители близ реки Костромы, на Сурском озере. То же предание сообщает, что преп. Геннадий, будучи в московском доме Захарьиных, предсказал их дочери Анастасии Романовне, что она будет царицей, что, как известно, и исполнилось, когда она стала супругой Ивана Грозного. Время кончины великой старицы Иулиании неизвестно, кроме того что она умерла еще при жизни своей дочери, царицы Анастасии.

30. Надгробие над погребением второй супруги царевича Иоанна Иоанновича, сына Ивана Грозного, Параскевы Ми-

хайловны (Соловых). Тело ее по воле царя Михаила Феодоровича было перенесено из Суздальского девичьего монастыря, где она скончалась, в Вознесенский собор в 1629 г.

31. Благоверная Государыня, царевна и великая княжна Наталья Алексеевна, дочь царевича и великого князя Алексея Петровича и его супруги Софии, принцессы Вольфенбюттельской, старшей родной сестры императора Петра I Алексеевича. Она скончалась 22 ноября 1728 г., 14 лет.

32. Благоверная Государыня, царевна и великая княжна Татьяна Михайловна, дочь царя и великого князя Михаила Феодоровича и его супруги, государыни и великой княгини Евдокии Лукиановны; родилась в декабре 1635 г. и крещена в Чудовом монастыре. Царевна Татьяна Михайловна не пожелала искать себе счастья в супружестве. Свою долгую жизнь она посвятила помощи бедным, нуждающимся храмам. Она мирно скончалась, прожив 71 год и 8 месяцев.

33. Между северными вратами храма и иконостасом, перед местной иконой св. вмч. Димитрия и мчч. Евфимии, погребена Благоверная Государыня, царевна и великая княжна Анна Михайловна, третья дочь царя Михаила Феодоровича и Евдокии Лукиановны, родившаяся 17 июля 1630 г. Она была крещена в Чудовом монастыре святейшим патриархом Филаретом и прожила богоугодно 61 год. Поселилась в Вознесенском монастыре и приняла схиму с именем преп. Анфусы. Она мирно отошла ко Господу 27 октября 1693 г.

Кроме этих царственных лиц в царской усыпальнице Вознесенского собора погребены еще и некоторые другие царственные особы женского рода, место погребения которых точно неизвестно.

Это следующие царственные особы.

1. Княгиня Анастасия Георгиевна, дочь князя Юрия (Георгия) Святославича Смоленского, супруга великого князя Юрия Дмитриевича Донского, невестка княгини Евдокии, в инокинях преп. Евфросинии. Она скончалась в 1422 г. после 22 лет брачной жизни.

2. Княгиня Ефросиния Полиевктовна, супруга князя Петра Дмитриевича, другая невестка преп. Евфросинии, единственная дочь одного из сыновей последнего московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. По смерти супруга долго жила «на Москве у Вознесения в черницах и в схиме» и скончалась в 1466 г.

3. Великая княгиня Елена Стефановна. В середине XV в. воевода возникшего тогда Молдавского княжества Стефан IV Великий одержал ряд побед над турками Магомета II. Для закрепления военного успеха молдавский господарь Стефан решил породниться с русским Государем Иоанном III и предложил выдать свою дочь княжну Елену Стефановну за старшего сына великого князя Иоанна Младого, избрав при этом в качестве посредницы мать великого князя, Марию Ярославну. Князь Иоанн Младой вскоре скончался в возрасте 32 лет. Его вдова прожила недолго, скончалась в 1505 г. и была погребена в усыпальнице царственных особ женского пола в соборном храме девичьего Вознесенского монастыря.

4. Царевна и великая княжна Евдокия Иоанновна (младенец), дочь Ивана Грозного и Анастасии Романовны. Родилась 26 февраля 1556 г. и крещена в храме Архистратига Михаила в Чудовом монастыре митрополитом Макарием. Скончалась в июне 1558 г.

5. Великая княгиня Евдокия Богдановна (Сабурова), первая супруга царевича Иоанна Иоанновича, сына Ивана Грозного. Насильно пострижена мужем в монашество с именем Александры и заключена в Суздальский Покровский девичий монастырь, где и скончалась в 1620 г. Ее гроб был положен в Вознесенском монастыре в царствование Михаила Феодоровича.

Первоначально территория монастыря ограничивалась с запада широким проходом вдоль кремлевской стены, соединявшим Фроловские (Спасские) ворота с Никольскими, Спасской и Чудовской улицами с юга и севера и отделялась от расположенного непосредственно к востоку Чудова монастыря узкой полосой территории подворья Новодевичьего монастыря, как это показано на известном плане «Кремленаград»

(45, с. 273). Монастырь с трех сторон — северной, восточной и южной — окружали одноэтажные келейные и хозяйственные корпуса на подклетах, а собор располагался в центре монастырского двора, продолжая раннемосковскую традицию центрического композиционного решения застройки монастырской территории, осуществленную в Спасоборском и Чудовом монастырях. Параллельно северному ряду келий внутри монастыря располагался на небольшом расстоянии от него еще один длинный одноэтажный келейный корпус.

Несколько сложнее была южная граница монастыря. На Спасской улице, на южной границе монастыря, показана небольшая одноглавая церковь, стоящая вне монастыря. По всей вероятности, это церковь св. Георгия, построенная в 1527 г. (45, с. 273, рис. 12, примеч.). Между ним и южным келейным корпусом монастыря ограда не показана. От этой церкви к западу, вдоль Спасской улицы, идет высокая каменная ограда с двумя встроенными в нее одноглавыми церквями. Между ними за оградой изображен приземистый одноглавый храм. Как убедительно показал В.П. Выголов, это церковь Воздвижения Честного Креста Господня, сооруженная в 1450 г. по заказу гостя и боярина Владимира Григорьевича Ховрина, не имевшая отношения к Вознесенскому монастырю (13, с. 9 и сл.). Ближняя к востоку и к церкви св. Георгия церковь в ограде — это, возможно, храм во имя Александрийских патриархов Афанасия и Кирилла, на месте которого позднее была построена Екатерининская церковь Вознесенского монастыря.

Упомянутое в Пискаревском летописце прибавление территории монастыря при Федоре Ивановиче было осуществлено за счет прирезки узкой полосы подворья Новодевичьего монастыря и, возможно, за счет ликвидации прохода между кремлевской стеной и монастырем, как это отражено на более поздних планах Кремля. Территория подворья и его здания были использованы для устройства монастырской трапезной.

Во многих летописных сводах и списках: Уваровском, Никоновском, Ермолинском и других — отмечено под 1389 г., что «июля 21 дня загорелся от церкви св. Афанасия и мало не весь Кремль погоре». Н.М. Карамзин в V томе «Российской исто-

рии» полагает, что речь в летописях идет о храме свв. Афанасия и Кирилла Александрийских в Вознесенском монастыре. Есть предположения, что Карамзин ошибался, так как рядом, через Спасскую улицу, находился древний Афанасьевский монастырь, известный уже в 1385 г., с храмом во имя св. Афанасия, в то время как первые сведения о Вознесенском монастыре относятся только к 1393 г. Но имеются дополнительные свидетельства в пользу существования такой церкви и в Вознесенском монастыре, именовавшейся в архивных делах придельной у храма Вознесения Господня и имевшей самостоятельный причт, состоявший из священника и пономаря, которым выдавалась руга из дворцовой казны материалами или деньгами (51, с. 106). Сгоревший в 1389 г. храм был восстановлен только в 1514 г. на средства ктитора Юрия Григорьевича Бобынина во имя тех же святых и на прежнем месте — там, где в XIX—XX вв. находился дом для сторожей, между святыми воротами монастыря и настоятельским корпусом, что вполне соответствует месту безымянного храма на плане «Кремленаград». Нельзя исключить, что и здесь речь идет о храме Афанасьевского монастыря. Как бы там ни было, этот храм Вознесенского монастыря на плане «Кремленаград» показан в виде небольшого одноглавого каменного сооружения с тремя апсидами.

Известно, что в начале XVIII столетия этот храм был покрыт тесом, а паперть гонтом и в том же столетии сломан, — более точная дата неизвестна. В монастыре хранились некоторые священные предметы из этого храма: серебряный потир, дискос, звезда, лжица и две тарелочки, пожалованные царевной Марией Алексеевной в 1717 г. Другие сосуды, принадлежавшие этому храму, переданы в Иосифовский женский монастырь Екатеринославской епархии игуменьей Сергией по повелению митрополита Макария. Игуменья Сергия была настоятельницей Вознесенского монастыря в 1871—1884 гг., а Макарий был московским митрополитом в 1879—1882 гг. К сожалению, эти сведения не могут свидетельствовать о дате разрушения храма, так как передававшиеся предметы могли быть просто взяты из монастырской ризницы, где могли храниться позднее. И.Е. Забелин утверждает, что этот храм существовал

в 1792 г. и упразднен только в начале XIX в. (4, с. 252–253), видимо, в связи с предполагавшимся строительством нового храма св. Екатерины.

Через 15 лет после возобновления в монастыре церкви свв. Афанасия и Кирилла Александрийских, в 1527 г., на южной границе его территории была построена церковь вмч. Георгия. История ее строительства связана с опытом сохранения исторической памяти при конкретных действиях правительства, в частности с изменением Московского герба. Как известно, на древнем гербе Москвы изображался св. Георгий Победоносец в виде всадника на коне, поражающего копьем дракона. Царь Иван III Васильевич, при котором окончательно было свергнуто владычество Золотой Орды (1480) и ликвидированы последние вольницы мятежного Новгорода, будучи женатым на византийской принцессе Софии Палеолог, принимает на себя функции наследника Византии, разгромленной в 1453 г. турками-османами. Он вводит впервые в России обряд венчания на царство, принимает в сношениях с иностранцами титул царя и соединяет древний московский герб с изображением Георгия Победоносца, поражающего дракона, с византийским гербом — двуглавым орлом, становящимся гербом Российского государства.

В связи с этим по царскому приказу на Фроловской стрельнице, как называлась тогда Спасская башня Кремля, был воздвигнут двуглавый орел, а старый московский герб в виде крупного скульптурного изображения всадника на коне, изваянного из белого камня, был поставлен внутри Кремля на возвышенном месте неподалеку от Спасских ворот (51, с. 108). Уже в царствование его сына Василия III, в 1527 г., на этом месте был сооружен храм во имя св. Георгия Победоносца. Храм был небольшой, одноглавый, трехапсидный. Его западная и северная стены примыкали к стенам Вознесенского монастыря, а восточная и южная выходили на площадь у Спасских ворот. В начале XVIII в. он был покрыт тесом и отремонтирован с пристройкой с правой стороны придела св. вмч. Дмитрия Солунского, от которого сохранился только храмовый образ, находившийся

впоследствии в трапезе церкви св. Михаила Малеина. Храм св. Георгия Победоносца был ружный и получал из приказа Большого Дворца припасы и необходимую утварь. Его причт состоял из двух священников, дьякона, дьячка, пономаря и просвирни. В пожаре 1737 г. по описи Мичурина сгорел его иконостас со всеми иконами, кроме храмового образа вмч. Георгия, который был восстановлен, а остальные образа написаны заново. В монастырской ризнице хранился напрестольный восьмиконечный серебряный крест с мощами святых, с чеканной надписью на нижней доске: «лета (1527) года совершен сей крест в церковь Вознесения девица монастыря Георгия страстотерпца, что у Спасских ворот в кремле граде строение церковное и мирское. Весу в кресте 2 ф. без 3 золотников» (51, с. 109). Храм был снесен в начале XIX в. при строительстве новой Екатерининской церкви, алтарь которой был сооружен на его месте.

Южная часть этого храма была ограждена при игумении Сергии чугунной на каменном фундаменте решеткой, идущей от Спасских ворот до Екатерининской церкви, в середине которой находились сквозные чугунные ворота для проезда на черный двор монастыря.

В Смутное время, после убийства Федора Борисовича Годунова и его матери, летом 1606 г., в Москву торжественно въехал Лжедмитрий, который низложил патриарха Иова и возвел на его место рязанского архиепископа грека Игнатия, венчавшего Самозванца на царство. По языческому варварскому обычаю Лжедмитрий сделал своей наложницей несчастную царевну Ксению Годунову и насильственно постриг ее в Вознесенском монастыре. По его приказу сюда же перевезли из Углича мать царевича Дмитрия, царицу Марию Федоровну Нагую, в пострижении инокиню Марфу, «признавшую» под угрозами в Самозванце своего сына. Лжедмитрий выстроил ей в монастыре богатые хоромы и, назначив царское содержание, ежедневно приходил к ней на поклон. Он ждал приезда своей невесты Марины Мнишек, блистательное шествие которой с огромной свитой, пройдя через Спасские ворота, остановилось у ворот Вознесенского мо-

настыря. Предполагалось, что до официального бракосочетания Марина будет жить в уединенных кельях монастыря «при матери» будущего царя, изучая русские законы и готовиться к крещению. На деле там, в течение пяти дней, что жила в монастыре Марина, происходили ежедневные празднества в присутствии Лжедмитрия, после чего Марина перешла в царский дворец и торжественно обвенчалась с женихом. Инокиня Марфа после смерти Лжедмитрия 21 мая 1607 г. отреклась от своего ложного сына и жила в монастыре до своей кончины в 1608 г. Она была погребена как бывшая царица в соборном храме. Первый царь рода Романовых Михаил Федорович возложил на ее гробницу в 1628 г. богатый покров (23, с. 256–257).

Местонахождение палат Марии Нагой и Марины Мнишек в монастыре точно неизвестно, тем более что они были скорodelьными, временными и деревянными, подверженными недоброй памяти и знаменитым московским пожарам. Вряд ли они могли располагаться в западном корпусе, при кельях монастырской игуменьи, напротив главного входа в собор. В северной ограде монастыря оформленных проездов не было, но претензии Вознесенского монастыря на часть усадьбы Голицыных, располагавшейся именно к северу от них, предполагают наличие связи между этими владениями. Кельи Марии Нагой могли занимать и один из восточных корпусов монастыря, наиболее отдаленных от монастырского центра.

В 1613 г. в монастыре поселилась «Великая старица», мать первого царя из рода Романовых Михаила Федоровича, инокиня Марфа Ивановна. Царский дворец, как и многие здания Кремля, были разорены, стояли без кровель, полов, окон и дверей, разобранных поляками на отопление. Первоначально для инокини Марфы приспособили бывшие палаты царицы Марии Нагой в Вознесенском монастыре, но, узнав, что там жила и Мнишек, она отказалась и для нее были выстроены небольшие отдельные палаты позади царицыных хором, называвшиеся «избушкой», где она и жила до своей кончины в 1631 г. и была погребена в родовом склепе Романовых в Новоспасском монастыре.

С 1617 г. в монастыре упоминается деревянная церковь во имя преп. Михаила Малеина, подвизавшегося на афонской горе Малеон, а с 1626 г. церковь мч. Феодора «иже в Пергии Памфилийской», которые считались покровителями царствующего сына Великой старицы – Михаила Федоровича и ее мужа Федора Никитича Романова, затем патриарха Филарета. Первоначально это были приделы в Вознесенском храме. Позднее, по-видимому, был сооружен отдельный деревянный храм во имя этих святых, так как через три года после кончины инокини Марфы и через год после кончины патриарха (1634) царь Михаил Федорович в течение одного лета, от 1 мая до сентября, построил на месте деревянного каменный храм во имя Михаила Малеина с приделом Феодора Пергийского. Строителями храма были подмастерья каменных дел Бажен Огурцов и Семейка Белой (23, с. 262).

Храм был поставлен в юго-восточном углу монастыря у самых Спасских ворот, так что алтарные апсиды подходили вплотную к кремлевской стене (илл. 27). Это была двухэтажная теплая двухпридельная церковь с трапезной и колокольней. Церковь имела в плане 10 саженей в длину, 7 в ширину и в высоту 10 саженей (соответственно 21,4 × 10,7 × 21,4 м). Высота колокольни достигала 35 м. Алтарная часть, состоявшая из двух полукруглых апсид, и прямоугольная трапезная имели одинаковую высоту, а находившийся между ними храм был почти на пять метров выше. В нижнем этаже, под алтарем, располагались две кельи, а под храмом были проездные ворота в хозяйственную зону монастыря. Под церковью были обширные подвалы, занятые погребями. Над церковью и приделом в повышенной части здания, на сводах, были устроены два глухих барабана, обработанные аркатурно-колончатый пояс с главками, крытыми железом с морданным золочением и четырехконечными крестами с завитками, сияниями и полулуниями, укрепленные цепями (илл. 28).

Церковь целиком выстроена из большемерного обожженного кирпича на известковом растворе с применением железных связей.



**Илл. 27.** Колокольня и храм Преподобного Михаила Малеина  
в московском Вознесенском девичьем монастыре.  
С западной стороны. Конец XIX в.



**Илл. 28.** *Храм Преподобного Михаила Малеина и колокольня в московском Вознесенском девичьем монастыре. С южной стороны. Конец XIX в.*

Фасад главной церкви преп. Михаила Малеина был обращен на юг, к Спасской улице, и поэтому его отделка более декоративна, чем у придельного фасада, выходящего во двор и в значительной степени загороженного примыкающим келейным корпусом и хозяйственными постройками. Снаружи стены были гладко оштукатурены. Декоративные детали скромных форм применены только в функциональных местах. Первый этаж отделен от второго поясом из одного ряда кирпича на ребро, обрамленного тонкими штукатурными тягами простых профилей. Аналогично решены карнизы. Центральная часть церкви выделена двойными полуколонками с простыми византийскими базами и капителями типа лопаток. Эти полуколонки в центре продолжены вверх, и на них опирается фризовый пояс центрального объема, поддерживающий пять трех небольших арок с простым трехчастным профилем под кровлей. В местах опирания арок фриз раскрепован с завершением внизу небольшими висячими замками. На первом этаже прямого продолжения полуколонки не получилось, так как они оказались привязаны к проезду и обрамляют его, опираясь на простой цоколь, проходящий по всей длине здания. Железная кровля над самим храмом шатровая, с резными железными подзорами, над алтарем и трапезной — двускатная.

В алтаре церкви и трапезной по два довольно широких окна с прямыми перемычками и отливами внутрь помещений. Они обрамлены наличниками с сандриками, сведенными дугообразными тягами вверх, опирающимися на пятиступенчатые мелкопрофильные карнизники, поддерживаемые по бокам кувшинообразными полуколонками, стоящими на подоконных плитах с висячими замочками в местах опирания стоек. Окна первого этажа также имели наличники, но гораздо более простой формы.

Над трапезной придела, то есть с северной, дворовой стороны здания, стояла колокольня, построенная в 1694 г. Вход на нее устроен в стене трапезной. Нижний ярус колокольни, возвышавшийся над кровлей до уровня карниза церкви, квадратный в плане, был глухим, с декоративными плоскими

нишами с южной стороны и плоскими пилястрами с западной. Углы этого яруса обрамлены тремя полуколонками той же формы, что и у храма. Второй ярус, с колоколами, восьмигранный, с крупными открытыми проемами, завершающимися арками с многоступенчатым, но простым по профилям и изящным обрамлением. На углах восьмигранника поставлено по одной полуколонке той же формы, что в нижнем ярусе и в храме, доходящей до пят арок и продолженной до карниза плоскими пилястрами с капителями. Над карнизом по периметру восьмигранника проходил невысокий глухой пояс, отделанный приставными полубалясинами. Третий ярус колокольни также восьмигранный, но меньшего размера и высоты с окошками с арочными завершениями и полуколонками, на которые опирался невысокий фриз с карнизом, на раскреповки которого по углам поставлены декоративные маленькие фронтоны треугольной, чуть стрельчатой формы. Завершает верх колокольни невысокий глухой восьмигранный барабан с отделкой в виде плоских ниш, на котором поставлена главка той же формы и размера, но с небольшими ребрами по углам восьмигранника. Крест имеет ту же форму и размеры, что и кресты на главках церкви и придела.

В целом храм выполнен очень просто и в то же время изящно, в едином стиле своего времени, с относительно свободным обращением с нарушениями архитектоники в случае необходимости, что заметно в несовпадении расстановки полуколонок в обрамлении церкви на втором этаже и проезда на первом. Некоторые детали, особенно в обработке колокольни, такие, как балясины и оформление арок, кажутся более поздними, что могло быть следствием серьезного ремонта храма после Троицкого пожара 1737 г., когда были поправлены своды в алтаре и трапезной, либо в процессе пристройки с севера монашеских келий, с запада каменной богадельни и нового входа с северо-запада.

Алтари в церкви и приделе отделены от храма каменной стеной с тремя проходами в храме и двумя в приделе. Церковь решена в виде квадратной палаты и соединена с общей тра-

пезной четырьмя проходами. Алтарь главного храма отделен от придельного каменной стеной с открытым проходом между ними. В 1891 г. был произведен ремонт интерьеров церкви: выравнивание полов и замена их покрытия с лещадного на деревянное, замена потерявших устойчивость престолов на дубовые с кипарисными верхними досками на мраморных цельных плитах, переделка жертвенников, в связи с чем было произведено переосвящение храмов: главного – митрополитом Иоанникием, а придельного – благочинным Китайского «сорока», протоиереем Покровского собора Константином Богоявленским. Тогда же были капитально отремонтированы трехъярусные иконостасы храма и придела простой столлярной работы XVIII в., разные по исполнению, крашенные по левкасу масляной краской с включением резных позолоченных элементов и с заменой каркасной основы на резную, вызолоченную на полимент, при сохранении общей композиции иконостасов в целом. Были выровнены с плоскостью иконостаса Царские врата, ранее находившиеся в углублении, гладкие, непрорезные, с заменой прорезными насквозь, вызолоченными на полимент и украшенными местами золоченой резьбой.

Прежние иконы работы не ранее XVII в. были заменены новыми, фряжского письма, писанными на старых липовых досках с возможным сохранением сюжетов старых икон, мастером Егоровым.

Так, в главном храме прежние иконы местного ряда – Спасителя, исцеляющего расслабленного при Овчей купели, и Богородицы «Всех скорбящих Радость» в 1891 г. были заменены новыми, фряжского письма, иконами Спасителя с предстоящими препп. Варлаамом и Сергием и Печерской Богоматери с предстоящими в молении московскими святителями Петром и Алексием. С правой стороны от царских врат помешалась местная икона препп. Михаила Малеина; южная дверь примыкала к капитальной стене. С левой стороны от местной иконы Богоматери находилась икона Покрова Божией Матери с изображением под ней ликов святых, тезоименитых членам семьи Александра III, в память спасения во время крушения поезда

17 октября 1888 г. Северная дверь примыкала к северной стене храма. Тем же мастером Егоровым были переписаны вновь иконы придельной церкви с сохранением прежних сюжетов.

В храме преп. Михаила Малеина почитались следующие иконы: 1. храмовая икона преп. Михаила Малеина, писанная по приказанию императрицы Анны Ивановны; 2. икона Богоматери Троеручицы прекрасного письма, украшенная ризой, шитой жемчугом; 3. древнее изображение великомученика Георгия на коне, поражающего дракона, изваянное во весь рост из белого камня высотой в три аршина (6,42 м), когда-то стоявшее в церкви вмч. Георгия. Статуя находилась при входе в Федоровский придел в специальной нише; 4. большая икона Господа Вседержителя, почитаемая чудотворной, в массивной серебряной позолоченной ризе, украшенная на средства благодарных прихожан, получивших утешение и помощь в своих скорбях и печалях. Она стояла в трапезной, в киоте, между входами в основной храм и придельную церковь Михаила Малеина. В 1737 г. произведены изменения верхов церкви и колокольни (44, т. 1, с. 126).

В XVIII и в начале XIX в. в Вознесенском монастыре была самостоятельная церковь в честь явления Казанской иконы Богоматери, построенная на средства княжны Иоанны Барятинской, в схимонахинях Анны, при игумении Евдокии Челищевой по благословию рязанского митрополита Стефана, данному из бывшего Патриаршего приказа в 1711 г. (илл. 10, *цв. вкладка*)

Это была небольшая одноэтажная каменная трехапсидная церковь, стоявшая между тремя храмами обители – соборным, Екатерининским и Михаило-Малеинским. Главной святыней церкви была родовая икона княжны Барятинской – образ Казанской Богоматери, в золотой ризе, украшенной жемчугом и драгоценными камнями. При храме состоял отдельный от монастырского духовенства причт из двух священников, дьякона и двух причетников. У храма оказалась сложная судьба. Святейший Синод заподозрил монахиню Анну в распространении ложных рассказов о чудесных явлениях, происходивших от Казанской иконы, и приказал перенести эту икону в алтарь

Успенского собора, а храм разобрать до основания. Однако схимонахиня Анна Барятинская сумела доказать свою невиновность, и в 1729 г. по ее прошению храм был восстановлен на прежнем месте и в него была возвращена Казанская икона.

История возникновения особого почитания в Кремле, и в частности в Вознесенском монастыре, св. великомученицы Екатерины в точности была неизвестна уже И.Е. Забелину (23, с. 252), но в XVII в. Екатеринин день, 25 ноября, являлся вторым большим монастырским праздником после Вознесения. М.И. Александровский полагал, что первая церковь на этом месте была построена Дмитрием Донским в память его бракосочетания с дочерью князя Дмитрия Суздальского Евдокией, состоявшегося 18 января 1366 г., в день празднования памяти свв. патриархов Александрийских Афанасия и Кирилла, и посвящена их имени. Каменный храм на этом месте появился в 1514–1517 гг. и разобран при строительстве последнего. Трапезная появилась в монастыре с 1586 г.; вероятно, тогда же при ней была освящена и церковь Екатерины (44, с. 127, примеч. 11).

В 1686 г. старая церковь вмчц. Екатерины в Вознесенском монастыре была разобрана и выстроена вновь на том же месте на воротах в трапезе и освящена патриархом Иоакимом 24 ноября в присутствии царя Ивана Алексеевича и царевны Софьи Алексеевны.

Новая церковь вмц. Екатерины была построена на южной границе территории Вознесенского монастыря в 1808–1817 гг. (илл. 11, *цв. вкладка*). По сведениям М.И. Александровского (44, с. 127), митрополит Платон утвердил сначала проект архитектора А.Н. Бакарева, но затем вмешался император Александр I и приказал архитектору К.И. Росси выстроить храм в чисто готическом стиле. Это было странно и непонятно, так как готика никак не сочеталась с противоречивой и сложной, но тем не менее достаточно единой архитектурой Кремля, хотя некоторые примеры готических построек или, скорее, использования отдельных элементов готического стиля уже были применены в его застройке: новое крыльцо Чудова монастыря работы М.Ф. Казакова, декор Потешного дворца для

коменданта Кремля архитектора И.В. Еготова, готическая надстройка Никольской башни 1806 г.

Тем не менее храм начали строить в 1808 г. по проекту петербургского архитектора Росси, вчерне он был закончен в 1809 г. и в таком виде, возможно из-за русско-французской войны 1812 г., простоял до завершения строительства А.Н. Бакаревым в 1817г. с приделами Рождества Иоанна Предтечи в северной части и Казанской иконы на хорах в западной части. При этом были снесены обветшавшие старая надвратная церковь в мц. Екатерины и церковь Казанской иконы Богоматери. Храм был довольно большим, длиной 43 м и пролетом 15 м, перекрытым сводами, опирающимися на стены и частично на приставные колонны. Своды были стянуты металлическими растяжками. Главный фасад его выходил на Спасскую улицу и, если идти через Спасские ворота, «начинал» архитектуру Кремля, так как храм Михаила Малеина, стоявший еще ближе ко входу, был заглублен по отношению к нему на размер ширины и отгорожен решеткой от улицы (илл. 12, *цв. вкладка*). Храм был вполне готическим по внешнему облику, симметричным, с одним большим куполом на восьмигранном барабане в центре объема, четырьмя декоративными гранеными коническими башенками по главному фасаду, узкими высокими окнами со стрельчатыми арками.

В интерьере это был зальный храм с открытым алтарем, обрамленным шестью каменными колоннами, окружавшими алтарь, и с деревянным резным иконостасом. Периметр внутренних стен обрамляли каменные приставные колонны с треугольными завершениями пролетов. Все-таки католическая готика, видимо, оказалась непонятой русскими мастерами, и при ремонтах храма многое было изменено, так как при игумении Сергии Урусовой (1871–1884) интерьер храма был переделан с заменой деревянного иконостаса на мраморный; каменные колонны, окружавшие иконостас, были убраны, а иконы работы художника Тончи заменены иконами кисти художника Лебедева. Штукатурная лепнина, люстры и лампы были обновлены в готическом стиле. Хоры и придельный храм на них были разобраны, а Казанский и Предтеченский приделы

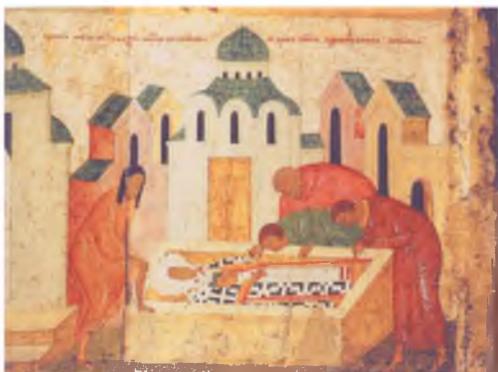




Илл. 2. Вид на собор  
Спаса на Бору и Терем-  
ной дворец. Неизв. худ.  
Конец XVIII в.



Илл. 3. Фрагмент  
плана «Кремленаград»  
с Чудовым монастырем



Илл. 4–6. Изображение собора Чудова монастыря в клеймах иконы «Митрополит Алексей в житии». Начало XVI в.



Илл. 7. Чудов монастырь.  
Фотография из собрания Э.В. Готье-Дюфайе. Начало XX в.



Илл. 8. Чудов монастырь. Вид с колокольни Ивана Великого.  
Почтовая карточка. Начало XX в.



*Илл. 9. Чудов монастырь и Николаевский дворец.  
Вид с Ивановской (Императорской) площади. Почтовая карточка. Начало XX в.*



*Илл. 10. Николаевский дворец (с видом на Вознесенский монастырь).  
Литография середины XIX в.*

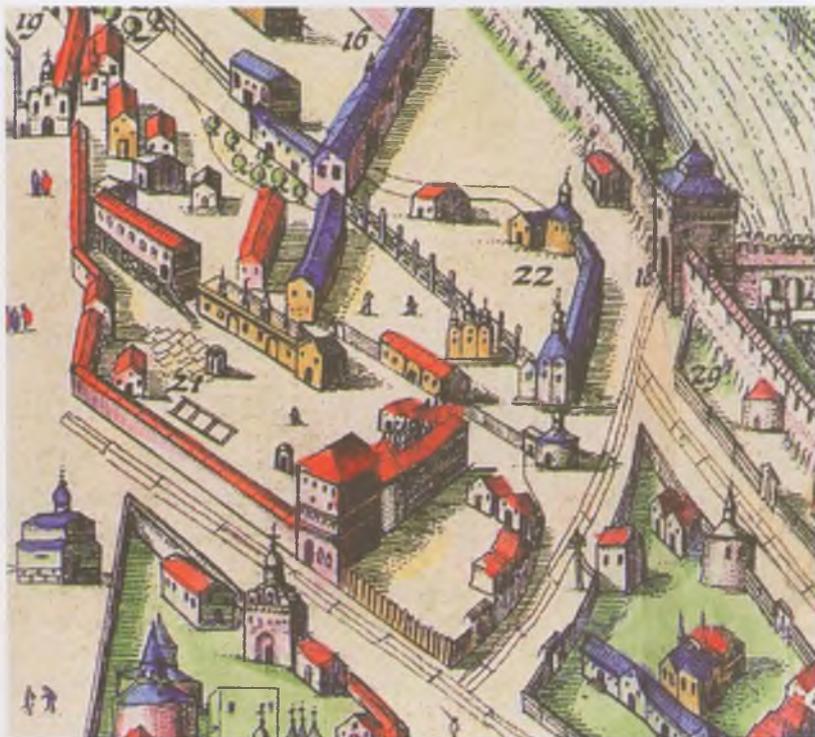
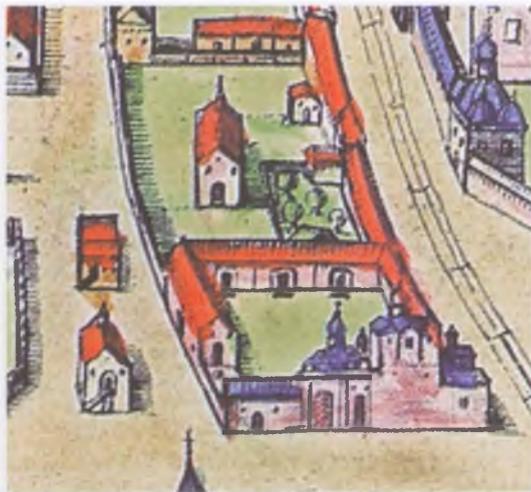


Илл. 11. Церковь св. Екатерины Вознесенского монастыря. Вид со Спасской улицы. Почтовая карточка. Начало XX в.

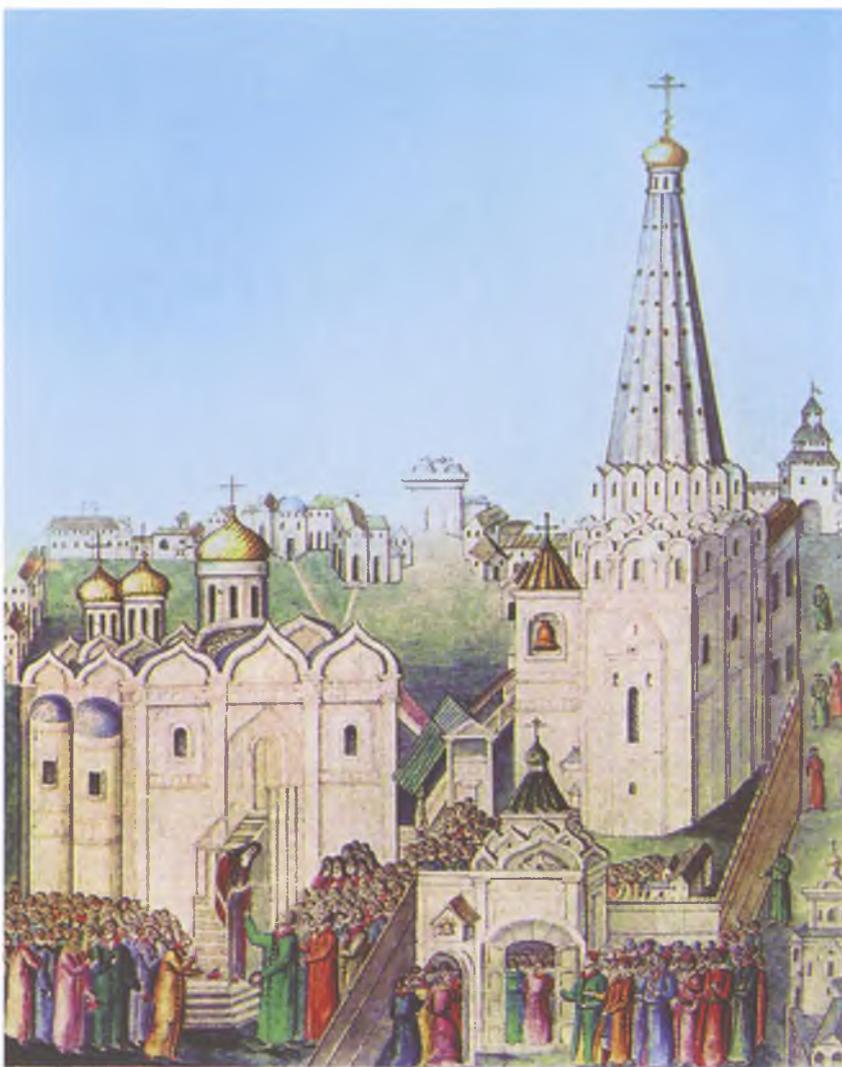


Илл. 12. Спасская башня и церковь св. Екатерины Вознесенского монастыря. Вид со Спасской улицы Московского Кремля. Литография

Илл. 13. «Кремленаград».  
Фрагмент плана с фасадом  
Афанасьевского  
монастыря



Илл. 14. «Кремленаград». Фрагмент плана с Богоявленским Троице-Сергиевым  
монастырем



Илл. 15. Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын принимает депутацию российских гостей на паперти Богоявленского собора Троицкого подворья в Кремле в субботу 20 февраля 1613 г., на первой неделе Великого поста, после обедни. Миниатюра из рукописной «Книги об избрании на превысочайший престол великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича» (1672–1673)

перенесены вниз и устроены в западной части храма. Главным входом в храм оставался западный, над которым для клиросного пения были устроены хоры на колоннах, обнесенные бронзовой решеткой от южной до северной стороны. Для монахинь монастыря был устроен в северной стене особый вход.

В строительстве церкви в 1812 г. принимал участие архитектор П.И. Керцели (25, с. 132).

Архитектор И.Т. Таманский в 1813–1817 гг. участвовал в восстановительных работах в Кремле, в частности в составлении проекта внутреннего убранства с иконостасом церкви Екатерины в девичьем монастыре (25, с. 236, рис. 491).

В конце XIX – начале XX в. территория монастыря ограничивалась с юга храмами св. Михаила Малеина и св. Екатерины. Далее на запад располагались Святые ворота, примыкавшие к Малому Николаевскому дворцу. Западной границей монастыря являлся трехэтажный игуменский корпус, в котором на первом этаже размещалась просфорня с кельями работающих в ней монахинь, на втором – покои игумении и казначеи, а на третьем – монастырский приют для девочек и две кельи для монашествующих. К игуменскому корпусу примыкал, продолжая западную границу обители против зданий Чудова монастыря, двухэтажный больничный корпус постройки 1877 г., разделенный в центре каменной лестницей на четыре части. В одном из отделений находилась монастырская больница с аптекой и кельями служащих при них сестер, в трех остальных жили монахини. Еще далее к северу по западной границе монастыря стояли каменные одноэтажные сараи.

Северной границей монастыря служил трехэтажный сестринский корпус с четырьмя входными коридорами-подъездами с лестницами, выходящий на сенатский двор. Третий этаж в нем был надстроен в 1863 г., а при игумении Рафаиле в западной части его была устроена общая прачечная палата.

Наконец, восточную границу монастырского двора замыкал двухэтажный сестринский корпус, по-видимому самый древний из жилых зданий обители. Он был разделен шестью поперечными сквозными коридорами с деревянными лестницами, ведущими на второй этаж. В южной части к этому

корпусу было пристроено небольшое трехэтажное здание, соединявшее его с храмом св. Михаила Малеина с проездом на задний двор и с деревянной галереей на втором и третьем этажах заднего фасада. Вход на второй и третий этажи этого здания был общим с трапезой и с церковью св. Михаила Малеина. За этим корпусом к востоку располагался узкий проход между зданиями монастыря и кремлевской стеной. Этот проход соединял еще в древности Спасскую и Чудовскую улицы, но позднее был застроен частными и монастырскими сооружениями. В Вознесенском монастыре этот проход превратился в узкую внутримонастырскую сквозную улочку заднего двора, проходившую с юга под аркой церкви св. Михаила Малеина вдоль кремлевской стены и выходящую к сенатскому двору. Непосредственно к кремлевской стене в пределах Вознесенского монастыря примыкали сараи, помещения для монастырского скота и сеновал.

Известно, что в перестройке келейных корпусов монастыря принимал участие архитектор А.П. Попов (25, с. 201).

Как и другие монастыри России, Вознесенский монастырь до секуляризации церковных земель в 1764 г. был крупным феодальным собственником и имел более 16 тыс. крепостных крестьян. Его имения, подаренные разными благотворителями или завещанные по наследству, располагались во многих губерниях и уездах России: в Московской, Калужской, Самарской, Нижегородской губерниях; Московском, Рузском, Волоколамском, Городецком, Мещовском, Боровском, Симбирском, Новоторжском, Кашинском и других уездах – и включали десятки деревень, слобод и сел, рыбных ловель, мельниц, отдельных пастбищ и покосов. После Петровских и, особенно, Екатерининских земельных реформ все эти угодья отошли в казну, и у монастыря к началу XX в. остались лишь небольшие участки земли в Москве и ближнем Подмоскowie, необходимые для хозяйственных нужд: в Зарядье, на Варварке, в приходе церкви вмч. Георгия небольшой участок с домами духовенства монастыря; в Басманной части, на Покровке, в приходе церкви вмч. Никиты около 7 десятин под строениями разных арендаторов; в Хамовнической части около 7 десятин луговой земли; мельница на Ходынском поле, переоборудованная арендатором в картон-

ную фабрику; рыбные ловли в Бронницком уезде на реке Пехорке и на озерах Косном и Городном; в Рузском уезде дровяного леса 145 десятин; в Московском уезде, в селе Бибиреве, древнем владении монастыря, около 36 десятин луговой, пахотной и усадебной земли под монастырские огороды. Каменный храм с главным престолом во имя преп. Сергия Радонежского в Бибиреве, недавно восстановленный и действующий, построен в 1894 г. при активном участии сестер монастыря рядом с древней деревянной церковью в честь Благовещения Пресвятой Девы Марии. Всего в начале XX в. монастырю принадлежало 195 десятин земли. В нем находились игуменья, 62 монахини и 45 послушниц.

Монастырь имел подворья в Москве. В 1752 г. ему принадлежали дворы в Китай-городе и Белом городе, а «для приезда властелинского» было еще одно подворье около Новодевичьего монастыря (72, с. 61).

В 1917 г. монастырь пострадал при обстреле Кремля, а вскоре был закрыт. Сначала предполагалось светское использование монастырских зданий, например церковь св. Екатерины собирались превратить в спортивный зал, но в 1928 г. было принято решение снести все здания Чудова и Вознесенского монастырей и Малый Николаевский дворец. На их месте по проекту архитектора И.И. Рерберга в 1928–1932 гг. было построено здание в классицистическом стиле для Военной школы ВЦИК, в котором позднее размещался Кремлевский театр, а затем Президиум Верховного Совета СССР.

При разборке Вознесенского собора останки погребенных княгинь и цариц – Евдокии (Евфросинии), Софьи Витовтовны, Софьи Палеолог, Натальи Кирилловны Нарышкиной и некоторые другие – были перенесены в подземную палату, пристроенную в 1801 г. к Архангельскому собору.

Четыре иконы из Вознесенского монастыря сохранились в Третьяковской галерее: «Богоматерь Одигитрия» 1482 г. работы Дионисия, «Богоматерь со свечой» и «Никита Новгородский» московской школы первой половины XVII в. и «Феодосия преподобная» 1690 г. мастера Кирилла Уланова (44, т. 1, с. 125).

## ИЗВЕСТНЫЕ НАСТОЯТЕЛЬНИЦЫ МОНАСТЫРЯ

### Игумени

*Венедикта* (упом. в 1554—1571 гг.).

*Леонида* (упом. в 1594 г.).

*Старицы княжна Ирина Мстиславская, княжна Александра Голицына и княгиня Софья Голицына* были начальствующими лицами в монастыре в 1613 г.

*Маремияна Воронова* († 1617).

*Евфимия Полтева* (1622—1629).

*Марфа Колычева* (1629—1636).

*Анастасия Сабурова* (1637—1645).

*Варсонофия Тиринова* (1646—1648).

*Александра Ромодановская* (1648—1651).

*Александра Кикина* (1652—1654).

*Мариамна Толстых* (1655).

*Евфимия Овцына* (1657—1659).

*Мариамна Пальчикова* (1660—1666).

*Иринарха Тимирязева* (1656—1673).

*Феофания Пашкова* (1673—1686).

*Варсонофия Бутурлина* (1685—1709).

*Евдокия Челищева* (1710—1718).

*Венедикта Даниловна Пушкина* (1718—1730).

*Евстолия Ивановна Ладыгина* (1730—1740).

*Елена Ивановна Ржевская* (1740—1756).

*Анфия Тимофеевна Киреевских* (1756—1772).

*Епафродита Милюкова* (1772—1794).

*Трифена Слепцова* (1794—1820).

*Афанасия Ивановна Черкасова* (1820—1861).

*Паисия Нудельская* (1861—1871).

*Сергия Урусова-Волконская* (1871—1884).

*Рафаила Волконская* (1884—1887).

*Серафима* (1887—1893).

*Евгения* (1893—?).

---

# «АФАНАСЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ, ЧТО ПОДВОРЬЕ КИРИЛЛОВА МОНАСТЫРЯ»

---



Как известно, в Кремле было только три полноценных монастыря: Спасо-Преображенский на Бору, Чудов и Вознесенский. В то же время кроме этих бесспорных по монастырскому статусу объектов в исторической литературе о Кремле упоминаются еще два комплекса не вполне определенного (или, может быть, двойного) статуса: «Богоявленский монастырь на Троицком подворье», называемый иногда Богоявленским Троице-Сергиевым монастырем, и «Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря», часто именуемый просто Афанасьевско-Кирилловским монастырем. История жизни Афанасьевского монастыря, особенно в начале его существования, мало освещена документами, и это в первую очередь касается профессиональных историко-архитектурных проблем: мы не знаем ни имени заказчика, ни его социального статуса, ни причины посвящения, ни точной даты основания монастыря. Его планировка и архитектурно-планировочные и объемно-пространственные решения храмов и других объектов этого комплекса известны весьма приблизительно и оцениваются разными исследователями по-разному.

Существование проблемы первоначального посвящения монастыря заключается в том, что различные источники фиксируют на территории Кремля и в непосредственной близости от него шесть объектов, посвященных свв. Афанасию и Кириллу, часто без дальнейшего уточнения звания святых, иногда с указанием посвящения только одному св. Афанасию, и ни разу с посвящением только св. Кириллу. Такого количества храмов, посвященных другим святым или даже праздникам в их память, в Кремле больше не наблюдается. Поэтому кажется

полезным обсудить, хотя бы гипотетически, возможные причины этого явления и достоверность отдельных свидетельств и интерпретаций.

Перечислим эти объекты по степени их известности и количеству сообщений о них, стараясь учитывать наиболее часто применяемые их названия, особенно в эпохи, близкие времени их основания, или названия во время первых упоминаний о них:

1) Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря;

2) церковь во имя свв. Афанасия и Кирилла у двора Ф. И. Мстиславского, ниже дьячих палат;

3) церковь каменная во имя св. Афанасия во Фроловских воротах, с приделом св. Пантелеимона, поставленная Василием Дмитриевичем Ермолиным;

4) высокая трехглавая церковь с колокольной во имя свв. Афанасия и Кирилла Александрийских на Новоспасском подворье, близ Никольских ворот;

5) церковь свв. Афанасия и Кирилла (в числе 16 других) в Китай-городе, под горою, на Рву, у кремлевской стены.

Афанасьевский монастырь находился на левой стороне Спасской улицы Кремля, если идти от Спасских (Фроловских) ворот, напротив Вознесенского монастыря (илл. 13, *цв. вкладка*). Точная дата основания монастыря неизвестна, а его ранняя история переплетается с историей Афанасьевской церкви Вознесенского монастыря, так как в источниках не всегда ясно, о каком объекте идет речь.

В.В. Зверинский (24, № 1389) сообщает, что Афанасьевский-Кирилловский монастырь, как он его называет в заглавии статьи своего «Материала», впервые упоминается в 1385 г., не давая специальной ссылки на источник. Никоновская, или Патриаршая летопись сообщает, что в 1386 г. в монастыре св. Афанасия был погребен некий Семен Яма, видимо, известный в то время человек (49, т. XII, с. 87), других сведений о котором не сохранилось.

В некоторых списках Никоновской летописи это событие отнесено к Вознесенскому монастырю, который тогда вряд

ли существовал вообще. Принятая большинством историков дата основания Вознесенского монастыря — 1393 г., а самая ранняя, предложенная П.В. Сытиным, — 1387 г. (68, с. 57–58). Большой пожар 21 июля 1389 г. в Москве, когда «загореся от церкви св. Афанасия, и мало не весь город Кремль погоре, едва по вечерне оугасиша» (49, т. VIII, с. 297), начался как раз от Афанасьевской церкви. Эти сведения большинство историков считают относящимися к Афанасьевскому монастырю. В то же время основание Вознесенского монастыря устойчиво связывается со смертью великого князя Дмитрия Донского в 1389 г. и сооружением в его память вдовой, великой княгиней Евдокией Дмитриевной, деревянного Вознесенского храма в 1393 г., ставшего основой монастыря. Следует принять во внимание, что организация Вознесенского монастыря вряд ли могла быть начата со строительства не относящейся к нему непосредственно церкви. В этом случае можно было бы говорить о включении ранее построенной Афанасьевской церкви в комплекс монастыря.

Афанасьевский монастырь изначально был основан в том же XIV в. как самостоятельный монастырь и только в XVI в. стал подворьем Кирилло-Белозерского монастыря. Как бы то ни было, он имел официальный монастырский статус, настоятелей в ранге строителей, братию и назывался таковым в документах, что ни разу не зафиксировано ни для одного из многочисленных тогда в Кремле «чистых» монастырских подворий. Поэтому он включен в «Материал» В.В. Зверинского и имеет достаточные основания рассматриваться именно как монастырь в определенное время своего существования.

По поводу посвящения монастыря все историки единодушны: и храм, и монастырь построены в честь свв. Афанасия и Кирилла, архиепископов (или иногда — патриархов) Александрийских. Мотивировкой посвящения было широкое почитание этих святых на Руси как борцов с ересями, в связи с чем им посвящались многие монастыри и храмы.

В обыденном церковном сознании свв. Афанасий и Кирилл слились в так называемых «парных святых», в честь которых сооружались парные престолы в храмах и монастырях.

Применение же в названии церкви или монастыря одного из парных святых могло в редких случаях быть следствием скорописи или упрощения речи, но чаще всего означало либо специальное выделение одного из святых, либо посвящение другому святому, не связанному с данной парой.

Обратимся теперь к тем немногим документам, в которых упоминаются события, связанные с Афанасьевским монастырем, что Кирилловское подворье в Кремле. В XIV в. их всего два. Это уже упоминавшиеся сообщения о погребении Семена Ямы в Афанасьевском монастыре в 1386 г., сохранившееся в Патриаршей летописи, и о пожаре 21 июля 1389 г., начавшемся от Афанасьевской церкви, когда сгорел чуть не весь Кремль. В первом из них для нас важно упоминание монастыря, и в обоих – посвящение и монастыря, и церкви во имя св. Афанасия, причем одного Афанасия, без указания его звания и географического имени. Второе сообщение содержится в Уваровской, Никоновской, Ермолинской, Постниковской, Пискаревской, Бельской летописях, Дополнениях к летописному своду 1497 г. и других документах.

Отвергнутое большинством ученых сообщение некоторых летописей о погребении Семена Ямы в Вознесенском монастыре и мнение Н.М. Карамзина о том, что пожар 1389 г. произошел от церкви св. Афанасия в Вознесенском монастыре, также не представляются простыми ошибками летописца и историка. Тем более было бы странно видеть здесь какой-то умысел, что случилось в русском летописании, – здесь такой умысел трудно объяснить.

Дело в том, что церковь свв. Афанасия и Кирилла, архиепископов Александрийских, в Вознесенском монастыре все-таки была. Известный историк Вознесенского монастыря А. Пшеничников, имевший доступ к монастырскому архиву еще при его существовании, отмечает, что в архивных документах монастыря упоминается такая церковь, как придельная у храма Вознесения Господня и имеющая самостоятельный причт, состоящий из священника и пономаря, которым выдавалась руга из дворцовой казны материалами и деньгами (51, с. 106).

И.Е. Забелин, правда без ссылки, сообщает, что с 1625 г. в соборном храме Вознесения существовали «два придела – один Афанасия и Кирилла, другой – Михаила Малеина» (23, с. 252). Обычно новые приделы в храмах устраивали в случае необходимости введения в существующий храм придела во имя нового святого, тезоименитого какому-то значительному лицу или ктитору. Известно устройство придела св. Михаила Малеина, покровителя царя Михаила Федоровича, его матерью, «инокиней Великой Старицей» Марфой Ивановной в том же Вознесенском соборе. Новые приделы устраивались также в случаях разрушения или разборки соименных храмов, связанных со стихийными бедствиями или перепланировкой территории.

Представляется, что организация придела свв. Афанасия и Кирилла в Вознесенском соборе связана именно с разрушением посвященного им отдельно стоящего храма и строительством на его месте церкви великомученицы Екатерины. Дополнительным подтверждением существования придельной церкви свв. Афанасия и Кирилла в Вознесенском соборе являются хранившиеся в его ризнице некоторые священные предметы из этого храма.

Если можно считать документально подтвержденной дату упразднения отдельной церкви Афанасия и Кирилла в Вознесенском монастыре, то дата ее основания может быть установлена только по сумме косвенных свидетельств. Самым важным из них представляется бракосочетание 16-летнего великого князя московского Дмитрия Ивановича с дочерью князя суздальского и нижегородского Дмитрия Константиновича, Евдокией Дмитриевной, состоявшееся в 1366 г. в городе Коломне 18 января, в день памяти свв. Афанасия и Кирилла.

Это позволяет предположить, что первая Афанасьевская церковь была сооружена после венчания княжеской пары в 1366 г. и окончания строительства в этом месте первых каменных стен Кремля Дмитрия Донского и митрополита Алексия, построенных в 1367 г., так как в противном случае церковь оказалась бы за пределами старых дубовых стен Кремля Ива-

на Калиты — то есть, возможно, одновременно со стенами или вскоре после их возведения, так как уже в следующем, 1368 г., началась «первая литовщина», а за ней почти беспрерывные военные походы Дмитрия Донского, создававшего единое русское государство.

Это отметил еще М.И. Александровский: «Первая церковь на сем месте (имеется в виду церковь св. Екатерины Вознесенского монастыря. — *А.В.*) построена во имя свв. Патриархов Александрийских Афанасия и Кирилла при Димитрии Донском в память святого того дня, когда происходила его свадьба. Каменный храм на ее месте вновь поставлен в 1514—1517 гг. и разобран при строительстве нынешнего. Трапезная появилась в монастыре с 1586 г.; вероятно, тогда же при ней была освящена и церковь Екатерины. Новое здание ее относится к 1686 г.» (1, № 36, 37).

Здесь интересно, что Александровский не отмечает для этой церкви строительство Ермолина в 1462 г., что справедливо в любом случае — была ли она «во Фроловских воротах» или в Афанасьевском монастыре, но отмечает строительство Бобыниных 1514—1518 гг., что заслуживает более подробного рассмотрения.

Судя по изображению этой церкви на плане «Кремленаград», где она показана встроенной в южную стену ограды Вознесенского монастыря на ее изгибе, к западу от церкви великомученика Георгия, в начале XVII в. это была скромная, хотя и пятиглавая церковь, с четырьмя маленькими глухими главками по углам, посвященная частному событию в жизни государства, видимо первоначально деревянная, почему строительство ее не отмечено в летописях, которая могла стать причиной пожара. Здесь произошло знаменательное совпадение: великий князь Дмитрий Донской скончался 19 мая 1389 г., а ровно через два месяца после его похорон, возможно, от церкви, построенной в память его бракосочетания, или соседней, монастырской, но с тем же посвящением, начался пожар, в результате которого едва не сторел весь Кремль. Во всяком случае, для вдовы, великой княгини Евдокии, это могло быть неким знамением, побудившим ее к строительству Воз-

несенского монастыря, и уж конечно не случайно поблизости от памятной ей церкви, позднее автоматически включенной в монастырский комплекс.

Вернемся теперь к Афанасьевскому монастырю. И.Е. Забелин без тени сомнения считал главную церковь монастыря посвященной Афанасию Александрийскому: «От самых ворот (Спасских. — *А.В.*), несколько влево, в расстоянии 11 саж., находилась церковь Афанасия Александрийского, иначе Афанасьевский монастырь, и при нем подворье Кирилло-Белозерского монастыря» (23, с. 194). К сожалению, во всем очерке о Кирилловском подворье, где Забелин называет церковь уже просто Афанасьевской и не приводит ссылок на источники его сведений (кроме двух случаев: при пересказе неназванного свидетельства XVI в.: «в июне 1571 г. царь Иван Вас. Грозный пожаловал к Афанасию Великому на церковное строенье на двор 200 руб.» (23, с. 195) и при цитировании Павла Алеппского 1655 г.: «монастырь... во имя свв. Афанасия и Кирилла Александрийских и другого Кирилла, известного под именем Белозерского, из их новых святых») (23, с. 202). Отметим, что свидетельства эти относятся к XVI и XVII вв., когда монастырь уже наверняка был подворьем Кирилло-Белозерского монастыря.

Так же поступил и Н.А. Скворцов в 1893 г., называя монастырь посвященным св. Афанасию Александрийскому (без указания посвящения св. Кириллу) и добросовестно ссылаясь на источники, в которых указано только одно имя святого (61, с. 440).

В историческом и археологическом описании Москвы И.М. Снегирева 1875 г. имеется ссылка на конкретную Софийскую II летопись: «У Фроловских ворот, на Кирилловском подворье, против Вознесенского монастыря, за дьячими палатами, Афанасьевский монастырь, сгоревший в 1389 г., а ц. св. Афанасия Александрийского в 1514 г. поставлена кирпичная Юрьем Бобыниным» (63, с. 16–18). Вряд ли И.М. Снегирев что-либо добавил от себя, но сведения Софийской летописи относятся к 1514 г., когда Афанасьевский монастырь был уже Кирилловским подворьем, и могут отражать позд-

ную традицию, связанную с возможным переосмыслением первоначального посвящения монастыря. Отметим, что и здесь указано посвящение церкви только одному Афанасию Александрийскому. Кстати, в этом тексте не очень понятно упоминание дьячих палат, находившихся значительно западнее и связанных с другой церковью свв. Афанасия и Кирилла.

Совершенно не рассматривается этот вопрос и в последнем по времени исследовании В.П. Выголова, хотя посвящение указывается однозначно — «церковь Афанасия Александрийского, возведенная в Кремле в 1462 г.» (13, с. 27).

Кроме этих двух храмов в Кремле существовала третья церковь во имя свв. Афанасия и Кирилла, что «у Мстиславского двора, ниже дьячих палат», находившаяся к востоку от Архангельского собора, за позднейшим корпусом годовных Приказов и существовавшая по данным Исторической схемы Кремля С.П. Бартенева в 1484—1671 гг. (5, кн. I, вклейка) (илл. 29). Необходимо присоединиться к мнению А.Л. Баталова, ссылающегося на И.Е. Бондаренко, что это именно она изображена в виде изящного пятиглавого храма на известном рисунке Посольского приказа Э. Пальмквиста (6, с. 388, примеч. 38 и рис. 65) (илл. 30), а не церковь, построенная взамен храмов свв. Александра Невского и Черниговских чудотворцев, как считают авторы первого тома многотомника «Памятники архитектуры Москвы» (45, с. 60, рис. 17, примеч.). Последняя в этом ракурсе просто не была видна, так как находилась на правой, западной стороне прохода между зданиями приказов.

Известный архивист Московской Иностранной коллегии А.Ф. Малиновский, перечисляя монастырские подворья в Кремле, кроме этих храмов упоминает «высокую трехглавую церковь с колокольней во имя св. Афанасия и Кирилла Александрийских на Новоспасском подворье близ Никольских ворот». Все другие источники без исключения называют эту церковь посвященной во имя св. Иоанна Новгородского. При этом Малиновский отдельно отмечает подворье «Кирилловское пред Вознесенским монастырем с одноглавой церковью во имя св. Кирилла Белозерского



Илл. 29. Московский Кремль. Историческая схема. Фрагмент. Начало XX в.



*Илл. 30. Посольский приказ.  
Рис. Э. Пальмквиста. 1674 г.  
На заднем плане предположи-  
тельно изображена пятиглавая  
церковь во имя свв. Афанасия и  
Кирилла у двора Ф.И. Мстислав-  
ского, ниже дьячих палат*

с приделом великомученика Пантелеймона, построенно 1524 г. иждивением Юрия Бобынина. Сверженный с патриаршества Гермоген заключен был на Кирилловском подворье и уморен там от мятежников голодом» (37, с. 50). Здесь такая путаница верных и неверных сведений, что мы вынуждены считать сообщение уважаемого архивиста о церкви Афанасия и Кирилла на Новоспасском подворье ошибочным, как единственное подобное, хотя неназванная трехглавая церковь на этом подворье изображена на плане «Кремленаград».

Такого количества других церквей с одноименным посвящением в Кремле не было. Особое почитание свв. Афа-

насия и Кирилла Александрийских в России отмечал в середине XVII в. Павел Алеппский (42, с. 14). Этому явлению должно быть какое-то объяснение.

Одно из возможных заключается в том, что исторический период 1378–1390 гг. известен борьбой за единство Русской Митрополии, вызванной желанием великого князя Дмитрия Ивановича Донского поставить на митрополичью кафедру после смерти митрополита Алексия в 1378 г. своего ставленника, коломенского попа Михаила, по прозвищу Митяй, образованного и красноречивого священника, но не имевшего авторитета среди священства и монашества. Тем не менее Михаил, вызванный из Коломны в Москву, поставленный архимандритом Спасоборского монастыря и ставший личным духовником великого князя Дмитрия и многих ближних бояр, был наре-

чен митрополитом, но во время поездки в Константинополь на поставление к патриарху скоропостижно скончался, прямо на судне на подходе к Константинополю, в 1379 г. Тогда сопровождавшее его посольство, не обращаясь к великому князю, самовольно избрало митрополитом из наличных в составе посольства архимандритов настоятеля Переяславского Горницкого монастыря Пимена. Затем от имени московского князя послы написали на имевшихся у них чистых бланках великокняжеских хартий представление Пимена на кафедру русской митрополии, и в 1380 г. он был посвящен Вселенским Патриархом Нилом в митрополита «Киевского и Великой Руси». Этот поступок послов вызвал серьезные трения Москвы с Константинополем и раскол среди церковных иерархов. Кроме того, в 1370-х гг. распространилась псковско-новгородская ересь стригольников, отрицавших законность всей иерархии — и греческой, и русской — как подверженных симонии и мздоимству. Смута продолжалась до возвращения в Москву в 1390 г. митрополита Киприана, поставленного в Константинополе митрополитом Киевским и всея Руси еще в 1375 г., при жизни свт. Алексия, но не имевшего возможности из-за сопротивления великого князя выполнять свои обязанности.

Поэтому в эту эпоху строительство церквей во имя признанных борцов за единство Церкви и против ересей — александрийских архиепископов Афанасия и Кирилла могло быть весьма актуальным.

Достаточно сложная ситуация сложилась и в 80-е гг. XV столетия, когда возникла, по С.П. Бартеневу, церковь Афанасия и Кирилла «у Мстиславского двора, ниже дьячих палат», и когда при митрополите Геронтии (1473—1489) произошло открытие и разбирательство ереси «жидовствующих», духовных наследников секты стригольников, проникшей в самые верхние слои церковной иерархии, включая тайного их сторонника, следующего после Геронтия митрополита Зосиму. Борьба с ересью могла включать и строительство храмов и монастырей во имя тех же святых, признанных борцов с ересями.

В последнем случае возможно и другое, более прозаическое происхождение церкви с таким посвящением, и о нем

намеком сообщает Забелин (23, с. 239). Эта версия связана с тем, что участок между Архангельским собором и двором Мстиславского в ранней истории Москвы принадлежал младшему сыну Ивана Калиты, князю Андрею Ивановичу, а затем его сыну Владимиру Андреевичу Храброму, двоюродному брату Дмитрия Донского, герою Куликовской битвы, женатому на Елене Ольгердовне, дочери князя Ольгерда Литовского. В 1389 г. у них родился сын Ярослав Владимирович, будущий князь Серпуховской и Боровский, дочь которого Мария стала женой великого князя Василия Васильевича Темного. Князь Ярослав Владимирович родился 18 января, как раз в день памяти свв. Афанасия и Кирилла, и в крещении был наречен Афанасием. По этому поводу у княжеского двора могла быть построена церковь во имя его небесных покровителей совершенно независимо от названий двух первых вышеупомянутых храмов во имя Афанасия и Кирилла. Место этого двора, к востоку от Архангельского собора и к югу от Ивановской площади, надолго сохранило название «Ярославичева места».

В этом объяснении имеются некоторые шероховатости, связанные с тем, что дата сооружения церкви предполагается более ранняя по сравнению с датой первого упоминания о ней в 1484 г., приближаясь ко времени сооружения двух первых храмов. Тем не менее возможность строительства деревянной церкви, что не всегда отмечалось в документах, во имя духовного покровителя новокрещеного Ярослава-Афанасия практически на территории его родового двора кажется вполне вероятной. Позднее ее личное посвящение могло быть переосмыслено как антиеретическое (в честь свв. Афанасия и Кирилла), она могла быть перестроена в камне и под новым названием попасть в документы.

В 1462 г., в последний год царствования Василия II Васильевича Темного, в Кремле была возведена каменная церковь во имя св. Афанасия, построенная Василием Дмитриевичем Ермолиным, известным позднее участием в строительстве кремлевских стен, оригинальным решением достройки Вознесенского собора в 1467 г., восстановлением Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и строительством других соору-

жений. Это событие засвидетельствовано только в Ермолинской летописи под 6970 (1462) г.: «Того же лета, месяца июля 27, священна бысть церковь камена святой Афонасей на Москве, во Фроловскихъ воротехъ, а придел у неа святой Пантелеимонъ, а ставиль ее Василей Дмитриев сынъ Ермолима. Того же лета стена поновлена городная отъ Свибловы стрелницы до Боровицкихъ воротъ каменемъ, предстательством Василя Дмитриева сына Ермолина» (49, т. VII, с. 209).

Василий Дмитриевич Ермолин происходил из купеческой семьи выходцев из крымского города Сурожа (современного Судака), тесно связанной с Троице-Сергиевым монастырем, где приняли пострижение многие его родственники, в том числе отец и дед. По количеству связанных с его именем ответственных построек его считали крупным профессиональным зодчим и реставратором или по крайней мере старостой в артели каменного дела (66, с. 16–23), но, по-видимому, он был скорее талантливым организатором строительства и подрядчиком, располагавшим значительными собственными средствами, нередко выступавшим в качестве заказчика, так как считался одним из крупнейших московских купцов, и по его заказу была написана летопись, и поныне носящая его имя. В документах он именуется «предстателем», ответственным за строительный процесс в целом.

Относительно посвящения рассматриваемой церкви В.П. Выголов выдвигает оригинальную гипотезу, предполагая патрональную связь этого посвящения с именем родного дяди В.Д. Ермолина – Афанасия, «который мог быть инициатором этого строительства, оказав соответствующее влияние на своего племянника». Предположение странное. Вряд ли можно допустить, чтобы именно в честь патрона простого купца в Кремле позволено было бы строить церковь.

Никаких сведений об архитектуре и пространственном решении Ермолинского храма до нас не дошло, кроме известия о наличии придела во имя вмч. Пантелеимона и освящении храма в день его памяти 27 июля. В.П. Выголов, основываясь на практике устройства в эту эпоху в московских церквях встроенных приделов в Воздвиженской церкви и в

церкви Рождества Иоанна Предтечи на Бору, предполагает, что и здесь был встроенный придел внутри самого здания, отмеченный на плане «Кремленаград» второй, малой главой (13, с. 28).

Следуя буквально тексту Ермолинской летописи о строительстве Афанасьевской церкви «во Фроловских воротах», некоторые исследователи, такие как М.Н. Тихомиров (70, с. 41), М.А. Ильин (30, т. III, с. 283) и другие, высказали предположение о том, что она была надвратной и размещалась во Фроловской башне Кремля, над самим проездом. Эту гипотезу категорически отвергает В.П. Выголов, напоминая, что церковь была монастырским соборным храмом и уже по одному этому не могла располагаться над воротами, тем более кремлевскими. Кроме того, после того как церковь обветшала, по традиции на ее месте была сооружена новая церковь, место которой зафиксировано на планах Москвы конца XVI – начала XVII в. существенно западнее Фроловских ворот. К тому же единственному свидетельству Ермолинской летописи противостоят показания других летописей, где указано правильное расположение Афанасьевской церкви – «у Фроловских ворот» (13, с. 29; 49, т. VIII, с. 209).

К сожалению, в этих доводах уважаемого историка не все так просто и однозначно. Из приведенного выше текста Ермолинской летописи не следует, что церковь, построенная Ермолиным, была монастырским соборным храмом и, следовательно, могла быть в том числе и надвратной и размещаться во Фроловской башне. В летописях, в том числе и в самой Ермолинской, не сказано, что именно на месте этой церкви, после того как она обветшала, была по традиции сооружена новая. А сказано там под 1514 г. следующее: «Тоя же весны князь великий (Василий III Иванович. – *А.В.*) повеле заложити и делати церкви каменыя и кирпичныя на Москве: на Болшомъ посаде за торгом Введение святеи Богородици, Владимиръ святыи в Садахъ, Благовещенье святеи Богородици в Воронцове, да в городе на своемъ дворе церковь святыа Богородица Рожество, у неяже придель святыи Лазарь, за Неглимною Леонтии чудотворецъ Ростовскийи, на Ваганкове

святыя Богородица Благовешенье, за Черторьею въ Девичи монастыри Алексеи человек Божии, за рекою подь боромъ Усекновенье главы Иоана Предотечи, за Неглимною святыи Петръ митрополить всеа Русии, на Устретенской улице Введенье святыя Богородица, да Варвару святую поставиль Василии Бобръ з братьею, с Вепремъ да съ Юшкомъ, да Афонася и Курила Александрьскихъ поставиль Юрьи Григорьевъ сынъ Бобынина у Флоровскихъ воротъ, а всемъ темъ церквамъ былъ мастеръ Алевизъ Фрязинъ» (49, т. VII, с. 268).

Таким образом, перед нами известный список из 12 церквей (в разных летописях их число колеблется от 10 до 12), построенных в Москве по заказу Василия III итальянским архитектором Алевизом Фрязиным, а вовсе не специальное сообщение о строительной деятельности купца Бобынина в Афанасьевском монастыре, как это выглядит, будучи вырванным из контекста. В этом тексте важно многое: и двойное посвящение храма, и указание географического имени святых, и отсутствие примечаний, что церковь Афанасия и Кирилла Александрийских строилась на месте обветшавшей предшествующей Ермолинской, и отсутствие упоминания о церкви во имя Кирилла Белозерского, и что это была монастырская церковь, и, к сожалению, опять-таки неоднозначное указание места ее расположения.

Эта обширная цитата приведена здесь целиком еще и потому, что некоторые названные в ней церкви сохранились или по крайней мере сохранились их изображения, что делает возможным проведение аналитических стилистических сравнений.

Сразу же заметим, что в приведенном тексте есть одна существенная особенность. В таком именно виде он существует опять-таки только в Ермолинской летописи и даже только в так называемом Приложении 2-м, являющемся окончанием третьего, Кирилло-Белозерского списка летописи, где, в отличие от списков собственно Ермолинского и Уваровского, изложены события после 1485 г., которым заканчиваются оба первых списка.

Таким образом, ситуация с храмом Афанасия и Кирилла Александрийских 1514 г. не попала в Ермолинский и Уваров-

ский списки по причине их хронологического ограничения. Но она изложена в ряде других летописей, и изложена несколько иначе. Список церквей приведен во II Софийской, Воскресенской, Львовской летописях, Дополнениях к Никоновской летописи и летописному своду 1497 г. (46, с. 221). Основное отличие заключается в том, что в перечисленных летописях список церквей заканчивается упоминанием церкви св. вмц. Варвары. Затем следует фраза о мастере Алевизе Фрязине, и только потом, со стандартным началом «Того же лета...» (с вариациями) сообщается о строительстве Бобыниным церкви Афанасия и Кирилла Александрийских (с вариациями в разных летописях). Сейчас трудно понять причину этого расхождения в текстах летописей. В числе возможных — повышенное внимание летописцев Кирилло-Белозерского монастыря (а именно отсюда происходит этот список) к событиям, связанным с историей принадлежавшего монастырю подворья и отсутствие этого интереса у других летописцев; совпадение дат и подозрение провинциала в небрежности столичных летописцев, наконец, понятное желание приобщиться к творчеству иноземного мастера или что-то подобное.

Есть еще один, тоже не очень надежный способ определения автора этой церкви по творческому почерку мастера. Ведь согласившись с текстом Ермолинской летописи, мы должны будем признать, что на плане «Кремленаград» изображен храм во имя св. Афанасия Александрийского работы итальянского мастера Алевиза Фрязина.

Из перечисленных в списке церквей до наших дней внешний облик и характерные детали отделки практически полностью сохранились только у столпообразной церкви свт. Петра Митрополита в Высокопетровском монастыре (45, с. 181), на литографии церкви Благовещения в Старом Ваганькове начала XVI в. (45, с. 44, рис. 136) и, частично, в полностью перестроенной, но со стремлением сохранить формы алевизовского сооружения церкви св. Владимира в Старых Садах (45, с. 323–324).

Соглашаясь в целом с характеристиками и оценками итальянизирующих мотивов и деталей в этих храмах, данными

авторами статей о них в первом томе многотомника «Памятники архитектуры Москвы», отметим, что ничего подобного нельзя обнаружить на рисунке Афанасьевской церкви на плане «Кремленаград». Даже при самом скептическом отношении к точности воспроизведения на этом плане архитектурных особенностей и деталей отдельных зданий все же основные храмы и сооружения по меньшей мере узнаваемы и верны в крупных и характерных деталях. Поэтому, наверное, можно признать, что вряд ли в сооружении Афанасьевского храма на Кирилловом подворье принимал участие итальянский архитектор. Это в свою очередь означает, что сведения об этом в Ермолинской летописи не соответствуют действительности.

Основной все же остается версия о строительстве в 1514 г. заново из кирпича на средства московских купцов братьев Юрия и Алексея Григорьевичей Бобыниных церкви Афанасия и Кирилла Александрийских в Афанасьевском монастыре, но не Алевизом Фрязиным. Освящение церкви митрополитом Варлаамом состоялось только через четыре года после начала строительства, 2 мая 1518 г. (49, т. XXX, с. 143), в день памяти св. Афанасия Александрийского.

Так как точное место в летописях не указано, остается допустимым и предположение, что Бобынины были ктиторами при восстановлении в камне соседней, сгоревшей в 1389 г. Афанасьевской церкви Вознесенского монастыря — именно так считал М.И. Александровский, судя по приведенной выше цитате, хотя оно кажется менее вероятным, как и само упоминание в летописи факта перестройки приписного к Вознесенскому собору и второстепенного для этого монастыря храма.

В.В. Зверинский (24, № 1389) сообщает, что Афанасьевский монастырь впоследствии был обращен в подворье Кирилло-Белозерского монастыря. Некоторые источники указывают, что это могло произойти еще при жизни св. Кирилла Белозерского. Известно, что преп. Кирилл, в миру Косьма, родился в Москве в 1337 г., рано лишился родителей и воспитывался в семье своего дальнего родственника, окольникове-

го великого князя Дмитрия Донского, Тимофея Васильевича Воронцова-Вельяминова, дом которого находился у Тимофеевских, впоследствии Константино-Еленинских ворот Кремля, рядом с Афанасьевским монастырем. Пострижен он был в Симоновом монастыре, а основная его деятельность протекала в основанном им Успенском Белозерском монастыре. Св. Кирилл Белозерский скончался в 1427 г., был канонизирован еще до Макарьевских соборов 1547 и 1549 гг., и И.Е. Забелин (23, с. 195) допускает, что его подворье в кремлевском Афанасьевском монастыре было устроено еще при жизни преподобного, сохранявшего с монастырем старинные связи. После же его кончины организация Кирилловского подворья именно в Афанасьевском монастыре была бы весьма затруднительна. Так что, по-видимому, еще до 1427 г. появилось его официальное, несколько необычное название: «Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря». Однако в исторических документах монастырь впервые назван подворьем только в 1563 г. при пострижении в монахи вдовы старицкого князя Андрея Ивановича, Евфросиньи Андреевны (23, с. 198; 59, с. 170). Это название позднее трансформировалось в Афанасьевско-Кирилловский монастырь, где вторая часть названия — Кирилловский — ассоциировалась иногда уже с посвящением последователю св. Афанасия в церковных делах св. Кириллу, архиепископу Александрийскому. Так, Афанасьевская церковь 1514 г. во время ее возведения при ктиторстве братьев Бобыниных в некоторых летописях, в частности в Ермолинской, названа во имя свв. Афанасия и Кирилла Александрийских (49, т. VII, с. 268). В обычном же общении, да и в деловых бумагах монастырь именовался просто Кирилловским подворьем.

Так как дата строительства церкви во имя Кирилла Белозерского в документах не зафиксирована, это упоминание в Ермолинской летописи иногда принимается за одно из свидетельств времени организации по крайней мере Кирилловского придела в Афанасьевской церкви.

Территория монастыря, а впоследствии подворья, несколько раз меняла очертания своего плана. В эпоху великих

князей Ивана III и Василия III, к 1533 г. она имела форму неправильного пятиугольника, острым углом обращенного к северо-востоку, в 16 м от которого находилась стрелецкая караульня у Фроловских (Спасских) ворот, сохранявшаяся до начала XX в. с внутренней стороны кремлевской стены. С западной и южной сторон к территории монастыря-подворья примыкали двory, пожалованные в 1490 г. Иваном III своим приближенным среднего ранга: князю Ивану Юрьевичу Патрикееву, Роману Афанасьеву, Василию Жданову, Афанасию Петрову, Григорию Сидорову, Афанасию и Гавриле Петровым (29, т. I, схематические планы И.А. Голубцова). Обращает на себя внимание обилие собственников по имени Афанасий среди соседей Афанасьевского монастыря, хотя само по себе это могло и ничего не значить.

На исторической схеме С.П. Бартенева (5, схема) ближайшими соседями Кирилловского подворья или Афанасьевского монастыря показаны двор старца Симонова монастыря Андриана Ярлыка, бывшего великокняжеского, а затем митрополичьего дьяка, довольно богатого человека, владельца нескольких сел с деревнями и землей и ростовщика, пожертвовавшего в 1460 г. свои владения и имущество симоновскому архимандриту Афанасию (13, с. 10 и примеч.). С западной же стороны к монастырю примыкал двор бояр и князей Черкасских и двор архиепископа Арсения Елассонского. Для нас важно отметить, что форма плана подворья на планах Бартенева и Голубцова совпадает, хотя план Голубцова зависим от схемы Бартенева, и что на них показаны две церкви: одна — во имя Афанасия Александрийского постройки 1389 г. и другая — во имя Кирилла Белозерского постройки 1514 г., находившиеся неподалеку друг от друга, внутри той части монастырского двора, которая углом выступала в сторону кремлевской стены. Хотя датировка церкви св. Кирилла Белозерского 1514 г. кажется сомнительной, так как явно приурочена к строительству Бобыниных.

Это важно потому, что уже Иван III в начале XVI в. начал проводить масштабные землеустроительные работы в Кремле, имевшем весьма хаотичную тесную застройку с бесконеч-

ными кривыми переулками, коленами, тупиками, дворами неупорядоченных форм. Особое внимание обращалось на освобождение от деревянных пристроек к внутренним сторонам кремлевских стен как защитной мере от пожаров. Эта деятельность неизбежно приводила к изменениям в очертаниях планов дворов и их внутренней организации.

Остается неизвестным, когда точно Афанасьевский-Кирилловский монастырь официально утратил элементы монастырского статуса, однако в быту и даже в деловой переписке его еще долго продолжали именовать «Афанасьевский монастырь, подворье Кириллова монастыря». Во всяком случае, во второй половине XVII в. его еще называли монастырем в официальных документах. Так, в Архиве Оружейной палаты хранился царский Указ Михаила Федоровича от 25 марта 1640 г., по которому «дураки государевых комнат были отведены поститься на Страстную неделю: в Богоявленский м. Мосейка; в Афанасьевский мон., что у Фроловских ворот, Исак да Симонка» (23, с. 424).

На плане «Кремленаград» начала 1600-х гг., территория Афанасьевского-Кирилловского монастыря (45, Карта на вкладке) уже называется Кирилловским подворьем или Кирилловским приютом. В восточной части подворья, уже имеющего прямоугольную форму, изображены две церкви, а восточная выступающая угловая часть его прежней территории обрезана практически по стенам храма, видимо в процессе урегулирования кремлевской территории, особенно в местах, примыкающих к кремлевским стенам. По плану Кремля архитектора Василия Яковлева 1756 г., территория подворья по Спасской улице простиралась на 30 сажен (64 м), сзади 29 сажен (62 м), по Кремлевской стене составляла 28 сажен (ок. 60 м), а по западной стене сужалась до 19 сажен (40 м). По другому плану того же автора, составленному в следующем, 1757 г., мера подворья была обозначена несколько иначе: по улице 28 сажен, сзади без малого 25 сажен, поперек по линии Кремлевской стены около 18, в противоположном угловом конце, где за эту межу выдвигалось отдельно стоявшее здание подворья, без малого 24 сажени (23, с.

195, примеч. 1). К сожалению, так как эти планы недоступны для нас, сведения о размерах подворья приводятся по описанию Забелина, отмечавшего значительные расхождения в показаниях одного и того же автора.

Одним из немногих сохранившихся графических источников об архитектуре храмов и других сооружений Кирилловского подворья остается все тот же план «Кремленаград», так как многочисленные художники и граверы, работавшие в Кремле, обошли подворье вниманием, а до изобретения фотографии его сооружения не дожили. Несмотря на всю условность изображения зданий на этом плане, все же кажется возможным определить основные особенности их архитектурно-пространственного решения, с привлечением сохранившихся письменных источников. При этом необходимо учитывать, что все сооружения монастыря, там изображенные, относятся ко временам перестройки Бобыниных 1514 г. и к более поздним.

На этом плане показано композиционное состояние комплекса сооружений подворья в начале 1600-х гг. Подворье изображено в виде близкой к квадрату территории, окруженной со всех четырех сторон одноэтажными келейными и хозяйственными корпусами, в отдельных местах — просто забором. В центре подворья показан двор, совершенно свободный от застройки, в восточной части которого видны две церкви. Сразу же отметим, что композиция плана монастыря кардинально отличается от композиции главных кремлевских монастырей — Чудова, Вознесенского и Спасского на Бору, в центральной части двора которых размещен главный соборный храм, — и близка к решению Богоявленского Троицкого монастыря с собором, поставленным на периферии территории. Повторим попутно, что Богоявленский монастырь также имел статус подворья.

Одна из церквей Афанасьевского монастыря изображена встроенной в восточную стену подворья, обращенную к Фроловским воротам — возможный след обрезки части территории, произошедшей, видимо, в процессе упорядочения кремлевской застройки, начатого Иваном III, одной из целей

которой было стремление отодвинуть застройку от кремлевских стен, что, судя по этому плану в целом, было проведено последовательно на всем их протяжении, и тем самым создать противопожарные разрывы – простейшую защиту от страшного бича Москвы того времени – постоянных пожаров. На планах предшествующего времени, суммированных в работах С.П. Бартенева и И.А. Голубцова, как уже отмечалось выше, восточная стена подворья имела треугольный выступ в сторону кремлевской стены и в пространстве двора, образованного этим выступом, располагались обе монастырские церкви, оказываясь, таким образом, внутри монастырских стен. При перепланировке Кремля выступающую часть территории подворья срезали, а монастырские стены подвели непосредственно к стенам крайнего к востоку храма.

На схеме Бартенева отчетливо видно, что Афанасьевская церковь располагалась несколько северо-восточнее церкви Кирилла Белозерского и, следовательно, именно она оказалась встроенной в новую восточную стену подворья. На плане «Кремленаград» церковь изображена одноглавой с выступающей к востоку плоской стеной, разделенной в верхней части на три узкие вертикальные плоскости с треугольными завершениями, немного ниже которых показаны проемы почти квадратной формы: в боковых частях очень маленькие, в средней – побольше. Так как эта стена восточная, эти три части должны были быть апсидами, полукружия которых условно изображены плоскостями, как и в ряде других изображений апсид из-за чисто технических трудностей. Но возможно, они были реально стесаны заподлицо с плоскостью монастырской стены. С другой стороны, эта плоскость стены с треугольными завершениями не имеет на рисунке продолжения к западу. Нет этого продолжения и на кровле, так что барабан с куполом не обрамлен кровлей со всех сторон, а скорее вырастает из-за этого повышенного трехчастного отрезка стены. Это могло быть в том случае, если церковь имела небольшую высоту и на рисунке «спрятана» за стеной.

Однако художественная манера автора рисунка плана «Кремленаград» такова, что он охотно показывает достаточно

сложные по форме крыши обычных зданий в любых ракурсах, а при изображении церковей почти всегда ограничивается абрисом фасада, обращенного к зрителю, дополняемого передним рядом кокошников, если они имеются. То есть за редкими исключениями храмы на этом плане изображены как плоские вставки-аппликации. Это относится и к наиболее крупным и значимым храмам – к Успенскому, Архангельскому и Благовещенскому соборам, соборам ближних Вознесенского и Чудова монастырей и ко многим другим церквям. Так как план нарисован с восточной стороны при взгляде на запад, то и у всех церковей мы видим только одну восточную стену и часть кровли, доходящую до барабанов глав. Поэтому и в данном случае, скорее всего, перед нами не стена звонницы, а восточная алтарная стена Афанасьевской церкви.

Вплотную к северной стене этой церкви, выходя уже на Спасскую улицу, за восточной стеной монастыря, показан небольшой одноглавый храмик, возможно упоминаемый в летописях придел во имя св. Пантелеимона.

Имеется, правда, еще одно изображение монастырского храма, но оно явно вторичного происхождения. Это гравюра Н. Никольского «Московский Вознесенский монастырь в начале XVII века», приведенная в книге А. Пшеничникова о Вознесенском монастыре (51, рис. 15). У левого края этой гравюры, почти детально копирующей фрагмент плана «Кремленаград», изображен северо-восточный угол Кирилловского подворья с Афанасьевским храмом. На гравюре также показаны три верхних прясла восточной стены, но уже с полукруглыми закомарами и одинаковыми арочными окнами. Они отделены от нижней части четверика небольшими поясками, а барабан главы храма опирается на пологий невысокий купол. В центре нижней части четверика имеется прямоугольное окно. К северной стене храма также примыкает пристройка. Она перекрыта плоским полукуполом, но уже без главки, обычно означающей наличие самостоятельного престола. Возможно, этот рисунок сделан позднее, когда придела у храма уже не было. Пояски четверика на пристройке подхвачены таким же простым карнизом, завершающим ее стену с прямоугольным окном.

Северная граница подворья ограждена простым забором, а не келейным корпусом, как на плане «Кремленаград». Как видно, главной задачей художника было все-таки изображение Вознесенского монастыря, а не его окружения. К тому же он не мог видеть храмов Кирилловского подворья в натуре, снесенных в 1776 г., но все же жаль, что в его рисунок не попала южная часть подворья с Кирилловской церковью, так как даже в поздней интерпретации могли сохраниться некоторые важные детали, совершенно нам недоступные.

На плане «Кремленаград» к южной стене Афанасьевского храма, но уже полностью за монастырской стеной, примыкает храм совсем другой архитектуры, стоявший рядом с ним. Это был невысокий, ниже предшествующего, одноглавый храм с небольшой главой, барабан которой стоял на широком плоском куполе перекрытия четверика основного объема. По всей видимости, это церковь во имя Кирилла Белозерского, построенная, возможно, одновременно с Бобынинским храмом Афанасия Александрийского в 1514 г., как показано на схеме Бартенева, или позднее, уже при Иване Грозном в 1571 г., что считал более вероятным Забелин (23, с. 197). Тем не менее по сумме косвенных признаков вторая версия — И.Е. Забелина — представляется более вероятной.

В плоскости восточной монастырской стены, продолжающейся к югу от Афанасьевской церкви, показаны три проема. Ближайший к церкви — узкий, но высокий, вероятно, дверной арочный проем с двумя маленькими окошками по бокам верха арки. Над этим входом различима маленькая главка надвратной церкви или часовни. Далее к югу изображен более широкий арочный проем ворот с плоскими пилястрами по бокам. Чисто зрительно ворота на рисунке показаны на фоне южной части алтарной стены Кирилловской церкви, но между ними и храмом должно было быть достаточное расстояние для проезда во двор, если обогнуть церковь с южной стороны. Это подтверждается тем, что надвратный храмик над дверью помещен между стеной монастыря и церковью св. Кирилла, а ведь он имел какую-то ширину.

По периметру подворье на рисунке ограждено келейными и хозяйственными корпусами, имевшими небольшие наружные входы, показанные в южной части восточного корпуса и посередине южного корпуса. В западном корпусе, смежном с соседним владением, судя по характерному виду здания, видимо, размещались конюшни с тремя воротами, выходящими на монастырский двор.

Со временем здания подворья приходили в ветхость, разрушались при пожарах и в донесении 1731 г. в Коллегию Экономии архимандрит Кириллова монастыря Иринарх сообщал, что «от древних лет построен в Кремле городе Афанасьевский монастырь, который приписан к тому Кириллову монастырю на подворье, а в том монастыре на соборных церквах кровли покрыты черепицею и та черепица вся обвалилась и от течи своды повредились и во многих местах стены разселись, отчего строение рушится», и просил «то строение осмотреть и перекрыть, дабы то строение и пуше не развалилось и в большой убыток не пришло» (23, с. 196). Неизвестно, успели ли провести по этому прошению полнообъемные ремонтные работы. Судя по дальнейшим событиям, обвалившаяся черепичная кровля была заменена тесовым покрытием. А через шесть лет случилась новая беда.

Большой московский пожар 1737 г. причинил монастырю еще более значительный урон. Строитель монастыря доносил о состоянии обители после пожара: «в оном подворье на св. церквах главы сгорели и кресты свалились и в кельях всякое деревянное строение внутри и кровли все погорело без остатку, отчего и каменное здание повредило и сыплется; сквозь своды от дождевой мокроты имеется во многих местах не малая теча и опасно, чтоб всему монастырскому каменному зданию от течи конечного повреждения не случилось» (23, с. 195–196). Кроме этих наружных повреждений от пожара «в церквах деисусы и местные образа погорели, многие повредились; в Кирилловской церкви антиминос погорел; колокольня обгорела и колокола опустились, но ризница вся вынесена в целости». (23, с. 195–196).

Для ликвидации последствий пожара была составлена смета необходимых расходов, включающая ценную для нас

опись зданий и сооружений подворья, включавшая: «1) церковь Афанасия и Кирилла с трапезою и папертьми, вокруг 52 саж., крыто было тесом; 2) св. ворота с оградною стеною; 3) начиная от ограды кельи каменные, жилые, позади церкви, в длину на 12 саж., в ширину 4 саж.; в них были потолки накатные и полы и в окнах рамы и крыльца деревянные; 4) кельи жилые на 28 саж. с крыльцами и нужниками, с кровлею на два ската; 5) сушило кладовое на 16 саж., с крыльцом каменным; 6) на конюшенный двор ворота каменные и ограда; 7) над воротами жилые полаты на 8 саж., при тех полатах нужник шириной 1,5 арш., длиною 3 саж.; 8) на конюшенном дворе на конюшнях сушилы каменные дл. на 6, поперек 4 арш». По смете на возобновление всего разрушенного потребовалось «2865 р. с коп.» (23, с. 196).

В этом тексте наибольший интерес представляет описание церкви Афанасия и Кирилла как единого здания с общей трапезой, папертьми и общим периметром стен порядка 111 м. По-видимому, построенные когда-то как отдельные здания, за более чем 200 лет эти церкви обросли пристройками, галереями и превратились в общий внешне объем, состоящий тем не менее из двух самостоятельных сооружений. Исходя из длины общего периметра 111 м, можно оценочно определить порядок величин размеров церквей. Считая условно их одинаковыми по площади, получим периметр каждой из них 56 м, а следовательно, длину одной стены при квадратном решении — 14 м, что дает площадь застройки каждой почти 200 кв. м. При ширине 10 м длина храма получается 20 м. Конечно, здесь возможны варианты, к тому же неизвестны размеры папертей, включенных в общий периметр, но даже учет их размеров приводит к выводу, что это были немаленькие церкви.

К сожалению, отсутствие хотя бы одного изображения масштабного плана не дает нам возможности для более уверенных и подробных выводов. Забелин, правда, упоминает межевые планы архитектора В. Яковлева, которые он, похоже, где-то видел и которые могли сохраниться.

Понятно, что такое тесное расположение церквей создавало значительные неудобства. Забелин приводит текст про-

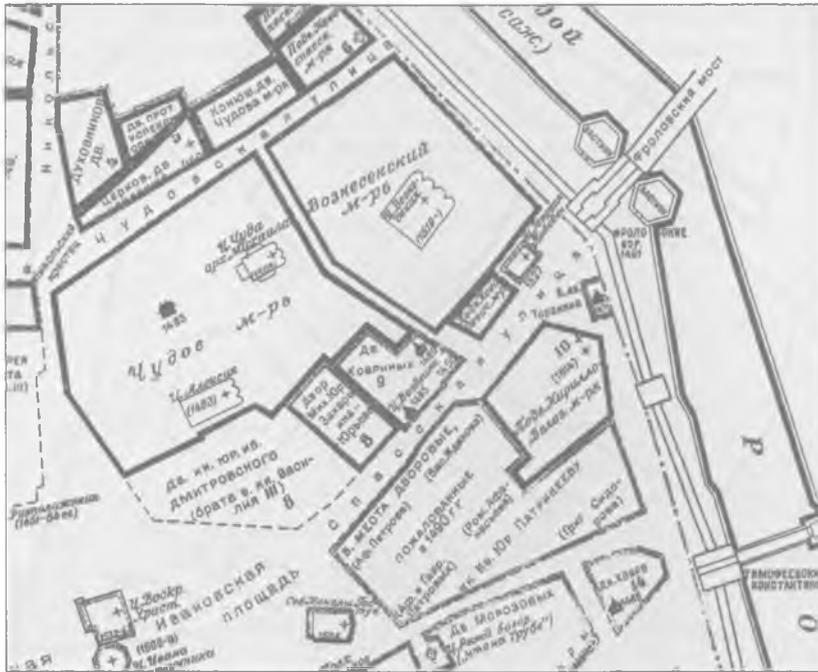
шения стряпчего Кириллова монастыря, направленного в 1757 г. в Духовную Консисторию, в котором объясняется, что «на подворье каменная теплая церковь во имя Кирилла Белозерского пристроена к алтарю Афанасьевской церкви, отчего в Кирилловской совершенная тьма; в алтаре и в церкви только по одному небольшому окну; от Афанасьевской к Кирилловской церкви каменные крытые переходы также не пропускают света в церковь». В ответ на это прошение было разрешено перенести Кирилловскую церковь в три каменные палаты, находившиеся с северной стороны Афанасьевской церкви и являвшиеся собственно боковой папертью храма. Одна из палат предназначалась для алтаря, другая – для церкви, третья – для трапезной. При этом переносе, однако, прежнее здание церкви не было разобрано, потому что имело с папертями Афанасьевской церкви общие стены. Кстати, именно поэтому Забелин допускает, что Кирилловская церковь была построена в одно время с Афанасьевской, возможно, еще Бобыниным в 1514 г., но в то же время считает ее сооружение более вероятным при Иване Грозном в 1571 г. (23, с. 196–297). Трудно, конечно, с уверенностью соотносить письменные и графические свидетельства, разнесенные во времени на два столетия, но по комплексу косвенных признаков можно сделать осторожное предположение, что все-таки церковь св. Афанасия была первым и отдельным каменным строением на этом месте, так как в прошении стряпчего ясно говорится, что Кирилловская церковь была «пристроена к алтарю Афанасьевской». Далее же говорится об общих стенах папертей, которые могли быть сооружены позднее, а не стенах самих храмов. На плане «Кремленаград» Афанасьевская церковь показана встроенной в восточную стену монастырской ограды, а Кирилловская – уже внутри территории монастыря.

Определенная трудность возникает при объяснении пристройки Кирилловской церкви именно к алтарю Афанасьевской. Это было возможно только в том случае, если бы оба храма стояли вплотную друг к другу, а их алтари находились на одной линии. Тогда оба храма действительно не могли бы освещаться естественным светом через окна в смежных стенах.

Алтарь Афанасьевской церкви имел освещение через окна в высоких апсидах. Теплые зимние церкви в целях сохранения тепла всегда строились меньшими по объему, чем летние, и это показано на плане «Кремленаград». Но, судя по схематическим планам С.П. Бартенева и И.А. Голубцова, эти церкви даже если и стояли вплотную друг к другу, все же с некоторым сдвигом к западу Кирилловской церкви по отношению к Афанасьевской. Проблема освещения при этом все равно остается, но примыкания Кирилловской церкви именно к алтарю Афанасьевской не происходит. В то же время крытые переходы и паперти, конечно, давали дополнительное затемнение. Попытка предположить ошибку в сведениях Бартенева, поменявшего местами церкви, снимет это противоречие, но создаст несколько новых, еще более труднообъяснимых. Например, станет непонятной рекомендация Духовной Консистории перенести Кирилловскую церковь в кельи у северной стены Афанасьевской, так как в этом случае их просто не будет. Забелин замечает, что это были даже не кельи собственно, а паперть Афанасьевской церкви. Поэтому слова текста прошения Кирилловского стряпчего не следует воспринимать буквально.

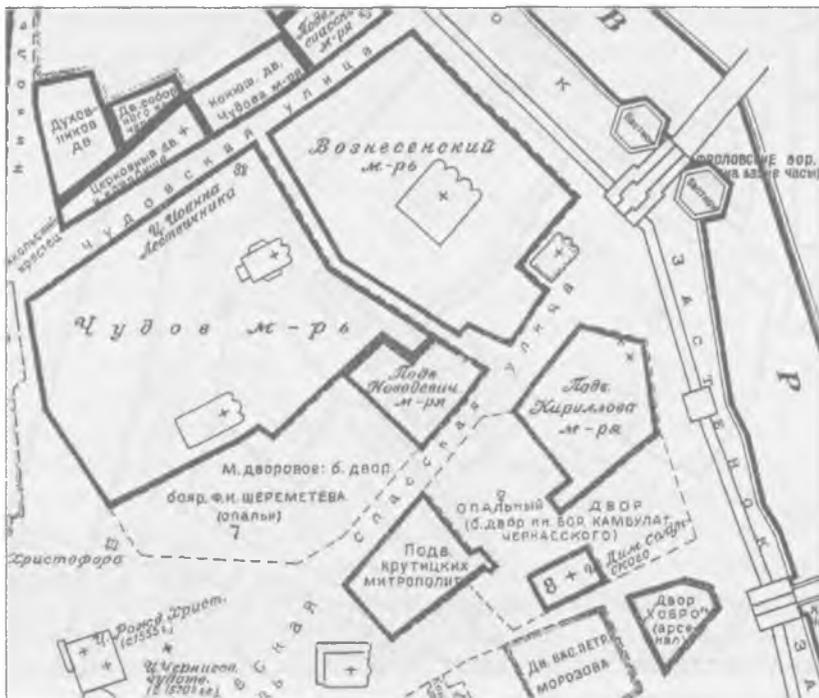
Некоторую ясность во взаимное расположение Афанасьевского и Кирилловского храмов вносит план Кремля, приведенный П.В. Сытиным (69, с. 385). В отличие от планов Кремля И.А. Голубцова (илл. 31, 32) в «Истории Москвы» (29), основанной на источниках С.П. Бартенева, опубликованных в его труде «Московский Кремль в старину и теперь» в 1912–1916 гг. (5), П.В. Сытин опирается на план Кремля конца XVIII – начала XIX в. из книги Бочарова «Москва и москвичи» (Вып. 1. М., 1841. Ч. 1). На плане Кремля, приведенном Бочаровым, Афанасьевский монастырь, как и весь юго-восточный угол Кремля со зданиями Приказов, показаны как уничтоженные или предназначенные к сносу (илл. 33). Однако здесь сохранены очертания отдельных объектов, а не только общие схематические планы территорий, как у И.А. Голубцова.

На плане Бочарова прежде всего обращает на себя внимание различие в ориентации храмов, расположенных по



Илл. 31. Кремль времени великих князей Ивана III и Василия III к 1553 г.  
Схематический план И.А. Голубцова. Фрагмент

разные стороны от Спасской улицы. Храмы Вознесенского и Чудова монастырей ориентированы на восток весьма приблизительно, со значительным отклонением к северу, почти на северо-восток. Храмы Афанасьевского монастыря ориентированы на восток практически точно, как и все храмы Соборной площади. Причины этого отклонения очевидны: у Спасских ворот стены Кремля имеют значительный перелом, и южное прясло почти точно идет на юг, а северное – поворачивает на северо-запад. Храмы же по сторонам Спасской улицы поставлены с ориентацией в целом на восток, но при этом перпендикулярно соответствующим пряслам кремлевской стены. Для нас это важно потому, что на чертеже Бочарова, где показаны очертания и стен монастырей, и стен храмов,

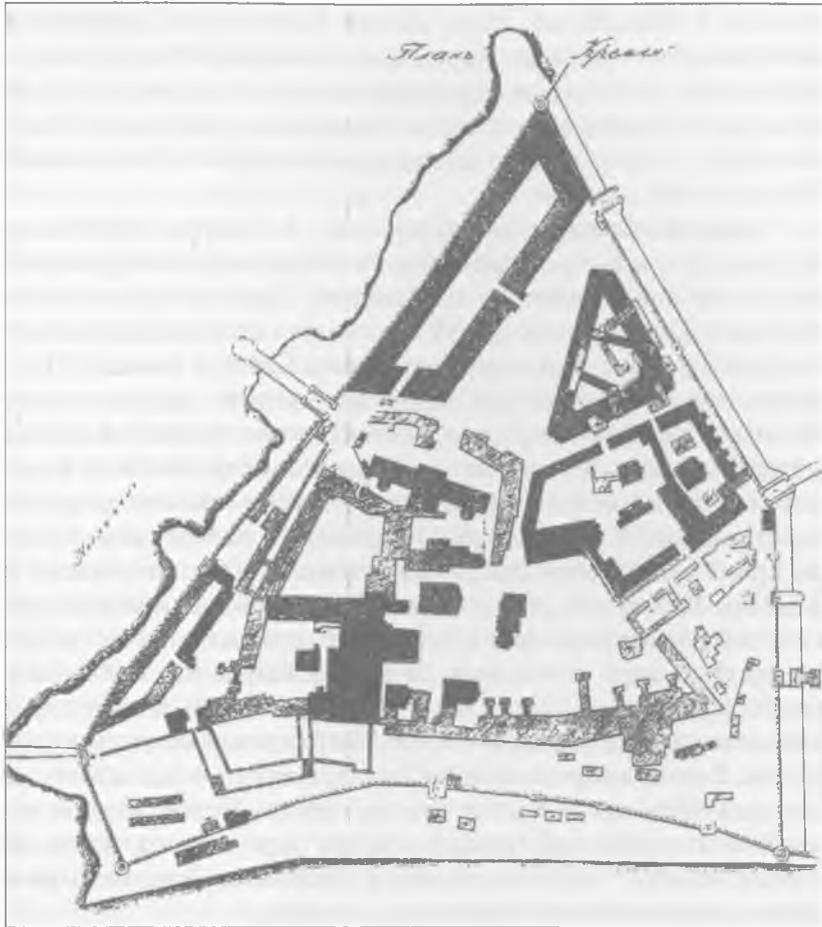


Илл. 32. Кремль в конце царствования Бориса Годунова к 1605 г. Схематический план И.А. Голубцова. Фрагмент

отчетливо видно полное совпадение ориентации этих стен у Чудова и Вознесенского монастырей, и отсутствие единой ориентации стен Афанасьевского монастыря, параллельных Спасской улице, и стен обоих его храмов, что и создает ломаную, угловатую линию восточной границы монастыря на схемах И.А. Голубцова.

На плане Бочарова, наконец, видны оба храма Афанасьевского монастыря, причем, по-видимому, без папертей и крылец. Восточные алтарные стены храмов параллельны ближайшему пряслу кремлевской стены, но при этом храмы смещены относительно друг друга. Северный Афанасьевский храм имеет в плане прямоугольную форму, вытянутую с вос-

тока на запад, и в его западной части вполне могла располагаться трапезная. Непосредственно у алтарей в южной стене показан узкий, короткий переход, примыкающий к северо-западному углу Кирилловской церкви, алтарный восточный фасад которой выступает к востоку по отношению к алтарной стене Афанасьевского храма практически на всю длину Кирилловского с оставлением места для соединения с пере-



Илл. 33. План Кремля конца XVIII – начала XIX в.

ходом. Кирилловский храм также имеет в плане форму прямоугольника, но только он вытянут в необычном для храма направлении – с севера на юг. Причины такого взаиморасположения храмов и формы плана Кирилловской церкви труднообъяснимы, но понятно, что окружавшие их паперты и переход могли существенно затемнять интерьер Кирилловской церкви, сообщения о чем приведены выше.

С западной стороны территория подворья вплотную примыкала к обширному двору князей Черкасских, смежным с которым с запада было Крутицкое подворье. Эти три владения вместе составляли отдельный квартал, ограничивавший Спасскую улицу с юга. Квартал завершался церковью Николая Гостунского, в свою очередь начинавшей пространство Ивановской площади.

Афанасьевский монастырь, как и другие монастыри Кремля, кроме выполнения обычных монастырских функций, имел свое специфическое назначение. Еще при жизни преп. Кирилла Белозерского, в XV в., он стал подворьем Кирилло-Белозерского монастыря, а впоследствии, с конца XVI в., начал использоваться как место пребывания высоких зарубежных церковных иерархов, вселенских патриархов и сопровождавших их лиц, приглашавшихся в Москву в особо важных случаях. Этому способствовало его местоположение одновременно и близко от царской и патриаршей резиденций, и в то же время в некотором отдалении от них, но при самом въезде в Кремль. Кроме того, здесь останавливались еще и монастырские власти во время деловых поездок, в частности обязательно приезжавшие к государю со святой Кирилловской водой, особо ценившейся в столице, на праздники с обычными дарами монастырских изделий и по собственным монастырским делам. В свою очередь московские правители, в праздничные дни посещавшие ближние святые места: Чудов, Вознесенский, Богоявленский Троицкий монастыри – часто включали в свой маршрут Афанасьевский-Кирилловский монастырь и рядом расположенное Крутицкое подворье.

Однако, особенно в начальные годы существования монастыря, ему приходилось выполнять и другие функции.

В 1478 г. игумен Кириллова монастыря постриг в инокини вдову великого князя Василия II Васильевича Темного, мать Ивана Васильевича III, — великую княгиню Марию Ярославну с именем Марфы (51, с. 41). В 1563 г. на подворье была пострижена в инокини вдова старицкого князя Андрея Ивановича, Евфросинья Андреевна, духовником которой был Кирилловский игумен Вассиан. После пострига ее отправили на житье в Белозерский Воскресенский Горичский девичий монастырь.

Предположительно именно здесь останавливался в 1589 г. Константинопольский патриарх Иеремия, приезжавший в Москву при поставлении первого Московского патриарха Иова, а в 1619 г. Иерусалимский патриарх Феофан — при поставлении патриарха Филарета.

Иерусалимский и всея Великия Палестины патриарх Паисий в 1649 г. прожил на подворье более трех месяцев, прежде чем был торжественно принят царем Алексеем Михайловичем в Золотой палате Кремля. Здесь же перед отъездом из России 5 мая он написал грамоту о поставлении Новоспасского архимандрита Никона, будущего патриарха, в митрополиты Великого Новгорода.

Особый след в истории Москвы оставило посещение ее патриархом Антиохийским и всего Востока Макарием, дважды приезжавшим сюда (1655—1656, 1666—1669) и останавливавшимся также на Кирилловском подворье. Патриарха Макария в этих поездках сопровождал его сын, архидьякон Павел Алеппский, оставивший подробное описание их пребывания в Москве: города в целом, его укреплений, городских ворот, рек, базаров, выдающихся зданий и сооружений, приходских церквей и рядовых домов, быта и нравов москвичей того времени. Второй приезд патриарха Макария в Москву был связан с предстоящим судом над российским патриархом Никоном. Поэтому с ним вместе прибыли патриархи Макарий и Паисий. Они прибыли в Москву 2 ноября 1666 г. и после церемониальных встреч «поехали на подворье, где им уготовано стоять, в Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря» (23, с. 205). Однако они прожили здесь только три

недели, так как в связи с частыми встречами и заседаниями с высшим духовенством подворье оказалось неудобным. Из-за тесноты помещений им отвели палаты в Чудовом монастыре.

По свидетельству архиепископа Арсения Елассонского, в Смутное время именно в этом подворье, а не в Чудовом монастыре, как сообщается во всех других источниках, был заключен патриарх Гермоген. «Бояре московские изгнали и святейшего патриарха кир Гермогена и заключили его в подворье святого Кирилла (Белозерского), снявши с него архиерейские одежды, без архиерейского собора, одели его в монашеские одежды, так как имели на него большое подозрение и гнев, говоря, что при его содействии произошло народное восстание...» (4, с. 173–174). Известно, что под Афанасьевской церковью находился казенный монастырский погреб, служивший кладовой для хранения имущества частных лиц, как и во многих других каменных храмах, на случай частых пожаров. Поскольку историческое предание устойчиво утверждает, что патриарха Гермогена заточили в церковном подземелье, подвал Афанасьевской церкви мог использоваться для этой цели. Свидетельства архиепископа Арсения Елассонского достаточно надежны, так как, будучи с 1597 г. архиепископом при Архангельском соборе (как тогда говорили, «при гробах»), он жил на дворе, находившемся между Крутицким подворьем и Афанасьевским монастырем (его двор показан на схеме Бартенева), и был непосредственным очевидцем всех происходивших в Смутное время в Кремле событий. Впрочем, по-видимому, здесь не было реального противоречия в источниках, так как А.В. Карташев (правда, не делая специальной ссылки) уверенно пишет: «Патр. Гермогена сначала держали на Кирилло-Белозерском Подворье, а теперь (судя по контексту – в Страстной Вторник 1611 г., когда русское ополчение осадило Кремль с запершимися в нем поляками. – А.В.) перевели в Чудов монастырь» (31, т. II, с. 77).

Афанасьевский монастырь пользовался почетом в царской семье, о чем свидетельствуют посещения его в праздничные дни членами царской фамилии, поминальные записи на царя и царевен, прямые пожертвования монастырю, помимо

обычного жалования. Так, в июне 1571 г. Иван Грозный «пожаловал к Афанасию Великому на церковное строенье и на двор 200 руб.» (23, с. 195). Забелин полагает, что на эти средства деревянные строения монастыря: палаты, кельи, служебные здания – впервые были выстроены в кирпиче. Предполагается также, что на эти деньги могла быть построена отдельная церковь во имя Кирилла Белозерского, если она не была построена одновременно с новой Афанасьевской церковью в 1514 г.

Во время Екатерининской монастырской реформы 1764 г. Кирилловское подворье из монастырского ведения поступило по штатам в ведомство Коллегии Экономии. И тем не менее, по сведениям Н.А. Скворцова, оно сохраняло свой статус и позже: в 1774 г. назначенный служить чреду в Успенском соборе митрополит Самврийский и Горский был поселен в кремлевском Кирилловском подворье (60, с. 13).

Подворье было ликвидировано для расширения площади у Спасских ворот. Оно еще существовало в 1731 г., так как сохранились сведения, что по кончине царицы Евдокии, вдовы Петра II, выдано на помин по 10 коп. на брата в «м-рь Афанасьевский, что на Кирилловом подворье». В 1722 г. подворье состояло из 8 палат, и здесь кроме строителя с несколькими монахами жили ассессор Кондандий и Тихвинский архимандрит Варлаам с монахами (63, с. 16–18).

После передачи Кирилловского монастыря по штатам 1764 г. из монастырского ведения в ведомство Коллегии Экономии, которое уже в следующем, 1765 г., пыталось продать его с аукциона, все сооружения подворья, как и других владений в этом районе, окончательно были разобраны в 1776 г. (23, с. 207) в связи с предполагавшимся строительством Большого Кремлевского дворца по проекту В.И. Баженова. Как известно, дворец этот так и не был построен, а вся территория к югу от Спасской улицы была отведена под плац.

---

# БОГОЯВЛЕНСКИЙ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ



Богоявленский Троице-Сергиев мужской монастырь находился у Троицких ворот Кремля при входе из города, на Троицкой улице. По мнению историков, церковной легенде и по позднему свидетельству Кормовой книги Троице-Сергиева монастыря, в XIV в. великий князь Дмитрий Иванович Донской выделил в Кремле преподобному Сергию Радонежскому место у своего дворца для строительства келий и церкви на случай его пребывания в Москве (24, № 1436). Таким образом, Богоявленский монастырь изначально не был самостоятельным монастырем, а только подворьем Троице-Сергиева. Однако среди многочисленных монастырских подворий Кремля оно, наряду с Афанасьевским-Кирилловским подворьем, в исторических источниках часто называется монастырем, а во второй половине XV в. получило статус монастыря и управлялось игуменом.

Одновременно с землей в Кремле монастырю были выделены два участка вне его: «пятно Ногайское с лошади по 8 денег и пятно Московское с лошади по 2 деньги» (23, с. 422–423). На этих пятнах происходило клеймение лошадей, пригнанных на продажу, «пятнанием» тавром — прижиганием личного знака владельца с описанием примет лошадей в особом документе. Ногайское пятно находилось за городом, за Москвой-рекой, на территории Ногайского двора XIV–XV вв., где позднее размещалась Конная площадь, в районе Мытной улицы (в начале XIX в. северная ее часть передана для строительства Морозовской детской больницы по современному адресу 4-й Добрынинский пер., 1). Оно предназначалось для лошадей, пригоняемых кочевниками, которые ценились

суущественно дешевле других. Московское пятно находилось перед Китай-городом в районе церкви Спаса на Глинцах, стоявшей до 1931 г. на месте двора жилого дома № 17 по Лубянскому проезду. Здесь торговали лошадьми из России. Пошлины за клеймение лошадей должны были приносить монастырю определенный доход.

Однако существуют сомнения в том, что эти торговые площади, да и место для подворья в Кремле, могли быть даны монастырю при жизни преподобного Сергия. Эти сомнения основываются на предположениях о том, что во время пребывания в Москве преподобный Сергий мог останавливаться у своего брата Стефана, игумена Богоявленского монастыря в Китай-городе, позднее, с 1361 г., — у своего ученика преп. Андроника в Спасо-Андрониковом монастыре, а с 1378 г. — у племянника Федора, основателя Симонова монастыря. Братии же своего монастыря преп. Сергий запрещал ходить не только в столицу, но и по селам и деревням даже при крайней нужде. Документ же о пожаловании земель монастырю впервые записан в Кормовой и Вкладной книгах Троице-Сергиева монастыря в 1673 г. (14, ч. I, с. 198; 23, с. 422–423).

Несмотря на отсутствие прямых свидетельств, современных этим событиям, Забелин все же не без оснований считал, что это подворье было необходимо больше для великого князя, желавшего видеть преподобного Сергия возле себя и часто посещавшего его в Сергиевом монастыре.

Подворье размещалось возле Троицких ворот Кремля. Правильнее сказать наоборот, так как ворота, по-видимому, появились позднее монастыря и получили название по его имени. Эти ворота назывались также Ризположенскими, по-видимому, по церкви в честь Положения Риз Пресвятой Богородицы, существовавшей в конце Воздвиженки на углу с Кисловским переулком. В начале XVII в. эти ворота назывались Куретными по имени Куретных ворот Старого Государева двора, располагавшегося непосредственно за монастырской территорией к западу от нее. Тогда же эти ворота назывались Знаменскими, вероятно, как полагает Забелин, по

образу Знамени Божией Матери, написанному на стене над воротами. Такая разноголосица названий продолжалась до того, как царь Алексей Михайлович указом 19 апреля 1658 г. повелел «именовать, писать и называть» ворота Кремля и Белого города, в том числе: Фроловские – Спасскими, Куретные – Троицкими, Боровицкие – Предтеченскими. Предписанные Алексеем Михайловичем названия не прижились только для Боровицких ворот, сохранивших свое древнее название.

Ближайшее окружение подворья в начале 1600-х гг. по плану «Кремленаград», где оно изображено под № 22, составляли: расположенные прямо напротив него, через Троицкую улицу, примыкавший к кремлевской стене двор Семена Никитовича Годунова и расположенный через Житницкую улицу Кремля, соединявшую Троицкие ворота с Никольскими, двор Богдана Яковлевича Бельского. С юга и востока монастырь соседствовал со Старым Государевым двором, бывшим двором Бориса Годунова, и Новым Царским двором. К стене, слева от Троицких ворот, примыкало здание дворцового Судебного приказа (45, вкладка) (илл. 14, *цв. вкладка*). В 1561 г. двор Годунова принадлежал постельничему Ивана Грозного Игнатию Вешнякову, и здесь с 15 июня пребывала княжна Кученей, дочь кабардинского князя Темрюка Айдаровича, ставшая второй супругой Ивана Грозного.

Где-то здесь (точное место неизвестно), у Ризположенских ворот, в грозненское время находились тюрьмы, у которых происходили казни. На сводном «Схематическом плане Кремля времени великих князей Ивана III и Василия III в 1533 году», составленном И.А. Голубцовым на основании сведений И.Е. Забелина и С.П. Бартенева (29, т. I, №1), территория тюрем показана в виде квадрата, примыкавшего к кремлевской стене слева от Ризположенских (Троицких) ворот при виде из Кремля, на месте более позднего Судебного приказа. Здесь князя Шуйские в 1537 г. казнили государева дьяка Федора Мишурина, а тринадцатилетний царь Иван IV в 1543 г. приказал казнить князя Андрея Шуйского и через два года – Афанасия Бутурлина «за невежливые слова».

Территория Богоявленского монастыря, показанная на плане «Кремленаград» начала 1600-х гг., имеет форму пятиугольника, восточная сторона которого выходит на Троицкую улицу, другая, юго-западная, через переулок соседствует со Старым Государевым двором, «сиречь Бориса Федоровича Годунова, после того, как он стал царем», третья, западная, примыкает к Царскому двору, а северо-западные и западные отрезки несколько отстоят от Кремлевской стены, оставляя свободный проезд из Царского двора через Куретные ворота к Троицким воротам Кремля.

Первая церковь в честь Богоявления Господня, построенная в монастыре, по-видимому, одновременно с его основанием, была деревянной. Известное летописное свидетельство о кончине 17 сентября 1374 г. последнего тысяцкого Москвы Василия Васильевича Протасьева-Вельяминова, который «престався в чернецах и в схиме; положен бысть у церкви Богоявления» с более поздним добавлением «в монастыре св. Богоявления» (23, с. 424–425), а вслед за ним Н.А. Скворцов (59, с. 398) относили к Троицкому подворью. Однако в 1988 г. им справедливо возразил В.П. Выголов, показавший на основании исследования С.Б. Веселовского (10, с. 215), что здесь речь идет о Богоявленской церкви Богоявленского монастыря Китай-города, тесно связанного со всем родом Протасьевых-Вельяминовых и служившего их фамильным кладбищем (13, с. 21–22).

Тем не менее первое прямое летописное известие о Богоявленском монастыре в Кремле относится к 1460 г., когда «Сергиевские старцы поставили на своем дворе при игумене Вассиане Рыло каменную церковь Богоявления» (23, с. 425). Это свидетельство подтверждает более раннюю принадлежность этого места Троицкому Сергиеву монастырю — «на своем дворе», и существование предшествующей деревянной церкви Богоявления. Троицкий игумен Вассиан Рыло (1455–1466) впоследствии был ростовским архиепископом и крупным общественным деятелем времени Василия II Васильевича Темного и Ивана III Васильевича (36, с. 54–56, 272–274). В других летописях это свидетельство звучит не-

сколько иначе. Под 6968 (1460) г. сообщается: «Того же лета поставлена на Москве церковь камена Богоявление игуменом Троицким Сергеева монастыря». В этом же году, только несколько ранее, над Москвой пронесся сильнейший ураган, разметавший большинство деревянных и многие каменные постройки (49, т. VII, с. 208, т. VIII, с. 376).

Видимо, по этой причине разрушенная старая деревянная церковь Богоявления была построена уже в камне.

Следующее летописное известие о монастыре относится к 4 апреля 1473 г., когда на пятой неделе Великого поста в Кремле случился пожар, начавшийся у великокняжеской церкви Рождества Богородицы, откуда огонь распространился по близлежащим дворам, уничтожил дотла митрополичий двор и достиг Богоявления Троицкого, уцелевшего от пожара. Митрополит Филипп, только что заложивший новый большой Успенский собор, был настолько потрясен этим пожаром, что тяжело заболел и просил великого князя Ивана III отпустить его на покой от святительского сана. Иван III, не желая отпускать митрополита далеко от себя, повелел перевести его в «близ ту сущий монастырь к Богоявлению на Троецкой двор» (49, т. VIII, с. 408), где тот и скончался 5 или 6 апреля того же года.

Церковь сохранилась и в пожаре 9 сентября 1480 г., когда ее спасали от огня в течение всей ночи и части следующего дня сам великий князь Иван III и его люди (49, т. VIII, с. 444). Но то ли церковь все же значительно пострадала от огня, то ли была построена из недоброкачественного материала, но в следующем году ее пришлось разобрать, «бе бо трухлю велми» (49, т. XXVIII, с. 149, 314). На ее месте в 1480–1481 гг., уже не из белого камня, как обычно строили на Руси, а из кирпича, по рекомендации итальянских архитекторов, работавших в то время в Кремле, была построена новая церковь Богоявления Господня. Московский летописный свод сообщает под 6988 (1480) г.: «Того же лета разбираша старую церковь Богоявление на Троецком дворе в городе и заложиха новую на том же месте» (49, т. VIII, с. 445). Софийская II и Львовская летописи добавляют к этому свидетельство 6989 (1481) г.: «Того же лета

заложиши церковь Богоявления камenu и кирпичом делаша в городе Троецком подворье, а старую камenu же разрушиша» (49, т. VI, с. 233; т. XX, ч. 1, с. 347).

По-видимому, во второй половине XV столетия Троицкое подворье имело монастырский статус и именовалось Богоявленским монастырем, что означало введение должности по меньшей мере строителя, подчинявшегося игумену Троице-Сергиева монастыря. Но, даже получив этот статус, монастырь в документах именуется попеременно без какой-либо четкой закономерности то монастырем, то подворьем.

Еще одна церковь в Богоявленском Троице-Сергиевом кремлевском монастыре была построена во имя св. Сергия, видимо, вскоре после обретения его святых мощей 5 июля 1423 г. и последующей канонизации, следовательно, по мнению Забелина, в первой половине XV столетия (23, с. 426). Если это было так, то Сергиевский храм в кремлевском монастыре-подворье был вообще первым храмом на Руси, построенным во имя прославленного чудотворца. Впрочем, если считать, что Забелин говорит здесь не о самостоятельной церкви преп. Сергия, относительно которой нет никаких упоминаний в это время, а об одноименном приделе в Богоявленском соборе, то такая гипотеза возможна, но пока не подтверждена.

Конечно, храм во имя столь почитаемого святого было необходимо иметь вблизи великокняжеского и митрополичьего дворов для царского моления и служения в дни памяти святого, которые в этих случаях почти всегда проводили митрополиты, а с учреждением патриаршества в 1589 г. — патриархи.

30 октября 1532 г. московский царь Василий III Иванович в Богоявленском соборе на Троицком дворе «крестил новорожденного своего второго сына Юрья, отдавая таким образом новорожденного под покров крепкого заступника и молитвенника за всех государей Москвы. Крещение совершал Троицкий же игумен Асаф Скрипицын да старец Даниил из Переяславля» (23, с. 426–427).

В 1542 г., при девятилетнем Иване IV во время боярской смуты, руководимой князьями Шуйскими, митрополит Московский Иоасаф не поддержал их, за что подвергся великим

оскорблениям, «...начаша ему бесчестие и срамоту чинити великую и камением по келье шибати. Святитель невозможе того терпети, сойде с своего двора на Троицкое подворье... Бояре послали за ним детей боярских Новгородцев с неподобными речьми, и с великим срамом поносили его и мало его не убиша, едва у них умолил игумен Троицкий Алексей Сергием чудотворцем да боярин кн. Дмитрий Палецкой. И бысть мятеж велик в то время на Москве; и государя в страховании учиниша» (23, с. 427). После этого митрополит был сослан в Кириллов монастырь.

В 1607 г. Троицкое подворье оказалось косвенно причастным к важному событию российской истории – всенародному покаянию в государственной измене и клятвopеcтуплениях, совершенных в Смутное время. Очень многие люди всех слоев общества сначала приносили присягу Борису Годунову, затем его сыну Федору, изменив им присягой Самозванцу, которому тоже изменили. Многие уже начали присягать новому Самозванцу – Тушинскому вору. Смута была в душах россиян. Светлая идея о всенародном покаянии исходила от нового царя Василия Шуйского и вновь избранного патриарха Гермогена, поддержанных всем освященным собором. Было принято решение пригласить из Старицы низложенного «при Самозванце патриарха Иова и просить его простить, разрешить, очистить содеянные грехи клятвopеcтупления» (23, с. 428). Сосланный Лжедмитрием патриарх Иов прибыл в Москву 14 февраля 1607 г. и остановился по царскому повелению на Троицком подворье. 20 февраля в Успенском соборе состоялось торжественное всепрощение, на котором присутствовала «вся посадская Москва, гости и из всех слобод и сотен старосты, сотские, торговые и мастеровые и всякие люди мужеска полу, подавшие бывшему патриарху челобитную от всенародного множества, с великим плачем и неутешным воплем, простить и разрешить всенародные клятвенные грехи. В соборе архидьякон с амвона велегласно прочел эту челобитную, а потом и прощальную разрешительную грамоту, написанную по решению всего духовного собора» (23, с. 428).

В XVII в. Троицкое подворье выполняло несколько функций, ставших для него традиционными, которых не было у других кремлевских монастырей. Так, здесь обычно жили кандидаты в патриархи до их посвящения в сан, затем переселявшиеся на патриарший двор, а также кандидаты в архимандриты Троице-Сергиева монастыря.

Возвратившийся в Москву из польского плена 14 июля 1619 г. отец царя Михаила Федоровича, митрополит Филарет, был поселен на Троицком подворье, где к его приезду были приготовлены каменные кельи, к шести дверям которых для обивки было отпущено сукно.

31 января 1667 г., после ссылки Никона, патриархом был избран архимандрит Троице-Сергиева монастыря Иоасаф. Он жил «на своем Троицком подворье в Богоявленском монастыре» до избрания, которое происходило в царском дворце, в Теремных покоях, а после избрания шествовал «к себе на подворье в святые ворота, в церковь Богоявления, потом в церковь Сергия чудотворца, где слушал обедню, и затем удалился в келью».

Чин поставления в патриархи был достаточно сложен и продолжался несколько дней. После избрания, 8 февраля, состоялось «наречение» у Вселенских патриархов Антиохийского Макария и Александрийского Паисия в палате Чудова монастыря, откуда новонареченный патриарх Иоасаф II торжественно шествовал на свое подворье. На следующий день в Успенском соборе после малой вечерни состоялось торжественное провозглашение, или «благовестие», в котором Вселенские патриархи провозгласили его на патриаршество «Богоспасаемого града Москвы и всяя России». После этого в сопровождении архиереев патриарх Иоасаф II присутствовал на торжественном обеде в палатах у Вселенских патриархов и вновь возвратился к себе на подворье. И только 10 февраля состоялось поставление нового патриарха, после которого, вместо Троицкого подворья, он шествовал уже на патриарший двор (23, с. 430–431).

Подворье посещали также цари с семейством, часто в сопровождении патриархов, в праздник Богоявления или Крещения Господня, 6 января; 25 сентября – на память препо-

добного Сергия и 5 июля – в день обретения его мошей негленными; 8 февраля и 8 июня – в дни памяти вмч. Федора Стратилата.

В Кремле была только одна церковь во имя Богоявления – на Троицком подворье, поэтому в этот праздник царь Михаил Федорович всегда слушал в ней литургию после Иорданского крестного хода. Так как на крестный ход царь выходил в большом царском наряде, то, приходя на Троицкое подворье, он переодевался в более легкий наряд, в котором слушал церковную службу. До 1653 г. приходил на подворье в праздник Богоявления царь Алексей Михайлович, а затем стал ходить в Успенский собор. Тем не менее его сын, царь Федор Алексеевич в 1675 г. приходил в праздник Богоявления к вечерне и к обедне на Троицкое подворье. Тогда служил сам патриарх Иоаким и с ним три митрополита, два архиепископа, один епископ, четыре архимандрита, шесть игуменов и протопопы.

В летописях отмечено, что в дни памяти преподобного Сергия, 5 июля и 25 сентября, к литургии на подворье в Сергиевскую церковь приходили по особым внутренним переходам цари Михаил Федорович, Алексей Михайлович, Федор Алексеевич. В особо торжественные дни Алексей Михайлович провозжал на подворье иконы с крестным ходом, взятые из его храмов. Приходил сюда и молодой царь Петр Алексеевич с царицей и старшими царевнами, также внутренними переходами.

Эти тайные внутренние переходы, связывавшие царский двор с различными другими территориями, неоднократно упоминаются в летописях и являются одной из загадок Кремля, так как их точное расположение и количество остается неизвестным.

Около Троицкого подворья постоянно обитали нищие «леженки», называемые еще «кибиточными», которые не могли ходить. Их число достигало 14 человек, и почитались они почти как юродивые. Все патриархи в праздники памяти св. Сергия при посещении подворья раздавали им милостыню.

Празднование памяти св. Федора Стратилата особо отмечал царь Алексей Михайлович, построивший на подворье особый придельный храм в его честь у Сергиевской церкви, так

как этот святой был небесным покровителем его сына, будущего царя Федора Алексеевича, который, естественно, поддерживал эту традицию (23, с. 430–431).

Еще одна новая функция появилась у Троицкого подворья в 1679 г., когда царь Федор Алексеевич повелел поместить здесь школу для изучения греческого языка – зародыш Славяно-греко-латинской академии (24, № 1436).

Об архитектуре храмов Богоявленского монастыря в Кремле этого времени можно говорить только после их радикальной перестройки, осуществленной в связи с пожаром 1 февраля 1565 г., зафиксированной на плане Кремля «Кремленаград» начала 1600-х гг, на котором относительно достоверно изображены кремлевские здания и сооружения.

Во время изготовления этого плана территория монастыря состояла из двух частей, разделенных забором на высоких деревянных столбах. Северная его часть отделялась от Троицкой улицы протяженным корпусом, начинавшимся от церкви св. Сергия и заканчивавшимся небольшим, круглым в плане одноглавым храмом неизвестного посвящения, входа в который со стороны монастырского двора не видно. К этому храму примыкал боковой стеной небольшой корпус с арочным проездом по центру. Дальше к востоку, вплоть до стены царского двора, монастырского ограждения нет, но показана дорога, выходящая из ворот этого двора, скорее всего как раз Куретных, потому что над ними изображена башенка, которой нет на других воротах, находившихся севернее, и которая заканчивается у наружного торца корпуса с арочным проездом. Характерен общий вид северной территории, имеющей форму трапеции.

Южная территория монастырского двора с запада не имеет четкой границы. Там изображены два параллельных, возможно, двухэтажных корпуса, за которыми дальше к западу видны небольшие домики, видимо уже служебной задней части царского двора. Южная граница этой территории и монастыря в целом также не вполне ясна. Скорее всего, на плане она обозначена забором, идущим от маленькой круглой в плане одноглавой церковки до ближнего корпуса на западной

границе. По плану «Кремленаград» эта церковь показана относящейся к монастырю. Пространство между южной границей монастыря и двором Годунова в этом случае оказывается проездом, ведущим к Новому царскому двору, на который ориентированы въезды из монастыря и со двора Годунова. В центре южной монастырской ограды показан одноэтажный корпус с арочным проездом посередине. Между ним и западным корпусом показан еще один арочный проем в ограде, и, наконец, в этот проезд выходят двери церковки на углу Троицкой улицы и примыкающей к ней маленькой прямоугольной пристройки типа караульной будки.

На восточной границе этого монастыря, между Сергиевским храмом и угловой церковью, не видно вообще никакой ограды. Возможно, ее не было в 1600-е гг., и монастырские храмы были открыты для всех посетителей, но скорее она все же существовала и не показана просто потому, что на рисунке плана это было сделать затруднительно чисто технически.

Отмеченная выше трапециевидная граница северной территории хорошо видна на «Годуновом чертеже» начала 1600-х гг. (45, с. 54–55, рис. 166), более подробной и увеличенной частью которого считается план «Кремленаград». Повидимому, там же изображены оба главных храма монастыря и разделяющая северную и южную части его территории перегородка в виде протяженного корпуса. Различима территория монастыря на «Петровом чертеже» (45, с. 50–51, рис. 16а). На «Сигизмундовом» плане читается характерный силуэт церкви преп. Сергия (45, с. 65, рис. 20). Возможно, он изображен на гравюре М. Мериана 1638 г. (45, 74–75, рис. 27а) и хорошо виден на плане А. Мейерберга (45, рис. 27в).

Ближе к восточной границе южной части, вплотную к забору монастыря, разделяющему обе территории, изображен Богоявленский храм. Он показан здесь трехглавым, с повышенной средней частью, с тремя апсидами и позакомарным покрытием. Из рисунка на плане неясно, имелся ли вход в храм со стороны северного двора, но забор показан сплошным, хотя устройство забора позволяло поместить проездные ворота в любом его пролете. Для входа же в Богоявленский

храм такой проход мог осуществляться как через северные, так и через западные двери храма. Сведения о первоначальном трехглавом завершении храма подтверждаются летописным свидетельством о пожаре 1565 г., где упоминается, что загорелся в числе прочих зданий и сооружений и Троицкий монастырь с церковью Богоявления, у которой сгорели «три верхи». Однако, как отмечает Забелин, на рисунках XVII в. она изображена одноглавой и шатровой, вследствие чего он предполагает, что церковь была «в таком виде выстроена после этого пожара» (23, с. 427). Тем не менее на плане «Кремле-наград» церковь Богоявления показана трехглавой. В связи с этим возникает подозрение, не принял ли Забелин шатровую и одноглавую Сергиевскую церковь на тех планах Москвы XVII в., где не видно изображения Богоявленского собора, за сам Богоявленский собор.

Короткое, но важное документальное свидетельство об этом храме и о других строениях монастыря относится к 1763 г. и содержится в Описи зданий подворья, составленной в связи с готовившимся Указом о секуляризации церковных земель. Среди них в описи значится «каменная церковь Богоявления, длиною 6 саж., шириною 5 саж. 1 арш., крытая железом» (23, с. 435), то есть имела размеры 12,8 × 11,4 м. Отметим, что ни здания трапезной, ни колокольни, ни приделов при этом храме не отмечено.

Строительство храма во имя преподобного Сергия относится к 1557 г. (45, с. 49, рис. 15в), когда после пожара 1 февраля восстанавливались монастырские сооружения. Храм находился как раз в месте примыкания двух монастырских территорий друг к другу и по центру разделяющего их забора, так что в его южные двери можно было войти с южной монастырской территории, а в западные, как отмечено выше, со стороны примыкающего к нему корпуса на северном дворе. Северного входа в храм с Троицкой улицы не было. Храм на рисунке плана изображен шатровым, одноглавым, трехапсидным, с пристроенной к южной стене колокольней или приделом.

Более подробную информацию об этом храме, как, впрочем, и о других особенностях монастырской застройки, мож-

но увидеть в рисунке «Книги об избрании на превысочайший престол великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича...», созданной в 1672–1673 гг. для увековечения памяти о восшествии на престол династии Романовых (37; 9) (илл. 15, *цв. вкладка*). Судя по этой миниатюре, с тщательно проработанными деталями, храм был одним из красивейших зданий Кремля. В пространственно-типологическом отношении он завершал хронологическую группу столпообразных шатровых храмов Москвы XVI в., в которую входят построенные до него церковь Вознесения в Коломенском 1532 г., церковь Иоанна Предтечи в Дьякове, сооруженная между 1547 и 1554 гг., собор Покрова, что на Рву, известный также как Троицкий собор, и собор Василия Блаженного работы 1555–1561 гг. Шатровые церкви в Москве обычно строились как памятные храмы в честь важных государственных событий (23, с. 426–427). Сооружение храма в честь «Печальника Земли Русской» на подворье основанного им монастыря – событие необходимое и естественное.

Церковь св. Сергия могла иметь в плане форму греческого креста – типа плана Вознесенской церкви в Коломенском (без террасы-гульбища). Эту особенность храма пытался отобразить на своем рисунке миниатюрист, хотя и не совсем удачно. Тем не менее на этом рисунке северо-восточный угол внутреннего квадрата креста внизу читается вполне отчетливо. Церковь была в целом двухъярусной, причем нижний ярус в форме креста тянулся вверх до уровня полукруглых кокошников в четыре ряда, за которыми следовал невысокий промежуточный квадратный в плане ярус с узкими окошками и двумя рядами кокошников с треугольным завершением, являвшийся основанием для восьмигранного шатра со сходящимися кверху раскреповками. Наверху на низком барабане покоилась аккуратная приземистая главка, увенчанная восьмиконечным крестом. Шатер был облицован цветными изразцами, подобно центральному храму Покровского собора, что на Рву.

Углы стен этой церкви были обработаны лопатками. Центральная апсида несколько выступала из плоскости восточ-

ной стены наружу и, не доходя до поля закомар, заканчивалась треугольным фронтоном. В нижней части центральной апсиды показано обрамление проема дверного типа, хотя наружный вход в алтарь вряд ли мог быть, так как в средней его части показано довольно большое арочное окно, а в верхней, до основания завершающего треугольника, — колончатый пояс без аркатур. Подобные пояса проходили в средней части крайних апсид и в верхней части всех трех апсид, где они служили основанием для спаренных пилястр с плоскими капителями, поддерживающих арочные завершения закомар. В средней части боковых апсид, на уровне фронтона центральной, изображены маленькие круглые окошки.

В боковой северной стене храма кроме арочных окон в закомарах показаны меньшие арочные же окна, располагавшиеся несколько ниже, на уровне круглых окон восточного фасада. Верхний колончатый пояс продолжается на северной стене, а нижний нет. Наконец, на этом фасаде не показаны возможные северные двери, что исключает вход в храм с Троицкой улицы.

По описи 1763 г., «при ней (церкви Богоявления. — *А.В.*) церковь чуд. Сергия, длиною 15 сажень в том числе и трапеза, шириною 6 саж., крытая тесом» (23, с. 435), или  $32 \times 12,8$  м. Логично предположить, что указанная ширина храма является одновременно шириной креста плана. В таком случае размеры плана Сергиевской церкви существенно меньше размеров ближайшего его аналога — церкви Вознесения в Коломенском, имеющей размер креста основания 18,5 м.

На миниатюре показано, что к западной стене Сергиевской церкви примыкает двухсветный объем, в котором, видимо, располагалась трапезная. Трапезная неоднократно упоминается в исторических документах о Богоявленском монастыре, причем, как правило, как принадлежность именно Сергиевского храма, так как в Богоявленском из-за малых размеров ее быть не могло. Так, 19 мая 1674 г. при отпевании великого боярина Ильи Даниловича Мстиславского, тестя царя Алексея Михайловича и отца царицы Марии Ильиничны, его «вынесли» на Троицкое подворье в церковь св. Сер-

гия, что у Трапезы» (23, с. 438). Здесь интересно, что не трапезная оказывается при церкви, а церковь у трапезы. Видимо, эта трапезная занимала особенное место среди зданий и сооружений монастыря. В этот день праздновали память святителя Алексия, и для участия в этом празднике в Москву приехали Антиохийский патриарх Макарий и Александрийский патриарх Паисий, которые вместе с Московским патриархом Иоасафом II совершили на подворье «отпевание в трапезе; в самой церкви было непоместимо». Упоминается трапезная также как место для тайного присутствия на общей молитве цариц, царевен и царевичей. Так, к литургии в день памяти св. Сергия на подворье приходил молодой царь Петр, царица и старшие царевны, а также патриарх. «За патриархом следом приходили царевны тайно и стояли во время службы в трапезе за занавесками» (23, с. 433).

Размеры трапезной при церкви св. Сергия можно ориентировочно установить, основываясь на тексте описи 1763 г. Полагая, что крест в плане церкви был равносторонним, а трапезная по ширине равнялась ширине выступающих сторон этого креста, получим примерные размеры трапезной –  $9 \times 5$  сажен, или  $19,3 \times 10,7$  м. Отметим, что здесь условно принята длина выступающих сторон креста в полсажени. Такая трапезная при двустороннем и двусветном освещении представляется весьма удобной для проводимых в ней мероприятий и заслуживающей упоминания в исторических документах.

С южной стороны к храму пристроена двухъярусная колокольня с четырехскатной или, скорее, конусной ребристой кровлей и с большим арочным проемом в верхнем ярусе, в котором виден большой колокол. В средней части колокольни имеется колончатый пояс, условно продолжающий пояс на восточной стене храма. Судя по тому, что на миниатюре в месте примыкания колокольни к храму изображен южный вход в храм в виде вынесенного тамбура с арочным дверным проемом, выше которого виден плоский козырек, колокольня была значительно отнесена от линии алтарной стены храма к западу. В описи 1763 г. о колокольне сказано удивительно безразлично:

«При одной из церквей под деревянную крышку висело 6 колоколов, — это была небольшая колокольня» (23, с. 435).

В 1661 г. царь Алексей Михайлович построил новую придельную церковь во имя св. Федора Стратилата, небесного покровителя его сына, будущего царя Федора Алексеевича, родившегося за три дня до праздника Троицы. Это совпадение, наложившееся на особое почитание преп. Сергия членами царствующего дома, вполне объясняет возведение такой церкви на Троицком подворье. Церковь строили русские мастера каменных дел «подмастерье Иван Апсин и каменщики Емелька Семенов с товарищи».

Об этой церкви никаких графических свидетельств не сохранилось. Поэтому о ее архитектуре и даже о ее расположении можно судить только предположительно, основываясь на косвенных данных. Из исторических свидетельств известно, что с 1664 г. на службе в ней состояло белое духовенство, то есть она не считалась монастырской и находилась на царском иждивении. В ее штате числились два попа, дьякон, два дьячка, пономарь и сторож, получавшие жалованье или ругу деньгами, материей и хлебом. Штат церкви был минимальный, тем более для кремлевского храма. При царе Федоре Алексеевиче руга была увеличена почти вдвое, но Петр Алексеевич в 1700 г. отменил ругу вообще, и церковь была оставлена на попечение Троицкого монастыря. Тем не менее в этом же году за казенный счет она была поновлена, расписана стенным иконным письмом и получила из приказа Большого Дворца служебные книги и церковную утварь, а из Казенного приказа — ризы.

В описи 1763 г. об этой церкви сказано: «Между Богоявленской и Сергиевской предельная во имя Федора Стратилата, длиною 5 сажен, шириною 2,5 саж., крытая тесом» (23, с. 435). Отсюда как будто следует, что эта церковь размещалась в отдельном здании. На упоминавшейся миниатюре из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича» непосредственно между этими храмами никакой церкви не показано. Книга с миниатюрой датируется 1672–1673 гг., то есть она создана через 11–12 лет после возведения церкви

св. Федора Стратилата. Возможно, миниатюра изображает пространственную ситуацию этого кусочка Кремля на момент события, а именно на тот день 1613 г., а именно на субботу 20 февраля, на первой неделе Великого поста, после обедни, когда на подворье Троице-Сергиева монастыря пришли депутации москвичей, просивших об избрании на царство Михаила Романова.

Келарь Троице-Сергиева монастыря, сподвижник Дмитрия Пожарского Авраамий Палицын, находившийся в это время в Москве, в своей книге «Сказание о осаде Троицкого монастыря» сообщает, что «в Богоявленский монастырь на Троицкое подворье приходили многие дворяне и дети боярские и гости многих разных городов; и атаманы и казаки открывали ему свою мысль и благое изволение избрать именно Михаила. Приносили об этом и свои писания, моля старца да возвестит о сем державствующим тогда боярам и воеводам. Старец от великой радости исполнился многих слез и скоро пошел возвестить о том всему освященному собору и боярам и воеводам и всему Синклиту, которые, слышавше, благодарили Бога о преславном начинании». Поверившие этому тексту историки стали утверждать, что избрание Михаила происходило на Троицком подворье (23, с. 428).

Именно эта встреча старца Авраамия Палицына с депутациями москвичей и является центральным событием миниатюры, а не демонстрация красоты Сергиевской церкви, что хорошо видно на наиболее полной публикации ее в издании книги А.Ф. Малиновского «Обозрение Москвы» (37, илл. *цв. вкладка*). Старец Авраамий, прославившийся позднее при обороне Троицкого монастыря в 1618 г., стоя на северной паперти Богоявленского собора перед москвичами, читает свиток, в котором, видимо, содержится проект их послания Собору.

Здесь наконец-то показан полностью Богоявленский собор в 1613 г. Видна главная его особенность — трехглавие, но и серьезная несообразность изображения: на миниатюре показаны только две апсиды на восточной стороне. Это могло быть в случае однопрестольного храма с приделом. Однако

приделов у Богоявленского собора не было. Поэтому эту несообразность следует отнести исключительно к числу несущественных для автора рисунка в данном случае деталей изображения. Иконный разворот храма в обратной перспективе обусловлен, возможно, не только желанием показать восточный фасад, но и спецификой его постановки на монастырской территории — углом к ограждению, что видно еще на плане «Кремленаград». План храма зрительно близок к квадрату, имеется подклет и трехчастное деление плоскостей стен. Завершения закомар, кокошников и дверного портала — килевидные (кроме одного кокошника под барабаном центральной главы), практически совпадающие с абрисом куполов. Позакомарное покрытие подходит к барабанам глав с узкими высокими окнами. Плоскости стен обработаны лопатками с плоскими капителями и двумя декоративными поясами, один из которых — колончатый — типа поясов Сергиевской церкви, проходит по середине высоты стен. Второй, состоящий из квадратных ширинок с круглыми медальонами, проходит на уровне пят килевидных арок закомар. В верхней части боковых плоскостей северной стены изображено по одному арочному окну. Завершения апсид полукруглые, на них по одному прямоугольному окну. Удивительна многоступенчатая лестница, ведущая с паперти внутрь храма куда-то высоко вверх.

В полном соответствии с описанием келаря Авраамия на миниатюре изображены два потока депутации москвичей. Один поток подходит со стороны царского двора, возможно, что это изображены «многие дворяне и дети боярские». Для нас интереснее другой поток депутатов, подходящий к собору из города, видимо «гости многих разных городов», так как это был обычный путь в монастырские церкви и для всех москвичей, не живущих в Кремле. Войдя в Кремль через Троицкие ворота, они прошли по Троицкой улице мимо храма преп. Сергия, затем мимо четко нарисованной ограды монастыря до небольшой церкви или часовни, изображенной на переднем плане миниатюры и занимавшей выгороженный угол монастырской территории, открытый со стороны Троицкой улицы. Видно, что депутация входит в это здание со сто-

роны проезда между подворьем и двором Бориса Годунова, выходит из нее и тут же, поворачивая, проходит в небольшую пристройку, сообщавшуюся с монастырской территорией, так как затем оказывается внутри ограды монастыря. Здесь, минуя Сергиевскую церковь, депутаты выходят к северной паперти Богоявленского собора.

Очевидно, что эта церковь с пристройкой идентична по расположению изображенной в этой части подворья на плане «Кремленаград», но совершенно другая по архитектуре. Вместо довольно условного круглого объема здесь изображен квадратный в плане храм с тремя рядами кокошников, подводящих покрытие к небольшому ребристому шатру, на котором на низком барабане водружена маленькая главка. Главной особенностью этого храма является наличие сквозного прохода в нем, который тем не менее не ведет непосредственно на территорию подворья. Для этого сооружена специальная проходная пристройка. Таким образом, это была проходная часовня перед входом на монастырскую территорию, выполнявшая функцию надвратного храма над Святыми воротами, так как на реальных воротах подворья, показанных на плане «Кремленаград» к западу от этой церкви, надвратного храма не было. Если изображение буквально воспроизводит архитектуру зданий, то наличие входа с восточной стороны, на месте, где должен был находиться алтарь, означает, что это была не церковь, а часовня.

Наконец, в правой нижней части миниатюры изображен еще один храм, находившийся напротив Троицкого подворья, через Троицкую улицу, и полнее всего показанный на иллюстрации в книге И.Л. Бусевой-Давыдовой (9, с. 224, рис. 83), где видны две его главки. Этот храм не имеет отношения к Троицкому подворью, но его расположение может помочь в идентификации других объектов.

На плане «Кремленаград» в этом районе показан двор Богдана Яковлевича Бельского. Богдан Бельский был сподвижником Бориса Годунова еще по службе у Ивана Грозного, попал при Годунове в опалу, получил при Самозванце боярский чин, при Василии Шуйском был сослан в Казань, отказался от при-

сяги Тушинскому вору в 1606 г., за что был сброшен с высокой башни возмущившимся народом. Его имущество поступило в собственность новоизбранного царя Михаила Романова, а его двор перешел во владение боярина князя Ивана Васильевича Голицына. После его смерти в 1627 г. по указу патриарха Филарета двор был продан новому тестю царя, Лукьяну Степановичу Стрешневу, отцу царицы Евдокии Лукьяновны. Ссылаясь на «некоторые указания», И.Е. Забелин отмечает, что ее брату, Семену Лукьяновичу Стрешневу, первоначально принадлежал «двор, примыкавший к зданиям царского Хлебного двора и находившийся между Патриаршим двором и Троицким подворьем. При нем существовала и церковь Пятницы вблизи упомянутого подворья» (23, с. 404).

«Этот двор через Троицкую улицу находился против Голицынского двора, которым также владел Семен Лукьянович по наследству от отца». Далее Забелин пересказывает интригу 1677 г. о том, что вдовствующую царицу Наталью Кирилловну предполагалось переселить из старого царского дворца вместе с пятилетним сыном, царевичем Петром, на бывший двор боярина Стрешнева, где по указу Федора Алексеевича предписывалось построить для них специальные хоромы. В связи с этим «Стрешневский двор был измерен, причем оказалось, что по улице против Троицкого подворья его межа простиралась на 55 сажен... эта затея сторонников царевны Софьи осталась неисполненной. Вместо дворца царицы здесь был устроен дворцовый новый Запасный двор... Церковь св. Пятницы стала обозначаться: “что на новом Запасном государевом дворе”, а также — “что на дворе Стрешнева”. Последнее обозначение сохранялось даже и в 1722 г.» (23, с. 405). Очевидно, что здесь идет речь о Пятницкой церкви, находившейся уже по левую сторону Троицкой улицы при движении от Троицких ворот Кремля.

Однако далее, рассказывая о владениях, находящихся по правой стороне Троицкой улицы при движении от Троицких ворот, Забелин отмечает сразу после Троицкого подворья «небольшую церковь во имя Прасковей Пятницы, стоявшую возле Троицкого подворья. В XVII ст. ее местность соприка-

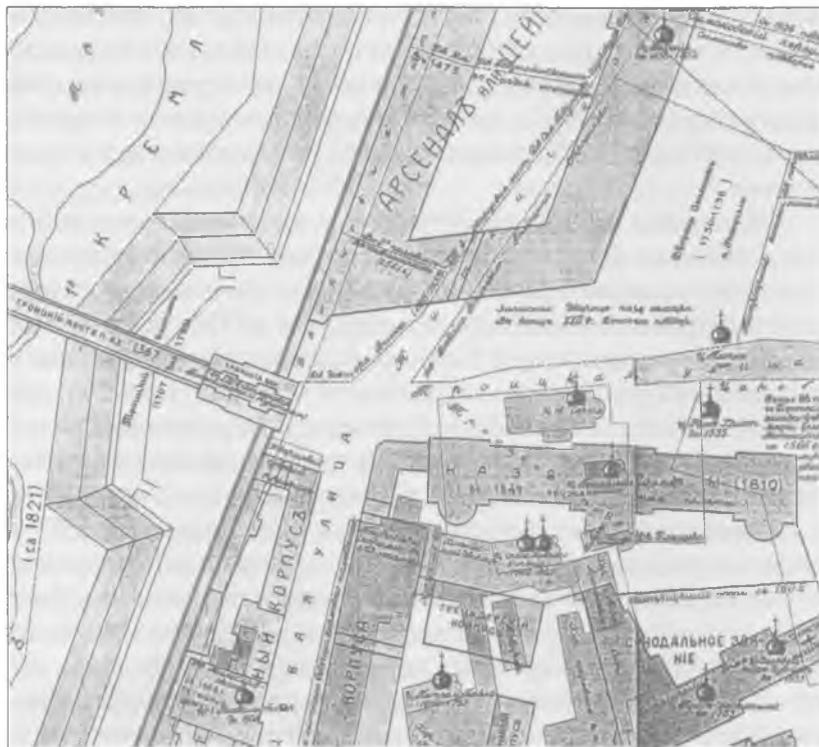
салась с местностью государева дворца и во второй половине этого столетия принадлежала С.Л. Стрешневу... Можно предполагать, что церковь оставалась памятником какого-либо старого боярского двора, исчезнувшего в коловороте Кремлевского расселения» (23, с. 438). Таким образом, по Забелину, Пятницкая церковь располагалась по правую сторону Троицкой улицы. К сожалению, И.Е. Забелин не дает ссылок на используемые источники, разрозненные и часто противоречивые. Поэтому, несмотря на его огромную эрудицию, в его книге встречаются недостаточно обоснованные утверждения, гипотезы и догадки, которые нуждаются в проверке из независимых источников.

Один из таких источников был впервые опубликован недавно. Это Ладанные книги конца XVI—XVII вв. В этой работе имеются сведения о трех выдачах ладана единственной тогда в Кремле церкви Параскевы Пятницы в 1617—1620 гг. В первой записи есть указание: «к Пятнице что у Троецкого подворья», во второй: «к пятнице что в Кремле городе против Троецкого подворья», в третьей — «к Пятнице Святой что в Кремле городе у Троецкого подворья» (43, с. 152). Как будто вторая запись прямо указывает на расположение Пятницкой церкви на противоположной стороне от Троецкого подворья Троицкой улицы.

На плане «Кремленаград», на стороне двора Богдана Бельского, выходящей на Троицкую улицу, храм не показан, но есть небольшой домик с древней столбовой колокольней, стоящей за оградой двора, на улице, к которой от домика протянуты звонарные веревки. Возможно, во время составления плана церковь временно была закрыта, или это ошибка рисовальщика.

На исторической схеме Кремля в книге С.П. Бартенева «Московский Кремль в старину и теперь» церковь Параскевы Пятницы показана по левую сторону Троицкой улицы (5, кн. 1, вклейка) (илл. 34). Позднее она вошла в состав Донского подворья; в конце XVII в. здесь был Запасный дворец, а при Анне Иоанновне в 1730 г. по проекту архитектора Б. Растрелли был выстроен деревянный дворец Анненгоф, существовавший только до 1736 г.

В этом районе Кремля существовала еще одна древняя церковь — во имя Рождества Христова. По сведениям Забелина, эта церковь в XV и первой половине XVI в. стояла перед двором князей Мстиславских (23, с. 440). Двор боярина Федора Михайловича Мстиславского принадлежал ранее Плещеевым. В Рождественскую ночь 1446 г. молодой боярин Андрей Михайлович Плещеев первым принес весть об освобождении из татарского плена великого князя Василия II Васильевича Темного, разогнал наместников Шемяки и укрепил город. Тем самым был ускорен конец Шемякиной смуты. По предположению Забелина, его отец, Михаил Борисович Плещеев, в память об этом событии построил у



Илл. 34. Московский Кремль. Историческая схема. Начало XX в.

своего двора храм Рождества Христова. Этот храм простоял на первоначальном месте 90 лет, но в 1555 г. его престол был перенесен в новую колокольню возле Ивана Великого. Как известно, при освящении церковей освящаются и места их престолов. Поэтому при перенесении престолов на прежнем их месте ставится памятный крест или часовня. Отметим, что двор Плещеевых-Мстиславских, по сведениям всех исследователей, находился на левой стороне Троицкой улицы при проходе от Троицких ворот. Это хорошо видно на сводном плане С. П. Бартенева.

На основании этих соображений, возвращаясь к миниатюре из «Книги об избрании на царство...», кажется возможным предположить, что храм, изображенный в нижнем правом углу, — это церковь Параскевы Пятницы на Плещеевом дворе, а часовня на углу Троицкого подворья, но отгороженная от него забором и, следовательно, на территории, принадлежавшей городу, а не монастырю, поставлена в память церкви Рождества Христова, до 1555 г. находившейся в этом районе.

В истории монастыря XVII в. есть одно загадочное событие, описание которого современниками противоречит другим известным историческим событиям. Речь идет о жалобе властей Троицкого монастыря, поданной в 1727 г. в Св. Синод о том, что «архимандрит Гавриил Бужинский в 1722 г. самовольно разобрал церковь во имя преп. Сергия», а в 1729 г. подобная жалоба — на Высочайшее имя в Верховный Тайный совет с добавлением, «что церковь до Литовского разорения за многие годы была создана каменная, изрядного мастерства с теплою трапезою, с папертьми и с колокольнею» (23, с. 435). Забелин называет эти свидетельства сомнительными, правда, без объяснения причин своих сомнений, и полагает, что факт самовольной разборки архимандритом церкви имел место, но разобрана была не Сергиевская церковь, а Богоявленская «по случаю ее вековой ветхости». По поводу замены имени церкви Забелин считал, что это «ошибка, очень возможная для Троицких властей, повсюду помнивших только св. имя Сергия» (23, с. 435).

Не очень понятно, зачем Забелину понадобилось такое допущение, ставящее под сомнение свидетельства двух официальных документов. Тем более что в связи с ним оказалось нужным еще одно такое же спорное предположение относительно третьего документа, независимого от первых двух. Оно касается восстановления монастырских зданий после великого пожара 1737 г., когда выгорело все подворье. «Церковь св. Сергия с приделом Федора Стратилата вновь была освящена в марте 1738 года». Отметим, что в сумме сведений о Сергиевской церкви в этих документах сообщается о наличии в ней колокольни и трапезной, которых точно не было в Богоявленском соборе. Это обстоятельство делает возможную ошибку руководства Троице-Сергиева монастыря совсем уж маловероятной. Далее Забелин замечает: «Об освящении церкви Богоявления сведений не встретилось, что дает место предположению, существовала ли эта церковь во время пожара...» (23, с. 434). Вряд ли можно считать достаточным основанием для гипотезы о том, что Богоявленский собор Троицкого подворья не существовал в 1737 г., только потому, что «сведений не встретилось». Сведения ведь просто могли и не сохраниться. Далее, такое предположение требует объяснения других исторических свидетельств в русле принятых гипотез. Забелин находит их, ссылаясь на «Путеводитель к древностям и достопамятностям Московским», где приведена запись об освящении 13 мая 1754 г. на подворье церкви Богоявления.

«Освятися жертвенник Господа Бога нашего Иисуса Христа в царствующем граде Москве, в Богоявленском монастыре, что на Троицком подворье, во храме св. Богоявления Господня при державе». Это очень важное показание заставляет предполагать, что церковь на самом деле была разобрана и выстроена вновь, почему о ней и не упомянуто при возобновлении церковью после пожара 1737 г. (23, с. 435).

Новая церковь по размеру была меньше старой. К сожалению, источника сведений о меньшем размере вновь построенного Богоявленского храма Забелин не сообщает. Более серьезным кажется замечание Забелина о том, что на планах XVII в. Богоявленский собор если и показан, то в виде

небольшого шатрового храма. Действительно, его не удается различить на «Петровом чертеже», хотя там видна Сергиевская церковь. Однако он показан на плане «Кремленаград». По-видимому, он все-таки изображен на «Годуновом чертеже» в виде трехглавого храма у южного угла подворья. Собор не показан на «Сигизмундовом» плане 1610 г., хотя Сергиевская церковь видна отчетливо. Трудно сказать о наличии храмов подворья на гравюре Мериана 1638 г., хотя какие-то главки в районе подворья наблюдаются. Похожая ситуация и с Планом Москвы А. Олеария 1630-х гг. На Плане Москвы А. Мейерберга 1661–1662 гг. хорошо видна церковь преп. Сергия и нет Богоявленского собора.

Возможно, здесь Забелина просто смутило противоречие в свидетельствах о значимости Богоявленского собора в кремлевской жизни и его малых размерах в Описи 1763 г., равных по длине 6 сажням, по ширине 5 сажням 1 аршину (или 12,8 x 11,4 м). Но это было видно и на миниатюре «Книги об избрании...», которая была доступна Забелину и в оригинале, так как он на нее ссылается, и по изданию 1856 г.

На исторической схеме Кремля С.П. Бартенева 1910 г. есть характерная тонкость: древние церкви, план и точное местоположение которых ему не были известны, показаны только условно, в виде церковного купола. Для известных же ему по плану церквей, как правило, приводятся еще и их планы. К сожалению, источники сведений на этой карте также не приведены. Но если они заслуживают доверия, можно сделать достаточно обоснованное предположение о планировочной структуре подворья и его ближайшего окружения, которое снимет противоречия в версии И.Е. Забелина. Церкви Параскевы Пятницы и Рождества Христова показаны здесь только условными обозначениями, а вот для Сергиевской церкви и Богоявленского собора приведены и планы. По плану на карте церковь преп. Сергия уже не похожа на крестовую церковь на миниатюре из «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича» — здесь это чистый прямоугольник с одной полукруглой апсидой. Интересно, что вместо колокольни у южной стены изображена

маленькая придельная церковь с одной, также полукруглой апсидой. На расстоянии 6 сажень (4, если прибавить ширину придела) от нее к югу изображен Богоявленский собор с тремя апсидами, средняя из которых выступает немного дальше к востоку, чем боковые. Все размеры обоих храмов полностью соответствуют размерам Описи 1763 г. Если мы предположим, что три цитируемых Забелиным документа соответствуют реальным историческим событиям, то в этом случае перед нами план Сергиевской церкви, восстановленной в 1738 г. с некоторыми изменениями после ее самовольной сломки архимандритом Гавриилом Бужинским в 1722 г. и пожара 1737 г., и план Богоявленского собора, также восстановленного после того же пожара и освященного в 1754 г. Так как расстояние между этими храмами не допускает строительства между ними какого бы то ни было третьего, остается предположить, что придельная церковь св. Федора Стратилата располагалась в нижней части более древней колокольни, в показанном на плане приделе у южной стены церкви преп. Сергия. Тогда найдет свое объяснение и некоторая неопределенность в тексте Описи 1763 г. о колокольне: «При одной из церквей под деревянную крышку висело 6 колоколов, — это была небольшая колокольня». Если бы не было миниатюры, мы не могли бы делать выводов о расположении колокольни, а отсутствие позднего плана Сергиевской церкви сделало бы всякие суждения о размещении придельной церкви Федора Стратилата полностью гипотетичными. Размеры придела на карте также соответствуют размерам Описи.

В Описи 1763 г. имеются сведения и о других сооружениях подворья. В частности, сообщается, что «под церквями в подклетном этаже в разных полатах находились под Богоявленской церковью моленная полата, хлебодарня, 2 кельи, братский погреб; под церковью Федора Стратилата — кладовая полата, под трапезою церкви Сергия — магазейная полата» (23, с. 436). Здесь стоит отметить, что в церкви преп. Сергия подклет был только в трапезной и приделе, и он не отмечен в храме, что не противоречит рисунку миниатюры.

На подворье были два корпуса настоятельских келий. В одном из них, двухэтажном, размерами 36,4 × 10 м, на верхнем этаже находились 19 келий и сени. На нижнем – келья, кухня и 2 погреба. Более поздняя опись (1769) сообщает подробности их планировки. В корпусе находились: зал, размерами 10,6 × 7,8 м в три окна по 8 стекол с двумя дверями; 8 келий каждая размерами 5 × 4,3 м с двумя окнами. В двух из них было по 4 окна. В корпусе было 5 голландских печей с изразцами. Стены были оклеены бумажными обоями разных цветов. Снаружи здание имело два каменных крыльца, черепичную кровлю и было окрашено желтой краской.

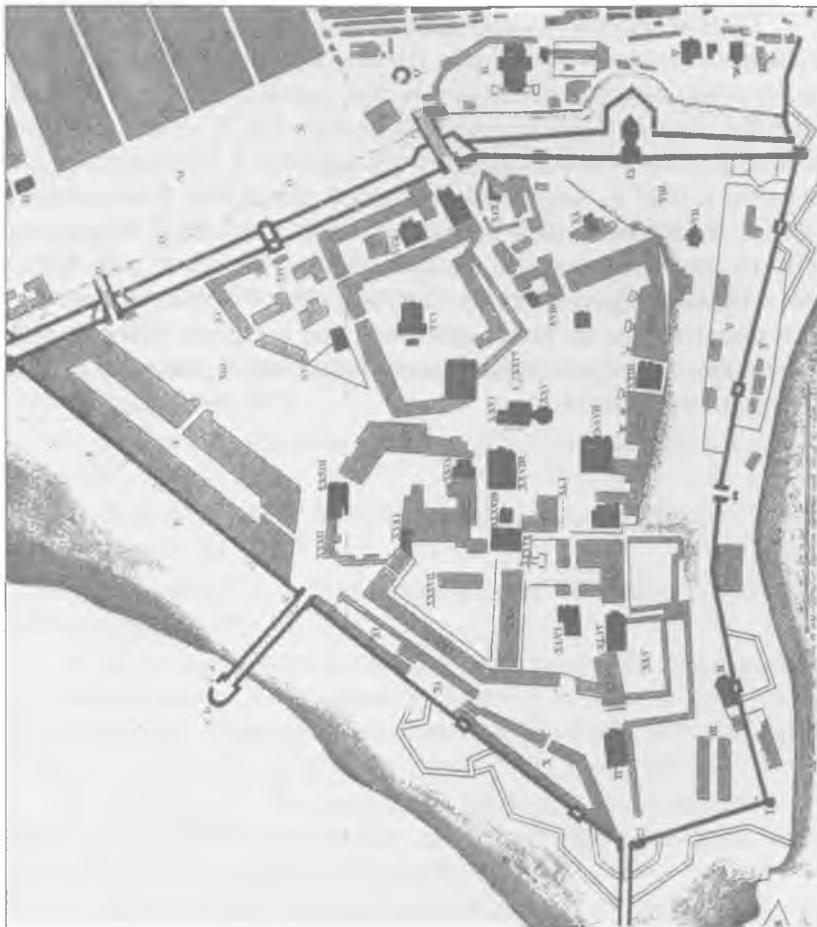
Другой корпус настоятельских келий также был двухэтажным, размерами 14 × 12,8 м; в верхнем этаже его находились 4 комнаты, под которыми располагались кухня, приспешная палата и сторожка. Корпус имел тесовую кровлю.

На подворье было два корпуса братских келий. Оба двухэтажные – один размерами 43,5 × 5 м с 5-ю кельями наверху и кухней и кладовкой с сениями внизу. В другом, длиной 43,5 м, наверху размещались 9 келий, кухня, кладовка и чулан, а внизу 6 келий, 2 хлебных помещения, 2 чулана. В корпусе было трое сеней и, следовательно, три входа.

Имелись на подворье две конюшни: одна каменная, размерами 17,1 × 9,6 м, и другая деревянная, размерами 17,1 × 6,4 м была пристроена к ограде. На подворье отмечена ограда длиной примерно 70 м, более 2 м высотой и шириной 1 м. В описи 1642 г. указано, что ограда имела три каменные стены, а четвертая стена от патриаршего двора была забрана забором.

В 1764 г. по указу Екатерины II о «Духовных штатах» и секуляризации церковных земель подворье было упразднено. Его территория вместе со всеми постройками поступила в Дворцовое ведомство, а затем в том же году – в Сенатское ведомство и было занято Судным приказом. В 1778 г. северная часть бывшей монастырской территории по распоряжению Сената была передана для размещения служб обер-коменданта Кремля генерал-поручика Ржевского, и Богоявленская церковь стала называться «что в Комендантском доме»

(илл. 35). В начале XIX в. начались работы по благоустройству Кремля и связанный с этим массовый снос древних зданий. По проекту начальника Дворцового ведомства П.С. Валуева для строительства нового здания Оружейной палаты предполагалось снести всю застройку от церкви Двенадцати апостолов до Троицких ворот, включая все здания Годуновско-



*Илл. 35. План Кремля XVIII в., гравированный Скельтеном с оригинала Кампорези. Альбом старинных видов Московского Кремля*

го двора, часть патриаршего двора и все Троицкое подворье с Комендантским домом. В 1806 г. последовало Высочайшее повеление разобрать Богоявленскую церковь и все остальные здания подворья, что и было сделано в 1807–1808 гг., а в построенном на этом месте в 1810 г. двухэтажном здании разместили казармы. Сейчас на этом месте стоит Кремлевский Дворец съездов (ныне Большой Кремлевский дворец).

Таким образом, Богоявленский монастырь (или Троицкое подворье) просуществовал в Кремле более 400 лет, оставив в исторической памяти свидетельства своей духовной и повседневной жизни. Он был свидетелем первого, и единственного, в истории России всенародного покаяния в государственной измене в 1607 г., основания царской династии Романовых в 1613 г., возникновения зародыша первой русской Академии. На его дворе стояло одно из красивейших сооружений Кремля – церковь преп. Сергия. Его подробное исследование может пролить свет на некоторые неясные вопросы истории развития архитектурно-планировочной истории района Кремля, где находился монастырь.

---

## БИБЛИОГРАФИЯ

---

1. *Александровский М.И.* Указатель московских церквей. М., 1915. № 1.
2. *Александровский М.И.* Рукопись. № 15, 85, 166, 1033.
3. *Алпатов М.В.* Феофан Грек. М., 1990.
4. *Арсений Елассонский.* Мемуары архиепископа Елассонского Арсения о русской истории // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. М., 1991.
5. *Бартенев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. Т. 1–2. М., 1912–1916.
6. *Баталов А.Л.* Московское каменное зодчество конца XVI века. М., 1996.
7. *Баталов А.* На грани культур // Архитектура и строительство Москвы. 1989. № 5.
8. *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1995.
9. *Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы Московского Кремля: Святыни и древности. М., 1997.
10. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.
11. *Воронов А.А.* Афанасьевский монастырь, что подворье Кириллова монастыря в Московском Кремле и почитание свв. Афанасия и Кирилла, Архиепископов Александрийских в Москве // Христианское зодчество. Новые материалы и исследования. М., 2004.
12. *Воронов А.А.* Богоявленский Троице-Сергиев монастырь в Московском Кремле. Проблемы эволюции планировки и застройки // Искусство христианского мира. Вып. 4. М., 2000.
13. *Выголов В.П.* Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988.
14. *Горский А.В.* Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. Ч. I. М., 1890.

15. *Гращенков А.В.* Архитектурный декор собора Чудова монастыря по материалам лапидария ГММК // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования / Под ред. А.Л. Баталова и И.А. Бондаренко. М., 1991.
16. *Гращенков А.В.* Северный портал собора Чудова монастыря // Архитектурное наследство. № 44. М., 2001.
17. *Денисов Л.И.* Православные монастыри Российской Империи. М., 1908.
18. *Дмитриевский А.А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899.
19. Житие митрополита всея Руси святого Алексия, составленное Пахомием Логофетом // Изд. ОЛДП. Вып. 4. СПб., 1877–1888.
20. Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893.
21. Жития святых святителя Димитрия Ростовского. Февраль. М., 1905.
22. Журнал Московской Патриархии. 1977. № 5.
23. *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1990 (репринт изд. 1905 г.).
24. *Зверинский В.В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 3., М., 1897.
25. Зодчие Москвы. М., 1998.
26. *Извеков Н.Д.* Соборный храм во имя Преображения Господня, «что на Бору» при Большом Кремлевском дворце в Кремле. М., 1913.
27. *Ильин М., Моисеева Т.* Москва и Подмосковье. М., 1979.
28. Иностранцы о древней Москве: Москва XV–XVII вв. М., 1991.
29. История Москвы. М., 1952. Т. I. № 3.
30. История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 283.
31. *Карташев А.В.* Очерки по истории русской церкви. Т. II. М., 1959.
32. *Кондратьев И.К.* Московский Кремль, святыни и достопримечательности. М., 1910.

33. *Кондратьев И.К.* Седая старина Москвы. М., 1997 (ре-принт изд. 1893 г.).
34. *Кудрявцев М.П.* Москва – третий Рим. М., 1994.
35. *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
36. *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века. М.–Л., 1955.
37. *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. М., 1992 (репринт изд. 1629 г.).
38. *Малков Ю.Г.* Стенопись собора Чуда Архангела Михаила // Древнерусское искусство. М., 1977.
39. *Марков П.* Жизнеописание святого Стефана Пермского с краткими историческими сведениями о соборе Спаса на Бору. М., 1896.
40. Москва. Снимки с видов местностей, храмов, зданий и других сооружений. М., 1886, Т. I, II.
41. О московском гербе // Русский вестник. 1868. № 5.
42. *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. М., 1898.
43. *Павлович Г.А.* Храмы средневековой Москвы по записям Ладанных книг: Опыт справочника-указателя // Сакральная топография средневекового города. М., 1998.
44. *Паламарчук П.П.* Сорок сороков. Т. I. М., 1992.
45. Памятники архитектуры Москвы: Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982.
46. *Подъяпольский С.С.* Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI века по данным письменных источников: Опыт составления словаря // Реставрация и архитектурная археология: Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 221.
47. *Потанов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры. // Древности. Т. XIX–XX. Вып. 1, 2. М., 1902–1903.
48. *Протасьева Т.Н.* Чудовское собрание ГИМ. Новосибирск, 1980.

49. ПСРЛ (Полное собрание русских летописей: т. XXVIII – М.–Л., 1963; т. XX – СПб., 1913; т. XXXIV – М., 1978; т. XXX – М., 1965; т. XII – СПб., 1901; т. VI, VII, VIII – Рязань, 2000.

50. *Машков И.П.* Путеводитель по Москве. М., 1913.

51. *Пшеничников А.* Краткое историческое описание перво-классного Вознесенского девичьяго монастыря в Москве. М., 1894.

52. *Ратишин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852.

53. *Рихтер Ф.Ф.* Памятники древнего русского зодчества, снятые с природы и представленные в планах, фасадах, разрезах, с замечательнейшими деталями украшений каменной высебки и живописи. М., 1851–1856. Тетр. 1–5.

54. *Розанов Н.П.* Московские святыни в 1812 году. М., 1912.

55. *Романюк С.К.* Москва. Утраты. М., 1992.

56. Святыни древней Москвы. М., 1993.

57. *Седов Вл. В.* Митрополиты в старых соборах в XVII веке // Архитектурное наследство. № 44. М., 2001.

58. Москва: Святыни и памятники. М.: Изд. Синодальной типографии, 1903.

59. *Скворцов Н.А.* Археология и топография Москвы. М., 1913.

60. *Скворцов Н.А.* Материалы по Москве и Московской епархии за XVI–XVII века. М., 1911.

61. *Скворцов Н.А.* Московский Кремль. Упраздненные монастыри, соборы, церкви и подворья в Кремле // Русский архив. 1893. Кн. 1–3.

62. Словарь исторический о русских святыях. М., 1991 (репринт изд.: СПб., 1862 г.).

63. *Снегирев И.М.* Москва. Подробное описание историческое и археологическое города. М., 1875.

64. *Снегирев И.М.* Новоспасский ставропигиальный монастырь. М., 1863.

- 
65. *Снегирев И.М.* Спас на Бору в Московском Кремле // Русские достопамятности. Т. 2. М., 1877.
66. *Соболев Н.Н.* Русский зодчий XV века Василий Дмитриевич Ермолин // Старая Москва. Вып. 2. М., 1914.
67. *Степанов М.П.* Храм-усыпальница великого князя Сергия Александровича во имя преподобного Сергия Радонежского в Чудовом монастыре в Москве. М., 1909.
68. *Сытин П.В.* Из истории московских улиц. М., 1958.
69. *Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. I (1147–1762). М., 1950.
70. *Тихомиров М.Н.* Древняя Москва XII–XV вв. М., 1992. С. 23, примеч. 21.
71. Церковное празднование 800-летия Москвы. М., 1948.
72. *Щенкова О.П.* Монастырские и архиерейские подворья Москвы: По материалам конца XVI–XVIII вв. // Архитектура русской усадьбы. М., 1998.

---

# СПИСОК ЧЕРНО-БЕЛЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

---

## СПАССКИЙ МОНАСТЫРЬ

1 План дворцового комплекса Кремля. В центре двора план Спасского собора. Обмерные чертежи команды Д.В. Ухтомского (копия сер. XVIII в.) (Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. С. 281. Рис. 25 – верхний).

2–3–4 Фрагменты белокаменных деталей фриза собора Спаса на Бору в Кремле. 1330 г.: Археологические находки 1930-х гг. (Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. С. 28. Рис. 46; С. 264. Рис. 36, 3в.).

5 Собор Спаса Преображения на Бору. План. По чертежу А.А. Мартынова. Середина XIX в. (*Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М., 1997. С. 231. Рис. 87).

6 Собор Спаса Преображения на Бору. Продольный разрез. По чертежу А.А. Мартынова. Середина XIX в. (*Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М., 1997. С. 232. Рис. 88).

7 Общий план Царского дворца в Московском Кремле (*Потанов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры // Древности. Т. XIX–XX. Вып. 1, 2. М., 1902–1903).

8 Церковь Спаса на Бору в Московском Кремле. Гравюра М. Казакова, XVIII в. Вид с юго-запада. (История Москвы. М., 1952. Т. I. Рис. на с. 47).

9 Собор Спаса Преображения на Бору. Вид с севера. Снимок из альбома Н.А. Найденова. М. 1983 г. (Москва златоглавая в старых фотографиях и гравюрах. М., 1989).

10 Вид царских дворцов с собором Спаса на Бору. Гравюра XIX в. (*Кудрявцев М.П.* Москва – третий Рим. М., 1993. С. 12. Рис. 3).

## ЧУДОВ МОНАСТЫРЬ

11 Собор Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря в Московском Кремле, 1501–1503 гг. Вид с запада. Снимок 1910-х гг. (*Выголов В.П.* О первоначальной архитектуре собора

Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. Рис. на с. 65).

12 План собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря по чертежу конца XIX в. (*Выголов В.П.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. Рис. на с. 66).

13–14 Планы и разрез нижнего и верхнего ярусов подклета собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря по чертежам конца XIX в. (*Выголов В.П.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. Рис. на с. 67).

15–16 Нижний и верхний ярусы подклета собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря. Фото 1920-х гг. (*Выголов В.П.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. Рис. на с. 71).

17 Северная апсида верхнего яруса собора Чуда Михаила Архангела Чудова монастыря. Фото 1920-х гг. (*Выголов В.П.* О первоначальной архитектуре собора Чудова монастыря // Средневековое искусство. Русь. Грузия. М., 1978. Рис. на с. 73).

18 Алексеевский и Благовещенский храмы Чудова монастыря. Вид со двора, с северо-восточного угла. Начало XX в. (Почтовая карточка. Фототипия К. Фишера начала XX в.).

19 Общий план Чудова монастыря. План 2-го этажа Палат, выходящих на Ивановскую площадь. (*Потапов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры // Древности. Т. XIX. М., 1902. Таб. XXIII. Рис. 93).

20 Палаты и кельи Чудова монастыря в Московском Кремле (*Потапов А.А.* Очерк древней русской гражданской архитектуры // Древности. Т. XIX. М., 1902. Таб. XXIII. Рис. 95).

21 Малый Николаевский дворец. Нач. XX в. (*Романюк С.К.* Москва. Утраты. М., 1992. С. 29 – нижний снимок).

## ВОЗНЕСЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

22 План земли и зданий Московского Вознесенского девичьего монастыря (*Лшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского монастыря в Москве. М., 1894. Шмуц-титул).

23 Соборный храм Вознесенского монастыря. Вид с юго-востока (*Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского монастыря в Москве. М., 1894. Рис. на с. 5).

24 Соборный храм в Вознесенском монастыре с северной стороны (*Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского монастыря в Москве. М., 1894. Рис. на с. 57).

25 Соборный храм в Московском Вознесенском монастыре в первой половине XIX в. Вид с юга (*Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского монастыря в Москве. М., 1894. Рис. на с. 15).

26 План соборного храма Вознесения Господня в Московском Вознесенском девичьем монастыре (*Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского монастыря в Москве. М., 1894. Рис. на с. 30).

27 Колокольня и храм Преподобного Михаила Малеина в Московском Вознесенском девичьем монастыре. С западной стороны (*Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского монастыря в Москве. М., 1894. Рис. на с. 85).

28 Храм Преподобного Михаила Малеина и колокольня в Московском Вознесенском девичьем монастыре. С южной стороны (*Пшеничников А.* Краткое историческое описание первоклассного Вознесенского монастыря в Москве. М., 1894. Рис. на с. 75).

### АФАНАСЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

29 Московский Кремль. Историческая схема. Фрагмент (*Бартнев С.П.* Московский Кремль в старину и теперь. Кн. 1. М., 1912. Вклейка).

30 Посольский приказ. Рис. Э. Пальмквиста. 1674 г. На заднем плане предположительно изображена пятиглавая церковь во имя свв. Афанасия и Кирилла у двора Ф.И. Мстиславского, ниже дьячих палат // *Забелин И.Е.* Альбом старинных видов Московского Кремля. М., 1905. № XVII (левый рисунок).

31 Кремль времени великих князей Ивана III и Василия III к 1553 г. Схематический план И.А. Голубцова. Фрагмент (История Москвы. Т. I. М., 1952).

32 Кремль в конце царствования Бориса Годунова к 1605 г. Схематический план И.А. Голубцова. Фрагмент (История Москвы. Т. I. М., 1952).

33 План Кремля конца XVIII – начала XIX в. из книги Бочарова «Москва и москвичи». Вып. 1. М., 1841. Ч. 1 (*Сытин П.В.* История планировки и застройки Москвы. Т. I (1147–1762). М., 1950).

### **БОГОЯВЛЕНСКИЙ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ**

34 Московский Кремль. Историческая схема. Из книги С. П. Бартенева «Московский Кремль в старину и теперь (Кн. I. М., 1912. Вклейка).

35 План Кремля XVIII в., гравированный Скультенем с оригинала Кампорези. Альбом старинных видов Московского Кремля (№ II. 2. Отдельное приложение к книге И.Е. Забелина «История города Москвы» (М., 1990).

---

## СПИСОК ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

---

1 «Кремленаград». Аксонометрический план Кремля начала 1600-х гг. (Памятники архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. Вкладка).

2 Вид на собор Спаса на Бору и Теремной дворец. Неизв. худ. Конец XVIII в. (*Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М., 1997.) илл. 61 на цв. вкладке.

3 Фрагмент плана «Кремленаград» с Чудовым монастырем. // Памятники архитектуры Москвы. (Кремль, Китай-город, центральные площади. М., 1982. Вкладка).

4–6 Изображение собора Чудова монастыря в клеймах иконы «Митрополит Алексей в житии». Начало XVI в. Государственная Третьяковская галерея. Клейма: «Свт. Алексей готовит себе гробницу», «Преставление свт. Алексия», «Погребение свт. Алексия».

7 Чудов монастырь. Фотография из собрания Э.В. Готье-Дюфайе. Видны различия в размерах купольных завершений парных Благовещенского и Алексеевского храмов. Начало XX в. (Москва златоглавая в старых фотографиях и гравюрах. М., 1989).

8 Чудов монастырь. Вид с колокольни Ивана Великого. Начало XX в. (Почтовая карточка. Издательство Гранберг в Стокгольме).

9 Чудов монастырь и Николаевский дворец. Вид с Ивановской (Императорской) площади. Начало XX в. // Почтовая карточка. Издательство Аксель Элиассон в Стокгольме.

10 Николаевский дворец (с видом на Вознесенский монастырь). Литография середины XIX в. (*Бусева-Давыдова И.Л.* Храмы Московского Кремля: святыни и древности. М., 1997. С. 231. Рис. 66).

11 Церковь св. Екатерины Вознесенского монастыря. Вид со Спасской улицы (Почтовая карточка. Издательство П.Г. Поллак. Москва. Начало XX в.).

12 Спасская башня и церковь св. Екатерины Вознесенского монастыря. Вид со Спасской улицы Московского Кремля (Москва

златоглавая в старых фотографиях и гравюрах. М., 1989. Литография Жюля Арну. Из собрания П.С. Романова).

13 «Кремленаград». Фрагмент плана с фасадом Афанасьевского монастыря (Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. Вкладка).

14 «Кремленаград». Фрагмент плана (Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. М., 1982. Вкладка).

15 Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын принимает депутацию российских гостей на паперти Богоявленского собора Троицкого подворья в Кремле в субботу 20 февраля 1613 г., на первой неделе Великого поста, после обедни. Миниатюра из рукописной «Книги об избрании на превысочайший престол великого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича» (1672–1673) (Издание Комиссии печатания государственных грамот и договоров. М., 1856 // *Малиновский А. Ф.* Обзорение Москвы. М., 1992. Шмуцтитул).

*Научно-популярное издание*

**Воронов Александр Александрович**

## **МОНАСТЫРИ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ**

Художественное оформление *Н. Е. Ильенко*

Корректор *А. Г. Васильева*

Верстка *Ю. Б. Коробовой*

Подписано в печать 26.10.2016. Формат 60х90<sup>1/16</sup>  
Объем 11,5 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ 5911

Издательство Православного Свято-Тихоновского  
гуманитарного университета  
115184, Москва, Новокузнецкая ул., д. 23, корп. 5а  
E-mail: izdat@pstgu.ru  
pub.pstgu.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»  
Филиал «Чеховский Печатный Двор»  
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1  
Сайт: [www.chpd.ru](http://www.chpd.ru), E-mail: [sales@chpd.ru](mailto:sales@chpd.ru), тел. 8(499)270-73-59



Автор книги — Александр Александрович Воронов (1940—2012), кандидат архитектуры, автор более 80 научных публикаций по истории архитектуры и градостроительства античных городов Северного Причерноморья. Также он много работал над созданием свода православных монастырей России.

В книге представлены описания истории всех когда-либо находившихся на территории Московского Кремля монастырей. Ни один из них к настоящему времени не сохранился. Существует общепринятое мнение о том, что в Кремле было три монастыря: Спасо-Преображенский, Чудов и Вознесенский. Известно, однако, что кроме монастырей в Кремле действовали два близких к ним по функциям комплекса — монастырские подворья, одно из которых принадлежало Троице-Сергиеву монастырю, а другое — Кирилло-Белозерскому.

